

2017

Вестник Университета Дмитрия Пожарского

№ 3 (7)

*От Гражданской
до Второй мировой:
из истории репрессий на севере России*

Тема
номера

Вестник
Университета Дмитрия Пожарского

№ 3 (7)

Москва
Университет Дмитрия Пожарского
2017

JOURNAL OF DMITRY POZHARSKY UNIVERSITY

2017, № 3 (7)

From Civil War
to the Second World War:
on the History of Repression in the Russian North

Dmitry Pozharsky University

Moscow 2017

ВЕСТНИК УНИВЕРСИТЕТА ДМИТРИЯ ПОЖАРСКОГО

2017, № 3 (7)

От Гражданской
до Второй мировой:
из истории репрессий на севере России

Университет Дмитрия Пожарского

Москва 2017

УДК 94(47)
ISSN 2410-5309

Русский фонд содействия образованию и науке

*Журнал издаётся по решению Учёного совета
Университета Дмитрия Пожарского*

Редакционная коллегия:

Донской Г.Г. (кандидат исторических наук, Университет Дмитрия Пожарского) (ответственный редактор), Авдеев А.Г. (кандидат исторических наук, доцент, ПСТГУ, Университет Дмитрия Пожарского, школа-интернат «Интеллектуал»), Волков С.В. (доктор исторических наук, Университет Дмитрия Пожарского), Габелко О.Л. (доктор исторических наук, профессор, Институт восточных культур и античности РГГУ, Университет Дмитрия Пожарского), Ладьянин И.А. (кандидат исторических наук, доцент, МГУ им. М.В. Ломоносова, Университет Дмитрия Пожарского), Любжин А.И. (доктор филологических наук, Университет Дмитрия Пожарского), Мендюков А.В. (кандидат исторических наук, Университет Дмитрия Пожарского), Поваляев М.В. (Университет Дмитрия Пожарского), Степанов А.С. (доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт российской истории РАН, Университет Дмитрия Пожарского), Чегодаев М.А. (кандидат искусствоведения, Государственный институт искусствознания, Университет Дмитрия Пожарского).

Составитель — Степанов А.С.

Ответственный секретарь Вестника — А.В. Пименова

Editorial Board:

Donskoy G.G. (Ph. D. in History, University of Dmitry Pozharsky) (editor), Avdeev A.G. (Ph.D. in History, Associate Professor, St. Tikhon's Orthodox University, University of Dmitry Pozharsky, boarding school «Intellectual»), Volkov S.V. (Doctor of History, University of Dmitry Pozharsky), Gabelko O.L. (Doctor of History, Full Professor, Institute of Oriental Cultures and Antiquity of RSUH, University of Dmitry Pozharsky), Ladyinin I.A. (Ph.D. in History, Associate Professor, Moscow State University, University of Dmitry Pozharsky), Lyubzhin A.I. (Doctor of Philology, University of Dmitry Pozharsky), Menduykov A.V. (Ph.D. in History, University of Dmitry Pozharsky), Povalyayev M.V. (University of Dmitry Pozharsky), Stepanov A.S. (Doctor of History, Leading Research Fellow, Institute of Russian History of Russian Academy of Sciences, University of Dmitry Pozharsky), Chegodaev M.A. (Ph.D. in History of Art, State Institute of Art History, University of Dmitry Pozharsky).

Issue collected by Stepanov A.S.

Secretary-in-charge A.V. Pimenova

В данном номере «Вестника Университета Дмитрия Пожарского» представлены работы специалистов, занимающихся историей репрессий на севере России.

This issue of the “Journal of Dmitry Pozharsky University” presents research findings by experts studying the history of repression in the Russian North.

В оформлении обложки использованы карта Соловецких островов
и изображение Соловецкого монастыря.

© Коллектив авторов, текст, 2017

© Яворский И. Р., дизайн макета, 2014

© Горева Е. А., дизайн макета обложки, 2015

© Русский фонд содействия образованию и науке, 2017

Содержание

Вступительное слово	9
<i>Веригин С. Г.</i> Сандормох: есть ли в расстрельных могилах советские военнопленные?	11
<i>Корганова М. Э.</i> Стратегии выживания заключенных Соловецкого лагеря особого назначения (1929–1937 гг.).....	22
<i>Маркелов А. В.</i> Реконструкция последнего периода жизни архиепископа Черниговского Пахомия (Кедрова) 1930–1937 гг.	49
<i>Мендюков А. В.</i> «Воинствующие безбожники» в борьбе с верой в Карелии и Среднем Поволжье	60
<i>Мендюков А. В.</i> Православие под ударом: Церковь, духовенство и верующие в Советской России в 1920–1930-е гг. (по материалам Среднего Поволжья).....	72
<i>Овчинникова И. Г.</i> Соловецкий лагерь и начало ГУЛАГа в строительстве Беломорско-Балтийского канала.....	82
<i>Паиков А. М.</i> Крестьянское антибольшевистское выступление в Вытегре 4 июня 1918 г.	98
<i>Петров П. В.</i> Репрессии среди музейных работников Петергофа и музейное дело 1937 г.....	114

<i>Плеханов А. А.</i> К вопросу о финских концентрационных лагерях для советских военнопленных 1941–1944 гг. (по материалам ГА РФ)	134
<i>Плеханов А. М.</i> Соловецкий лагерь особого назначения (1923–1928 гг.)	146
<i>Репухова О. Ю.</i> Пограничный режим в Карелии в 1920-х гг.	156
<i>Смирнов Г. В.</i> Соловки. Реконструкция памяти.....	176
<i>Степанов А. С.</i> Унишевский В. И.: страницы запрещенной биографии	190
<i>Хаустов В. Н.</i> Массовые репрессии 1937–1938 гг. на севере России (на материалах управлений НКВД Архангельской, Вологодской областей и НКВД Карельской АССР).....	199
Сведения об авторах	208
Information about Authors	211
Список сокращений	214

Contents

Introductory.....	9
<i>Verigin S. G.</i> Sandormokh: Are There Soviet Prisoners of War in the Mass Execution Graves?.....	11
<i>Korganova M. E.</i> Survival Strategies of Solovki Special Purpose Camp Prisoners (1929–1937).....	22
<i>Markelov A. V.</i> Reconstruction of the Last Period in the Life of Archbishop Pakhomy (Kedrov) of Chernihiv, 1930–1937	49
<i>Mendyukov A. V.</i> “Militant Atheists” at Struggle with Faith in Karelia and Middle Volga	60
<i>Mendyukov A. V.</i> Orthodoxy under Pressure: Church, Clergy, and Believers in Soviet Russia in the 1920–1930s (a Case Study of the Middle Volga Region).....	72
<i>Ovchinnikova I. G.</i> The Solovki Camp and the Origins of the Gulag in the Construction of the White Sea-Baltic Canal.....	82
<i>Pashkov A. M.</i> Peasant Anti-Bolshevik Uprising in the Town of Vytegra on June 4, 1918.....	98
<i>Petrov P. V.</i> Repression among the Museum Workers of Peterhof and the Museum Case of 1937	114

<i>Plekhanov A. A.</i> On the topic of the Finnish concentration camps for Soviet POWs (1941–1944). (Based on the Materials of the State Archive of the Russian Federation).....	134
<i>Plekhanov A. M.</i> Solovki Special Purpose Camp (1923–1928)	146
<i>Repuchova O. Yu.</i> Boundary Regime in Karelia in the 1920s	156
<i>Smirnov G. V.</i> Solovki. The Reconstruction of Memory.....	176
<i>Stepanov A. S.</i> V.I. Unishevsky: Pages of the Banned Biography.....	190
<i>Khaustov V.N.</i> Mass Repression of 1937–1938 in the North of Russia (on the materials of the NKVD departments of Arkhangelsk, Vologda regions, and the NKVD of the Karelian ASSR).....	199
Information about Authors	211
Abbreviations.....	214

Вступительное слово

В ноябре 2016 г. в Петрозаводске на базе Петрозаводского государственного университета состоялся VII семинар «История Соловецкого лагеря и репрессий на севере России», организованный Университетом Дмитрия Пожарского и кафедрой отечественной истории Института истории, политических и социальных наук Петрозаводского государственного университета. В работе семинара приняли участие ученые, журналисты, литераторы из Москвы, Санкт-Петербурга, Петрозаводска и других регионов России.

Представленные на семинаре доклады вызвали большой интерес у аудитории, состоялась содержательная и интересная дискуссия по проблемам репрессий на севере России и о судьбах людей, прошедших через них. Тематический номер журнала включает статьи участников семинара, подготовленные на основе сделанных на нем докладов.

Отличительной особенностью издания является то, что все его статьи содержат уникальный материал по проблеме репрессий, почерпнутый, прежде всего, из фондов центральных и региональных государственных и ведомственных архивов, а также мемуарной литературы. Многие статьи написаны на базе анализа рассекреченных архивных источников Центрального архива ФСБ РФ, архивов Управления ФСБ РФ по Санкт-Петербургу, Ленинградской, Архангельской, Вологодской областям и Республики Карелия. Данные архивные документы позволили глубже раскрыть механизм репрессий в СССР в 1920–1940 гг., доказать, что репрессивная политика советского государства в период Большого террора имела как общие черты, так и специфические особенности. На территории Севера России специфика заключалась в особо жестком характере репрессий, связанных с приграничным положением региона.

Общая проблема репрессий на Севере России в 1920–1940 гг. включает в себя не только репрессивную политику советского государства по отношению к собственному народу, но и те репрессии, которые осуществляли финские органы власти на оккупированной территории Карелии в 1941–1944 гг. в отношении местного населения. Анализ этой проблемы показывает, что большая часть жителей республики подверглась именно репрессиям (подавлению), насилию и на-

казаниям только за то, что они были русскими по национальности. По существу, в отношении них проводился неприкрытый этноцид.

В ряде статей формулируются вопросы и определяются направления для дальнейших исследований по проблемам репрессий на севере России. До сих пор не установлены места захоронения советских военнопленных на оккупированной финнами территории Советской Карелии. В частности, выдвигается версия о том, что в расстрельных могилах жертв политических репрессий на севере России второй половины 1930-х гг., могут быть и останки советских военнопленных, погибших в финских концлагерях в 1941–1944 гг.

Тематический номер журнала можно считать состоявшимся научным трудом, привносящим новые знания в изучении проблемы репрессий на севере России. Он будет полезен не только ученым и специалистам, но и всем тем, кто интересуется локальной историей России.

Д. и. н., проф. С. Г. Веригин (Петрозаводск)

С. Г. Веригин

Сандормох:

есть ли в расстрельных могилах советские военнопленные?

Одной из наиболее трагических страниц истории Великой Отечественной войны стали судьбы советских гражданских лиц и военнопленных, оказавшихся в концентрационных лагерях на оккупированной территории СССР. В последние годы тема концентрационных (переселенческих) лагерей для гражданского населения на оккупированной территории Советской Карелии нашла определенное отражение в исторической литературе¹. По данной проблеме существует и источниковая база, представленная как архивными источниками, так и опубликованными воспоминаниями бывших малолетних узников концлагерей².

Помимо концентрационных (переселенческих) лагерей для гражданского населения, на оккупированной территории Карелии и в приграничных с ней районах Финляндии была создана сеть лагерей для советских военнопленных, в которых обращение с заключенными мало чем отличалось от обращения с гражд-

---

¹ См.: *Морозов К. А.* Карелия в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Петрозаводск, 1983; *Веригин С. Г.* Карелия в годы военных испытаний. Политическое и социально-экономическое положение Советской Карелии в период Второй мировой войны. 1939–1945. Петрозаводск, 2009; *Веригин С. Г., Лайдинен Э. П.* Оккупация Карелии в 1941–1944 гг. // Подвигу жить в веках. Петрозаводск, 2011; *Макуров В. Г.* Петрозаводск в годы суровых испытаний, 1941–1945. Петрозаводск, 2005; *Куломаа Ю.* Финская оккупация Петрозаводска, 1941–1944. Петрозаводск, 2006; *Лайне А.* Гражданское население Восточной Карелии под финляндской оккупацией во Второй мировой войны // Карелия, Заполярье и Финляндия в годы Второй мировой войны. Петрозаводск, 1994; *Шляхтенкова Т. В., Веригин С. Г.* Концлагеря в системе оккупационной политики Финляндии в Карелии 1941–1944 гг. // Карелия в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Петрозаводск, 2001; *Юсупова Л. Н.* Военное детство на оккупированной территории Карелии в годы Великой Отечественной войны: (два взгляда гражданского населения) // Россия и страны Северной Европы: из истории приграничных отношений в XVI–XX вв. Петрозаводск, 2003.

² *Лонин Р. П.* Детство, опаленное войной. Петрозаводск, 2004; Судьба: сб. воспоминаний бывших малолетних узников фашистских концлагерей. Петрозаводск, 1999; Земля Заонежья: сб. воспоминаний о годах оккупации с 1941 по 1944 гг. Петрозаводск, 2000; Плененное детство: сб. воспоминаний бывших малолетних узников. Петрозаводск, 2005; и др.

данским населением. К концу 1941 г. таких лагерей насчитывалось уже 18³, а всего за 1941–1944 гг. было создано 35 финских лагерей и рот для советских военнопленных⁴. Кроме того, к настоящему моменту в архивах удалось обнаружить сведения о 27 немецких лагерях советских военнопленных, которые были созданы в оккупированных районах северной Карелии и на территории Финляндии.

Судьба советских военнопленных, содержавшихся в лагерях на оккупированной территории Карелии, в отличие от гражданского населения слабо освещена в отечественной историографии. Существует только одна, небольшая по объему статья С. С. Авдеева «Немецкие и финские лагеря для советских военнопленных в Финляндии и на временно оккупированной территории Карелии (1941–1944 гг.)»⁵. Правда, имеется небольшое число публикаций финляндских авторов — Хельги Сеппяля⁶, Эйно Пиэтола⁷ и других, которые переведены на русский язык и опубликованы в журнале «Север». Но это не закрывает имеющийся пробел в историографии данного вопроса.

Перед отечественной историографией стоит задача на основе анализа документальных источников, многие из которых за последние годы были рассекречены и введены в научный оборот, всесторонне осветить картину финских концлагерей для советских военнопленных на оккупированной территории Карелии в 1941–1944 гг.

Данная проблема состоит из различных аспектов, к одному из которых относится вопрос о положении и судьбе советских военнопленных в финских концлагерях на территории оккупированного Медвежьегогорского района республики в период Великой Отечественной войны.

Прежде всего необходимо выяснить, сколько всего финских лагерей для советских военнопленных находилось на территории оккупированного Медвежьегогорского района в 1941–1944 гг. и какова была в них численность военнопленных. По архивным документам из фондов Центрального архива ФСБ РФ (далее — ЦА ФСБ России), которые сравнительно недавно были рассекречены и стали доступны исследователям, следует, что всего существовало 6 концлагерей. Четыре в г. Медвежьегогорске: лагерь № 31, № 74, № 1343, который назывался распределительным лагерем при роте финской полиции, а также лагерь

³ Чумаков Г. В. За колючей проволокой // Отечественная история. 2006. № 4. С. 81–82.

⁴ См.: Веригин С. Г. Карелия в годы военных испытаний. Политическое и социально-экономическое положение Советской Карелии в период Второй мировой войны. 1939–1945. Петрозаводск, 2009.

⁵ Авдеев С. С. Немецкие и финские лагеря для советских военнопленных в Финляндии и на временно оккупированной территории Карелии (1941–1944 гг.) // Вторая мировая война и Карелия. 1939–1945 гг.: Материалы научно-практической конференции, посвященной 60-летию начала Великой Отечественной войны. Петрозаводск, 2001.

⁶ Сеппяля Х. Финляндия как оккупант // Север. 1995. № 4–5. С. 96–113; № 6. С. 108–128.

⁷ Пиэтола Э. Военнопленные в Финляндии в 1941–1944 // Север. 1990. № 12.

Пристань–ветка, а еще два в Медвежьегорском районе: финский лагерь военнопленных № 71 (2-я Кумса) и лагерь военнопленных № 73 в деревне Чебино⁸.

Анализ финских архивных источников из фондов Национального архива Финляндии показывает, что на территории г. Медвежьегорска и Медвежьегорского района в военный период находилось 5 лагерей для советских военнопленных: два в г. Медвежьегорске (лагеря № 31 и № 74) и три в районе (лагерь № 71 в деревне Кумсозеро, лагерь № 72 в деревне Ахвелаambi и лагерь № 73 в деревне Чебино)⁹. В архивах есть и карта расположения лагерей¹⁰. Как видно, количество лагерей не совпадает: по российским документам четыре лагеря были в Медвежьегорске и два в районе; по финским — два в городе и три в районе.

Несущественное расхождение, на наш взгляд, связано с тем, что распределительный лагерь № 1343 при роте финской полиции и временный лагерь Пристань–ветка в Медвежьегорске финны не относили к системе концлагерей для военнопленных. А лагерь № 72 в деревне Ахвелаambi находился далеко от Медвежьегорска вблизи села Паданы и не попал в поле зрения контрразведчиков УКР «Смерш» Карельского фронта, которые составляли картину о лагерях по допросам арестованных агентов финской разведки (бывших военнопленных лагерей г. Медвежьегорска и Медвежьегорского района) сразу после их ареста в августе 1943 — январе 1944 г. еще до освобождения района от оккупации¹¹.

Финские лагеря для военнопленных были крупнее, чем немецкие. Во многих из них численность заключенных превышала тысячу человек. Характерно, что многие лагеря для советских военнопленных финны организовывали на месте существовавших до войны лагерей НКВД, которых на территории Карелии, особенно в зоне ББК, насчитывалось довольно много. Так, лагерь № 74 с количеством 240–260 человек, организованный в феврале 1942 г., располагался на территории бывшего лагеря ББК в северо-восточной части г. Медвежьегорска с правой стороны шоссе на Пиндуши. В одной зоне с лагерем № 74 находился лагерь № 31, в котором летом 1943 г. содержалось более 200 военнопленных¹².

Распределительный лагерь № 1343 при роте финской полиции г. Медвежьегорска находился также на территории бывшего лагеря ББК с правой стороны шоссе Медвежьегорск–Пиндуши и насчитывал около 500 военнопленных¹³.

⁸ Центральный архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации (ЦА ФСБ России). Ф. 4. Оп. 2. Д. 346. Л. 69.

⁹ См.: Веригин С. Г. Карелия в годы военных испытаний. Политическое и социально-экономическое положение Советской Карелии в период Второй мировой войны. 1939–1945. Петрозаводск, 2009. С. 502–503, 536.

¹⁰ Там же. С. 536.

¹¹ ЦА ФСБ России. Ф. 4. Оп. 2. Д. 346. Л. 69.

¹² Там же. Л. 72.

¹³ Там же. Л. 166.

Концлагерь 2-я Кумса насчитывал около 1000 человек и концлагерь № 73 в деревне Чебино — 230 военнопленных¹⁴. Таким образом, по данным российских архивов, общее количество военнопленных в г. Медвежьегорске и Медвежьегорском районе (без концлагеря в деревне Ахвелаambi) в период оккупации составляло около 2000 человек.

Все финские лагеря имели одинаковую дислокацию и размещение построек: они огораживались колючей проволокой, военнопленные размещались в деревянных бараках. Так, лагерь № 74 занимал территорию прямоугольной формы размером 140 × 200 метров, огороженную с трех сторон двумя рядами колючей проволоки высотой до 3 метров, а с северной стороны (вдоль шоссе) сплошным забором такой же высоты с одним рядом колючей проволоки. Внутри лагеря имелись еще перегородки из колючей проволоки в один ряд высотой до 3 метров, которыми отделялись госпиталь, портняжная и сапожная мастерскими, вещклад и продклад. Военнопленные лагеря № 74 размещались в 6 бараках размером 10 × 20 метров¹⁵. Распределительный лагерь № 1343 при роте финской военной полиции в г. Медвежьегорске также занимал прямоугольную территорию размером 100 × 750, огороженную с двух сторон рядами колючей проволоки (ряд от ряда на 2 метра) с западной стороны и со стороны шоссе лагерь огорожен сплошным забором такой же высоты с тремя рядами колючей проволоки. Пленные размещались в четырех бараках размером 8 × 18 метров и в бараке 10 × 30 метров¹⁶.

Все лагеря военнопленных на территории Медвежьегорского района охранялись солдатами из батальона охраны Медвежьегорского гарнизона. Для охраны выделяли солдат преклонного возраста и инвалидов, вооруженных винтовками и пистолет-пулеметами «Суоми». На ночь, как правило, охрана усиливалась, а сами бараки закрывались: вход и выход был запрещен¹⁷.

Заключенные концлагерей на территории оккупированного Медвежьегорского района использовались на различных работах: заготовке леса, обжиге угля для газогенераторов, сельскохозяйственных и других работах. Пленные лагеря № 74 были разбиты на взводы: заводской, пиндушский и столярный. Заводской взвод насчитывал до 100 человек и работал на лесозаводе в г. Медвежьегорске, там же в столярной мастерской работал столярный взвод в количестве 20 человек. Пиндушский взвод в составе 40 человек направлялся в Пиндуши на постройку барж. Все команды работали по сменам. Остальные военнопленные использовались на различных хозяйственных работах по городу (уборка улиц, разбор разрушенных зданий, плотницкие и другие строи-

¹⁴ ЦА ФСБ России. Ф. 4. Оп. 2. Д. 346. Л. 451, 486.

¹⁵ Там же. Л. 72.

¹⁶ Там же. Л. 213.

¹⁷ Там же. Л. 72, 73.

тельные работы)¹⁸. С начала организации распределительного лагеря № 1343 при роте финской военной полиции его заключенные использовались на различных хозяйственных работах по г. Медвежьегорску и его окрестностям (очистка города, заготовка дров, на парниках, нефтебазе, в прачечной и др.)¹⁹. Заключенные лагеря № 73 в деревне Чебино были заняты на заготовке дров и ремонта дороги²⁰.

Во всех лагерях военнопленных, кроме временно лагеря Пристань–ветка, существовал суровый лагерный режим. За малейшее его нарушение выносились суровые наказания: мордобитие, битье палками и розгами, посадка в карцер или изолятор, вплоть до расстрела. Расстреливали обессилевших военнопленных при конвоировании или на месте работы. За попытки к бегству полагался расстрел перед строем²¹.

Рабочий день устанавливался в 10 часов: с 6.00 до 11.00 и с 12.00 до 17.00. Часто военнопленные работали и после ужина по 2–3 часа. Тяжелая работа сочеталась со скудным питанием. На сутки пленному в лагерях № 74 и № 31 было положено: на завтрак — 1 литр кипятка, 10–15 гр. сахара, 175 гр. хлеба и столько же сухарей; обед — 1 литр жидкого супа из крупы или картофеля с кониной и 175 гр. хлеба; ужин — 1 литр баланды из муки²². Такое же полуголодное существование владели и военнопленные распределительного лагеря № 1343 при роте финской полиции г. Медвежьегорска. На сутки каждому пленному полагалось: 350 гр. хлеба (в галетах), два кусочка пиленого сахара, 10–15 гр. жиров, 20–25 гр. сыра или селедки. Часть положенных продуктов начальство лагеря брало себе и военнопленным никогда не выдавалась положенная норма²³.

В лагерях советских военнопленных в период финской оккупации следует выделить и факты коллаборационизма. Кроме финской охраны лагерей наблюдение за выполнением лагерного режима вели финские ставленники из самих военнопленных: старшины, переводчики, полицейские и др. Из числа военнопленных выделялись и специальные палачи, которые приводили телесные наказания в исполнение. Коллаборационисты из числа военнопленных питались хорошо, так как получали паек с финской кухни²⁴.

Следует отметить, что отличительной чертой финских лагерей для советских военнопленных было то, что военнопленные родственных финнам национальностей — карелы, вепсы, ингерманландцы, размещались отдельно от русских и других славянских народов. Они носили на рукаве белую повязку с надписью

¹⁸ ЦА ФСБ России. Ф. 4. Оп. 2. Д. 346. Л. 73.

¹⁹ Там же. Л. 214.

²⁰ Там же. Л. 487.

²¹ Там же. Л. 74.

²² Там же. Л. 74.

²³ Там же. Л. 215.

²⁴ Там же. Л. 215.

«Heimokansalainen», находились в лучших бараках и питание у них также было лучше, чем у русских военнопленных²⁵. Работу им давали более легкую и чистую²⁶.

Военнопленные в финских концлагерях, в большинстве своем, носили английские шинели, английские и финские брюки и френчи. Летом военнопленные ходили босиком, а с 1 сентября им выдавали ботинки на деревянных подошвах, колодки и небольшое количество кожаных ботинок²⁷.

Все военнопленные имели личные номера, на которых был выбит номер лагеря и личный номер из жести круглой и прямоугольной формы с буквами «RE». Кроме того, на спине гимнастерки у каждого пленного была буква «V» (начальная буква слова «Ванки» — пленный) и белые полосы поперек карманов и на брюках по бокам. Этих знаков не имели только военнопленные финской и карельской национальности.

Тяжелые условия проживания, скудное питание, болезни, издевательства охраны лагерей приводили к высокой смертности в финских лагерях для советских военнопленных. Факты высокой смертности признают и финляндские исследователи. Так, Ю. Куломаа пишет: «В общей сложности за время оккупации в Яанислинне [Петрозаводске. — С. В.] умер примерно каждый двадцатый из свободно проживавших жителей и примерно каждый пятый из находившихся в лагерях. Следует упомянуть, что в финских лагерях для военнопленных смертность в период с 1941 по 1944 гг. поднялась еще выше, составив почти треть от общего числа военнопленных»²⁸.

Х. Сеппяля в книге «Финляндия как оккупант в 1941–1944 годах» отмечает: «Всего финнами было взято в плен 64 188 человек, а после войны вернули лишь 42 412. По сведениям военной статистики, в лагерях для военнопленных умерло 18 318 советских людей. Писатель Эйно Пиэтола опубликовал в 1987 г. труд “Военнопленные в Финляндии, 1941–1944”, в котором он на конкретных примерах показывает, как обращались с военнопленными. В своем исследовании Пиэтола говорит о 18 700 погибших военнопленных»²⁹. Это число, вероятно, точнее ранее названного, поскольку основано оно на следственных документах.

Судя по архивным документам, высокая смертность была характерна и для финских концлагерей советских военнопленных на территории г. Медвежьегорска и Медвежьегорского района в период финской оккупации. Допросы военнопленных Медвежьегорского района, агентов финской разведки, арестованных

²⁵ ЦА ФСБ России. Ф. 4. Оп. 2. Д. 346. Л. 73.

²⁶ Там же. Л. 74, 92.

²⁷ Там же. Л. 74.

²⁸ Куломаа Ю. Финская оккупация Петрозаводска, 1941–1944. С. 76.

²⁹ Сеппяля Х. Финляндия как оккупант в 1941–1944 годах // Север. 1995. № 4–5. С. 113.

советским сотрудниками УКР «Смерш» Карельского фронта летом 1943 г. — весной 1944 г., показывают: сами военнопленные считали, что самая высокая смертность до половины 1942 г. была в лагере № 71 в деревне 2-я Кумса, а с 1943 г. на самом плохом счету у них был лагерь № 72 в деревне Ахвелаambi³⁰. Так, арестованный военнопленный лагеря № 31 г. Медвежьегорска Георгий Андреевич Чернов на допросе 9 июля 1943 г. отмечал, что «в лагере № 72 в силу зверств охраны и урезания пайков больше половины пленных еле влачит свое существование и очень многие из них попадают в госпиталь»³¹.

Согласно «Справке по финскому распределительному лагерю советских военнопленных № 1343 при роте финской военной полиции г. Медвежьегорска» от 31 января 1944 г., подготовленной сотрудниками УКР «Смерш» Карельского фронта на основе допросов военнопленных, следует, что с начала войны и до конца 1943 г. в этом лагере было много расстрелов. В период 1942–1943 гг. было расстреляно 17 советских разведчиков и 20 человек осуждено к пожизненному тюремному заключению³².

Среди расстрелянных военнопленных было много тех, кто бежал из мест заключения. Так, по показаниям военнопленного лагеря № 1343 г. Медвежьегорска Константина Андреевича Соколова, которые он дал на допросе 19 октября 1943 г., в июле 1943 г. из этого лагеря был совершен побег 9 военнопленных. 3 человека из этой группы (Орлов, Афанасьев, конюх Николай) были пойманы в Паданах и расстреляны. Одежду расстрелянных привезли в лагерь и показали другим заключенным для предотвращения будущих побегов³³.

Факты расстрела военнопленных за побег из лагеря привел на допросе в УКР «Смерш» Карельского фронта 3 августа 1943 г. и арестованный агент финской разведки, бывший военнопленный лагеря № 73 деревни Чебино Медвежьегорского района Михаил Иванович Колпаков: «В апреле месяце 1942 г. при попытке к бегству из лагеря были задержаны и расстреляны 5 военнопленных (Картошкин, Быстров, фамилии других не знаю). В мае месяце 1942 г. за попытку к бегству из лагеря был расстрелян военнопленный Овечкин, в июне 1942 г. также за побег расстреляны 3 военнопленных (Иванов, Воронин, фамилия третьего неизвестна)»³⁴.

Анализ архивных документов показывает, что расстрелять военнопленных могли не только за совершение побега из лагеря, но и за малейшее нарушение существующего лагерного режима и даже без всякого повода. Так, задержанный агент финской разведки, бывший военнопленный лагеря № 74 г. Медвежьегор-

³⁰ ЦА ФСБ России. Ф. 4. Оп. 2. Д. 346. Л. 181.

³¹ Там же. Л. 181 об.

³² Там же. Л. 215.

³³ Там же. Л. 247.

³⁴ Там же. Л. 487.

ска Степан Иванович Макарихин на допросе 22 октября 1943 г. в УКР «Смерш» Карельского фронта рассказал, что «осенью 1942 г. одного военнопленного расстреляли за то, что он не услышал команду на работе о сборе домой, а другого военнопленного весной 1943 г. расстреляли за самовольный уход с работы»³⁵.

До последнего времени не установлены места захоронений сотен погибших от расстрелов, побоев и голода советских военнопленных финских концлагерей г. Медвежьегорска и Медвежьегорского района. Выскажем свою версию. Документально установлено, что финны для создания и функционирования концлагерей для военнопленных в Медвежьегорском районе в 1941–1944 гг. использовали уже имеющуюся здесь структуру лагеря ББК. Вполне вероятно, им были известны и места захоронений советских заключенных ББК — лесное урочище Сандормох. Поэтому, естественно, что советских военнопленных, погибших в финских концлагерях, могли хоронить в расстрельных ямах Сандормоха.

Еще один не исследованный до сих пор вопрос — это вопрос о том, кто строил мощные оборонительные укрепления в Медвежьегорске в период оккупации. Медвежьегорск был взят финскими войсками в декабре 1941 г., после чего финское военное командование приняло решение о создании в Медгоре мощного укрепрайона. С конца 1941 г. до лета 1944 г. все господствующие высоты вокруг города, с трех сторон, были превращены в опорные пункты. Комплексные сооружения вырублены в скалах и тщательно замаскированы. Финны проделали титаническую работу, привлекая в качестве рабочей силы, на наш взгляд, и военнопленных из концлагерей, которых было достаточно на территории оккупированного района.

Правда, финские исследователи отрицают факт привлечения советских военнопленных к работам по сооружению Медвежьегорского укрепрайона, ссылаясь на необходимость сохранения секретности данного объекта в военный период. Однако объем выполненной работы позволяет усомниться в том, что только силами финских рабочих и специалистов в столь короткий период можно было создать это грандиозное сооружение. К сожалению, в документах пока не удалось обнаружить ответ на этот вопрос. Но вполне возможно, что советские военнопленные, погибшие на тяжелых работах по сооружению Медвежьегорского укрепрайона в период финской оккупации, также захоронены в местечке Сандормох.

Таким образом, возникший вопрос о том, что в земле Сандормоха кроме жертв политических репрессий второй половины 1930-х гг. могут быть и останки советских военнопленных, казненных финнами в лагерях Медвежьегорского района в 1941–1944 гг., требует ответа на основе дальнейших исследований.

³⁵ ЦА ФСБ России. Ф. 4. Оп. 2. Д. 346. Л. 107.

РЕЗЮМЕ

Статья посвящена острой и дискуссионной проблеме в отечественной историографии — вопросу о месте захоронения советских военнопленных на территории оккупированного финскими войсками Медвежьегогорского района Карелии в 1941–1944 гг. Автор выдвигает версию о том, что в расстрельных могилах урочища Сандормох, наряду с жертвами политических репрессий второй половины 1930–х гг., могут быть и останки советских военнопленных, казненных финнами в лагерях Медвежьегогорского района в 1941–1944 гг. Статья подготовлена на основе анализа архивных документов из фондов государственных и ведомственных архивов Карелии, многие из которых только совсем недавно были рассекречены и стали доступны исследователям.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Карелия, финская оккупация, урочище Сандормох, советские военнопленные, расстрельные могилы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Авдеев С. С.* Немецкие и финские лагеря для советских военнопленных в Финляндии и на временно оккупированной территории Карелии (1941–1944 гг.) // Вторая мировая война и Карелия. 1939–1945 гг.: Материалы научно-практической конференции, посвященной 60-летию начала Великой Отечественной войны. Петрозаводск, 2001. С. 49–57.
2. *Веригин С. Г.* Карелия в годы военных испытаний. Политическое и социально-экономическое положение Советской Карелии в период Второй мировой войны. 1939–1945. Петрозаводск, 2009. — 541 с.
3. *Веригин С. Г., Лайдинен Э. П.* Оккупация Карелии в 1941–1944 гг. // Подвигу жить в веках. Петрозаводск, 2011. С. 71–87.
4. Земля Заонежья: сб. воспоминаний о годах оккупации с 1941 по 1944 гг. Петрозаводск, 2000. — 19 с.
5. *Куломаа Ю.* Финская оккупация Петрозаводска, 1941–1944. Петрозаводск, 2006. — 278 с.
6. *Лайне А.* Гражданское население Восточной Карелии под финляндской оккупацией во Второй мировой войны // Карелия, Заполярье и Финляндия в годы Второй мировой войны. Петрозаводск, 1994. С. 41–43.
7. *Лонин Р. П.* Детство, опаленное войной. Петрозаводск, 2004. — 100 с.
8. *Макуров В. Г.* Петрозаводск в годы суровых испытаний, 1941–1945. Петрозаводск, 2005. — 79 с.
9. *Пиэтола Э.* Военнопленные в Финляндии в 1941–1944 // Север. 1990. № 12. С. 91–132.
10. Плененное детство: сб. воспоминаний бывших малолетних узников. Петрозаводск, 2005. — 104 с.
11. *Септяля Х.* Финляндия как оккупант // Север. 1995. № 4–5. С. 96–113; № 6. С. 108–128.
12. Судьба: сб. воспоминаний бывших малолетних узников фашистских концлагерей. Петрозаводск, 1999. — 74 с.

13. Чумаков Г.В. За колючей проволокой // Отечественная история. 2006. № 4. С. 81–82.
14. Шляхтенкова Т. В., Веригин С. Г. Концлагеря в системе оккупационной политики Финляндии в Карелии 1941–1944 г. // Карелия в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Петрозаводск, 2001. С. 37–46.
15. Юсупова Л. Н. Военное детство на оккупированной территории Карелии в годы Великой Отечественной войны: (два взгляда гражданского населения) // Россия и страны Северной Европы: из истории приграничных отношений в XVI–XX вв. Петрозаводск, 2003. С. 72–76.

SUMMARY

S. G. Verigin

Sandormokh: Are There Soviet Prisoners of War in the Mass Execution Graves?

The article is devoted to an acute and controversial issue in the Russian historiography — the question of the burial sites of Soviet war prisoners on the territory of Medvezhjegorsk region of Karelia occupied by Finnish troops in 1941–1944. The author proposes that the remains of the Soviet prisoners of war executed by Finns in the camps of Medvezhjegorsk region in 1941–1944 can be found in Sandormokh mass graves alongside the victims of political repressions of the second part of the 1930s. The article is based on the analysis of archival documents from the funds of the state and departmental archives of Karelia. Many of the documents have only recently been declassified and made available to researchers.

Keywords: Great Patriotic War, Karelia, Finnish occupation, territory of Sandormokh, Soviet prisoners of war, mass execution graves.

REFERENCES

1. Avdeev S. S. Nemeckie i finskie lagerja dlja sovetских voennoplennyh v Finljandii i na vremenno okkupirovannoj territorii Karelii (1941–1944 gg.). *Vtoraja mirovaja vojna i Karelija. 1939–1945 gg.: Materialy nauchno-prakticheskoy konferencii, posvjashhennoj 60-letiju nachala Velikoj Otechestvennoj vojny.* Petrozavodsk, 2001, pp. 49–57.
2. Chumakov G. V. Za koljuchej provolokoj. *Otechestvennaja istorija.* 2006, no. 4, pp. 81–82.
3. Jusupova L. N. Voennoe detstvo na okkupirovannoj territorii Karelii v gody Velikoj Otechestvennoj vojny: (dva vzgljada grazhdanskogo naselenija). *Rossija i strany Severnoj Evropy: iz istorii prigranichnyh otnoshenij v XVI–XX vv.* Petrozavodsk, 2003, pp. 72–76.
4. Kulomaa Ju. *Finskaja okkupacija Petrozavodska, 1941–1944.* Petrozavodsk, 2006, 278 p.
5. Lajne A. Grazhdanskoe naselenie Vostochnoj Karelii pod finljandskoj okkupaciej vo Vtoroj mirovoj vojny. *Karelija, Zapoljar 'e i Finljandija v gody Vtoroj mirovoj vojny.* Petrozavodsk, 1994, p. 41–43.

6. Lonin R. P. *Detstvo, opalennoe vojnoj*. Petrozavodsk, 2004, 100 p.
7. Makurov V. G. *Petrozavodsk v gody surovых ispytanij, 1941–1945*. Petrozavodsk, 2005, 79 p.
8. Pijetola Je. Voennoplennye v Finljandii v 1941–1944. *Sever*. 1990, no. 12, pp. 91–132.
9. Seppjalja H. Finljandija kak okkupant. *Sever*. 1995, no. 4–5, pp. 96–113; no. 6, pp. 108–128.
10. Shljahtenkova T. V., Verigin S. G. Konclagerja v sisteme okkupacionnoj politiki Finljandii v Karelii 1941–1944 gg. *Karelija v Velikoj Otechestvennoj vojne 1941–1945 gg*. Petrozavodsk, 2001, pp. 37–46.
11. Verigin S. G. *Karelija v gody voennyh ispytanij. Politicheskoe i social'no-jekonomicheskoe polozhenie Sovetskoj Karelii v period Vtoroj mirovoj vojny. 1939–1945*. Petrozavodsk, 2009, 541 p.
12. Verigin S. G., Lajdinen Je. P. Okkupacija Karelii v 1941–1944 gg. *Podvigu zhit' v vekah*. Petrozavodsk, 2011, pp. 71–87.

М. Э. Корганова

Стратегии выживания заключенных Соловецкого лагеря особого назначения (1929–1937 гг.)

В период формирования советской карательно-репрессивной системы Соловецкий лагерь особого назначения был крупнейшим местом концентрации политических противников советской власти и тех, кого она считала «классово-чуждыми элементами» в силу их происхождения, воспитания, религиозных убеждений, образования или профессиональных навыков. В 1923–1929 гг. СЛОН состоял из 6 отделений, расположенных на островах Соловецкого архипелага и Кемского пересыльного пункта. С 1925 г. СЛОН разворачивает свою деятельность на материке¹: среднегодовая численность заключенных, занятых на лесоразработках и строительстве тракта Кемь–Ухта непрерывно растет и в 1928–1929 гг. достигает одного уровня с лагерным населением Соловецкого архипелага, составляя порядка 10000 человек. В начале 1930 г., в результате действия Постановления Политбюро ЦК ВКП (б) от 11 июля 1929 г. «Об использовании труда уголовных арестантов» ситуация резко меняется: в этот период на Соловецких островах содержалось 15834 заключенных, при общей численности лагерного населения СЛОН — 57325 человек.

Начиная с весны 1929 г., по свидетельству М. М. Розанова, происходит быстрый рост численности материковых командировок СЛОН², тогда же Управление Соловецкими лагерями переводится с острова на материк, в Кемь. В первой половине 1931 г. население СЛОН достигает максимальной отметки в 71 800 узников. В то же время Соловецкие острова постепенно теряли роль «столицы северных лагерей»: после принятия решения о строительстве Беломоро-Балтийского канала весь трудоспособный контингент заключенных был переброшен на материк, на островах оставалось порядка 4000–5000 человек. С осени

---

¹ *Сошина А. А.* Материалы к истории лагеря и тюрьмы на Соловках (1923–1939 гг.) // Соловецкое море. 2010. № 9. С. 122–134.

² *Розанов М. М.* Соловецкий концлагерь в монастыре. 1922–1939: Факты — Домыслы — «Параши»: Обзор воспоминаний соловчан соловчанами. В 2 кн. и 8 ч. США: Изд. автора, 1979., Кн. 1 (ч. 1-3). С. 168.

1933 г. Соловецкие острова были превращены в штрафное отделение Беломоро-Балтийского ИТЛ, в течение последующих трех лет режим содержания заключенных постепенно ужесточался, всё больше приближаясь к тюремному. Наконец, в феврале 1937 г. Соловецкое отделение ББЛ было передано 10-му отделу ГУГБ НКВД и реорганизовано в Соловецкую тюрьму особого назначения ГУГБ, получившую печально известное название «СТОН».

Для того чтобы иметь право говорить о заключенных Соловецкого лагеря особого назначения как о людях, которые вынуждены были выживать и адаптироваться к «экстремальной ситуации», нет необходимости описывать пытки и издевательства, широко практиковавшиеся в СЛОН в период 1923–1929 гг. Достаточно напомнить несколько фактов.

В большинстве случаев несправедливо осужденные люди, в судьбе которых произошел резкий перелом в виде ареста, следствия, осуждения, ощущали потерянность и беспомощность. Эти чувства только усиливались от отсутствия у осужденных информации о составе своего преступления. Те заключенные, которым было известно за что их отправили в лагерь, не имели уверенности в том, что будут освобождены по истечении своего срока. При всём многообразии хозяйственной деятельности Соловецких лагерей основными видами принудительных работ всегда являлись лесозаготовки и дорожное строительство. «Легкими» работами: торфоразработками, работой в мастерских и на кирпичном заводе — в основном были заняты заключенные-женщины, доля которых в общей численности заключенных в СЛОН колебалась от 9 до 12%.

Согласно «Положению о Соловецких лагерях» 1924 г. и более позднему документу — «Положению об исправительно-трудовых лагерях» 1930 г., для заключенных устанавливался 8-часовой рабочий день, хотя фактически они вынуждены были работать не менее 10 часов, что обуславливалось, в первую очередь, нормами выработки. В то же время на лесозаготовках и дорожных работах заключенные работали до выполнения нормы, соответственно, рабочий день мог составлять 14–16 часов и ограничивался лишь световой частью суток. Условия жизни лагерников на отдаленных лесных и дорожных командировках были ужасными: люди жили в дощатых бараках или в землянках, всегда впроголодь, работали в лохмотьях, им могла быть предоставлена медицинская помощь, но она не гарантировалась.

Конечно, не следует забывать о том, что условия жизни, режим содержания и продолжительность рабочего дня соловецких заключенных, составлявших инженерно-технический, административно-хозяйственный персонал, лагослужу, были значительно лучше, чем у тех, кто был занят на общих работах, однако доля этой привилегированной категории была жестко ограничена и не могла превышать 20–25% от общего количества лагерного населения. За свой труд заключенные получали не зарплату, а премиальные или премвознаграждение, которое было в 8–10 раз ниже средней зарплаты вольнонаемных сотрудников.

Приказ о предоставлении заключенным выходных дней³ заявлял о необходимости суточного отдыха без указания конкретного дня, что позволяло лагерной администрации устанавливать выходной день по своему усмотрению или вовсе лишать заключенных отдыха⁴.

СЛОН был известен особенно жестоким режимом содержания заключенных с самого начала своего существования. Однако последовательно проводившаяся в жизнь в Соловецких лагерях на протяжении 1923–1929 гг. установка на физическое уничтожение врагов социализма была, наконец признана коммерчески невыгодной — некоторую роль в этом сыграл и разразившийся в 1930–1931 гг. международный скандал, который грозил обернуться бойкотом советских экспортных лесоматериалов со стороны Великобритании и США. Серия решений советского правительства предопределила дальнейшее развитие пенитенциарной системы СССР. Исправительно-трудовым лагерям как наиболее крупным институциональным единицам ГУЛАГа помимо карательно-репрессивных функций отводилась важнейшая роль в реализации глобальных экономических задач: индустриализации и коллективизации, предусмотренных первым пятилетним планом. Курс на организацию принудительного труда заключенных в общегосударственном масштабе обусловил форсированный рост количества лагерей и численности заключенных в течение 1929–1930 гг. Важнейшим следствием наступления «эры каторжного социализма» или «царства ГУЛАГа», по выражению М. З. Никонова-Смородина, стало заметное изменение режима содержания заключенных в СЛОН, условий их жизни, что, в свою очередь, сформировало новые практики повседневного взаимодействия между заключенными и лагерной администрацией.

Эпоха безграничного соловецкого произвола — «дрына», издевательств, бессудных расправ, тяжелого, зачастую бессмысленного каторжного труда, имевшего целью физическое уничтожение заключенных, невыносимых условий содержания, полного разложения лагерной администрации, — нашедшая широкое отражение в воспоминаниях С. А. Мальсагова, Ю. Д. Бессонова, И. М. Зайцева, А. Клингера, Б. Л. Седерхольма, О. В. Волкова, Б. Н. Ширяева, Д. С. Лихачева и многих других авторов, оставлявшая заключенным мало шансов на выживание, уступила место периоду «нормального ГУЛАГа», где главной задачей лагерей стало извлечение максимальных выгод из дешевого принудительного труда.

Символом смены двух лагерных эпох в СЛОН, где в начале 1930 г. находилось свыше 57 000 заключенных, стал приезд специальной комиссии ОГПУ по обследованию режима и быта заключенных Соловецких лагерей под председательством заместителя начальника административно-организационного управления

³ См.: Приказ по ГУЛАГ ОГПУ № 76 от 09.03.1933 ГА РФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 4. Л. 7.

⁴ М. М. Розанов утверждает, что выходными днями на Соловках были все воскресные дни, а также праздники 1 мая и 7 ноября.

ОГПУ А. М. Шанина. В докладе, подготовленном комиссией, констатировалось, что «издевательства, избиения и пытки заключенных количественно уже давно перешли в качество, т. е. в систему режима»⁵. По результатам деятельности комиссии к уголовной ответственности было привлечено 74 человека из состава администрации, надзора и охраны, из которых 13 было расстреляно. Отныне наказания заключенных, начиная от перевода на уменьшенный паек и кончая изолятором и расстрелом, могли производиться лишь в установленном порядке, с объявлением в приказе. Разумеется, это не означало полного прекращения производства лагерной администрации: ушли в прошлое лишь наиболее одиозные проявления откровенного садизма и установка на физическое уничтожение узников.

Как изменилась жизнь заключенных Соловецких лагерей после 1929 г., легче ли стало выжить в условиях советского исправительно-трудового лагеря? В этой статье сделана попытка описать основные стратегии выживания и адаптации заключенных СЛОН к лагерной повседневности в эпоху «обычного ГУЛАГа».

Новый порядок, водворившийся в лагерях после 1929–1930 гг. не отменял крайне суровых условий жизни для всех представителей соловецкого лагерного социума: экстремального климата, сложной системы жизнеобеспечения, жесткой необходимости выполнения производственного плана, практически полной физической и информационной изоляции. Эти факторы предопределили неизбежное возникновение социальной напряженности во всех структурных подразделениях СЛОН, в разрешении которой были заинтересованы как сами заключенные, так и руководство лагеря. Таким образом, между заключенными и лагерной администрацией сложились устойчивые практики взаимодействия, направленные прежде всего на адаптацию к вышеперечисленным условиям и взаимовыгодное сотрудничество. Причем если для лагерной администрации это было вызвано необходимостью поддержания дисциплины в лагере и выполнения производственных нормативов в условиях острого кадрового дефицита, то для большинства заключенных из различных слоев лагерного социума сотрудничество с руководством являлось стратегией выживания.

РАБОТА ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ

Почти все авторы, оставившие воспоминания о Соловецком лагере особого назначения, сходятся во мнении, что заключенные, обладающие узкопрактической специальностью: портные, сапожники, кузнецы, жестианщики, слесари, плотники, парикмахеры, повара, пекари, музыканты и художники — были востребованы лагерной администрацией. Их отбирали из прибывавших в лагерь этапов во время

---

⁵ См.: ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 116. Л. 1–3, 61–65, 88–89, 102–112. Копия. Опубликовано: История сталинского Гулага. Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов. Собрание документов в 7 томах. Том 4. Численность и условия содержания. М., 2004.

первоначальной фильтрации, предоставляя лучшие условия жизни по сравнению с теми, кто попадал на общие работы. Михаилу Николаевичу Сочалину, попавшему в 1934 г. в Кемский пересыльный пункт СЛОН очень пригодилась специальность слесаря: вместо общих работ, где заключенные выкатывали из моря «баланы», его взяли в мастерскую по ремонту токарных станков⁶. Эта же специальность спасла от общих работ и другого соловецкого заключенного — Сергея Васильевича Щеголькова, оказавшегося на острове годом раньше М. Н. Сочалина. В своих воспоминаниях С. В. Щегольков описывает условия жизни соловецких заключенных-специалистов: «Условия были сносные. Жил уже не в Кремле, а при электростанции. Было чисто, тепло. В помещении котельной была ванна и душ. Питался я как тех-работник в отдельной столовой, где питались немного получше лагерники из проектно-сметного бюро, их было человек 150, по специальности от чертежницы до инженера и даже до профессора и академика»⁷.

Еще один соловецкий заключенный, Геннадий Андреевич Хомяков, которому во время его первого лагерного срока в 1927–1929 гг. посчастливилось попасть в категорию административно-технического персонала, перечисляет привилегии заключенных-специалистов: проживание в комнате, рассчитанной на 6 человек, отдельно от шпаны и уголовников, выход на работу по индивидуальному пропуску, регулярное мытье в бане. Аналогичные условия жизни в СЛОН имел научный сотрудник лагерного музея и библиограф лагерной библиотеки Алексей Федосеевич Вангенгейм, организатор и первый руководитель Гидрометеорологической службы СССР, попавший в лагерь в 1934 г. Адвокат и юрисконсульт Александр Александрович Эрн, работавший в канцелярии продовольственного отдела СЛОН, свидетельствует, что заключенные, составляющие административно-технический персонал сверх основного пайка получали дополнительные 100 гр. хлеба и 5 гр. сахара⁸.

Лагерю были нужны счетоводы и бухгалтеры, и заключенные, до ареста бывшие учеными, богословами, музыковедами, на ускоренных лагерных курсах получали диплом счетовода, защищавший их от общих работ. Свидетельство филолога и литературоведа Ивана Михайловича Андреева, находившегося в Соловецком лагере особого назначения вместе с Дмитрием Сергеевичем Лихачевым, подтверждает, что заключенным, работающим в административном аппарате лагеря, делались всевозможные послабления, важнейшим из которых, несомненно, был пропуск, разрешающий свободное хождение по всему остро-

⁶ Сочалин М. Н. Боль моя соловецкая // Страницы трагических судеб: сб. воспоминаний жертв полит. репрессий в СССР в 1920–1950-е гг. Алматы, 2002. С. 246.

⁷ Щегольков С. В. Небольшое повествование о том, как советская власть и партия ВКП(б) сделали меня «государственным преступником-террористом», который готовил покушение на жизнь товарища Сталина. М., 1999. С. 8.

⁸ Фрагменты из писем заключенного А. А. Эрн // Бродский Ю. А. Соловки. Двадцать лет Особого Назначения. М., 2002. С. 150–151.

ву. Лагерь всегда нуждался в квалифицированном медицинском персонале, поэтому заключенному хирургу Ошману, отправленному в Соловецкий лагерь в 1935 г., разрешили жить в поселке вольных вместе с семьей, а его взрослых детей устроили на работу в различные подразделения лагеря⁹. Михаил Захарович Никонов-Сморозин, работающий в звероводческом совхозе Соловецкого лагеря, упоминает, что он, как нужный лагерю специалист, «пользовался некоторыми благами, в том числе отдельной комнатой»¹⁰. Для того чтобы вполне оценить это преимущество, достаточно вспомнить, что большинство заключенных на протяжении долгих лет своего срока были лишены возможности уединиться!

Руководство Соловецкого лагеря всегда тесно сотрудничало с квалифицированными специалистами-заключенными, обладающими хозяйственной сметкой, хорошо знающими реалии лагерной экономики, основанной на принудительном труде, и умеющими лавировать между разнонаправленными интересами представителей высшей лагерной администрации, более того, начальники лагерей были крайне заинтересованы в надежных помощниках-специалистах. Поэтому кооперация на основе служебной солидарности была одной из самых устойчивых форм длительного сотрудничества между заключенными и вольнонаемным лагерным руководством. Начальство отстаивало планы и проекты заключенных, являющихся ведущими производственными специалистами: инженеров, экономистов, плановиков, находящихся у него в подчинении. Как правило, заключенные, занимающие такие ответственные административные должности, в свою очередь, защищали интересы своих начальников.

Уникальность Соловецкого лагеря, организованного на руинах богатейшего монастырского культурного наследия России заключалась в том, что представители гуманитарной интеллигенции могли найти здесь работу по специальности, которая становилась для них не только средством физического выживания в лагере, но и источником самоуважения, внутренних духовных сил и смыслом, ради которого стоило жить. О. В. Волков рассказывает в своей книге о заключенной, работавшей в Соловецком лагерном музее, бывшей сотруднице Эрмитажа. Эта женщина, находясь в лагере, думала только о том, чтобы успеть в течение своего лагерного срока закончить наиболее важные описи рукописных книг, находившихся в монастырских архивах¹¹.

В некоторых случаях профессиональные знания и навыки в гуманитарной сфере, которыми обладали заключенные, оказывались востребованными лагерным начальством и значительно повышали шансы на выживание. Например, О. В. Волкова с общих работ перевели на должность счетовода в лесной отдел, когда детям одного из его начальников понадобился репетитор немецкого языка.

---

⁹ Чирков Ю. И. Указ. соч. С. 59-60.

¹⁰ Никонов-Сморозин М. З. Красная каторга. София, 1938. С. 26.

¹¹ Волков О. В. Погружение во тьму. М., 1989. С. 74.

УЧАСТИЕ В ЛАГЕРНОЙ САМОДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ОБЩЕСТВЕННАЯ РАБОТА

Для заключенного, желающего «обустроиться в лагере» и обладающего некоторыми способностями, СЛОН предоставлял широкий выбор возможностей. Администрацией всячески приветствовалась научно-популярная деятельность лагерников: организация кружков, музеев пропаганды, лекций. И многие ученые, находящиеся в лагерях, использовали эту возможность. Советский ученый-метеоролог Алексей Феодосьевич Вангенгейм, находившийся в СЛОН в 1934 г., создал проект кабинета-музея медицинской пропаганды, наладил работу лагерьной библиотеки, устроил цветники, организовал кустарно-художественные работы, читал научно-популярные лекции на различные темы. Руководство лагеря отметило усердие Вангенгейма почетным званием лучшего общественника и в качестве поощрения разрешило Алексею Феодосьевичу отправить 3 лишних письма домой¹². Вообще, разрешение на отправку дополнительных писем домой было довольно распространенной мерой поощрения хорошо работающих заключенных. За уроки химии для малограмотных лагерников получает право отправить дополнительное письмо жене другой соловецкий узник, химик-технолог Роман Николаевич Литвинов¹³.

Любой заключенный мог создать инновационный проект и предложить его БРИЗ (бюро рационализации и изобретательства), которые существовали в каждом лагере. В том случае, если проект признавали перспективным и важным для лагерной экономики, его автор мог рассчитывать на досрочное освобождение. В.В. Чернавин, обеспечив себя рекламной поддержкой лагерной газеты, предлагает комиссии по изобретательству наладить промысел миноги и колюшки в масштабах всего УСЛОН, а И.Л. Солоневич обращается к начальнику ББК с проектом проведения вселагерной спартакиады. Широкомасштабные проекты Чернавина и Солоневича для них самих были лишь средством для достижения главной цели — побега из лагеря. Обоим заключенным удалось успешно бежать в Финляндию вместе с семьями.

Художественная самодеятельность в исправительно-трудовых лагерях, которой руководили культурно-воспитательные отделы, также была поприщем, где заключенные могли проявить себя и заслужить благосклонность лагерного начальства. Речь идет не о рутинной политико-воспитательной работе, например, подготовке к празднованию первого мая, создании стенгазеты, украшении ла-

¹² *Потанов В.В., Вангенгейм Э.А.* Возвращение имени. Алексей Феодосьевич Вангенгейм. М., 2005. С. 52.

¹³ *Флоренский П.В.* ...Пребывает вечно: Письма П.А. Флоренского, Р.Н. Литвинова, Н.Я. Брянцева и А.Ф. Вангенгейма из Соловецкого лагеря особого назначения. М., 2011. С. 85–86.

герного клуба (в ней должны были, так или иначе, принимать участие все лагерники), а о деятельности агитбригад и игре в лагерном театре. О существовании лагерной агитбригады из заключенных, которые писали стихи и прозу на злободневные темы по заказу КВЧ, сообщает Юрий Иванович Чирков¹⁴.

В то же время соловецкий театр, созданный силами самих заключенных, был местом, где, по выражению Г. А. Хомякова, «царила другая атмосфера». Театр предоставлял возможность почувствовать себя вне лагерной реальности, «забыть о том, что ты — заключенный»¹⁵, как актерам, так остальным представителям лагерного общества.

Театральная и художественная самодеятельность талантливых заключенных отвлекала зрителей от суровой, а иногда и невыносимой лагерной повседневности. Однако стоит учитывать, что лагерное творчество довольно жестко регламентировалось: тексты сценариев, стихи, постановки проверялись цензорами КВЧ и информационно-следственным отделом (ИСО, он же третья часть, третий отдел), за которым обычно было последнее слово. В тех случаях, когда постановка не нравилась, лагерным актерам могло грозить снятие на общие работы и даже перевод на штрафную командировку. Учитывая вышесказанное, стремление актеров, журналистов, литераторов, художников и музыкантов понравиться, угодить прежде всего руководству лагеря становится вполне понятным.

ЛАГЕРНЫЙ «АКТИВ», СЛУЖБА В ВОХР И ЗАКЛЮЧЕННЫЕ-ОСВЕДОМИТЕЛИ

Далеко не все заключенные были в состоянии предложить лагерному начальству квалифицированные услуги или инновационный проект (как в случае с И. Л. Солоневичем и В. В. Чернавиным). Если они к тому же не обладали нужной ГУЛАГу практической специальностью и не успели обзавестись блатом, то им оставалось по-своему приспособляться к условиям социальной среды, совершенствуя искусство быть нужным лагерному руководству. Геннадий Андреевич Хомяков в автобиографической повести «Соловецкие острова» упоминает о заключенном, по фамилии Немачик, который занимался сочинением скабрёзных и пошлых стихов. Лагерное начальство было довольно его виршами и считало Немачика поэтом. Более того, лагерного сочинителя, со слов Г. А. Хомякова, даже планировалось отправить в Москву для работы в ОГПУ¹⁶.

Наиболее конформные заключенные быстро «делали в лагере карьеру» и становились «лагерным активом». Ольга Викторовна Второва-Яфа, работавшая в одном из отделений СЛОН на острове Анзер, в своих воспоминаниях приводит пример того, как инструкции ГУЛАГа по борьбе с эпидемией сыпного тифа

---

¹⁴ Чирков Ю. И. А было всё так... М., 1991. С. 96.

¹⁵ Андреев Г. А. Соловецкий остров // Грани. № 216. 2005. С. 75.

¹⁶ Хомяков Г. А. (псевд. Андреев Г. А.) Соловецкий остров // Грани. № 216. 2005. С. 47.

использовались активистками из числа заключенных-женщин для вымещения личных обид: новообразованные «санитарные комиссии» брили наголо своих наиболее привлекательных товарок.

Успешное сотрудничество с лагерной администрацией делающих карьеру заключенных выделяло их из остальной массы лагерников, но оно имело и свою обратную сторону. Узники, в своем отношении к «лагерному активу»¹⁷, делились на две неравные части: находились те, кто старался выслужиться и угодить обладающему некоторой властью «активисту», однако большинство лагерников называло таких заключенных «выдвиженцами», и это слово имело оскорбительный оттенок. Причины негативного отношения заключенных к «выдвиженцам» было несколько, в том числе, зависть, но решающим фактором являлся страх доноса. От «сексота» не требовалось быть высококвалифицированным специалистом, поэтому агентурная работа была одним из самых доступных и распространенных способов сотрудничества заключенного с лагерной администрацией. В осведомительстве мог быть заподозрен любой заключенный, слишком часто контактирующий с руководством лагеря. В случае, если тот или иной лагерник попадал под подозрение, заключенные при встрече не подавали ему руки и прекращали откровенные разговоры в его присутствии.

Широко распространенным видом сотрудничества с лагерной администрацией было поступление заключенного на службу в ВОХР. Военизированной охрану лагерей составляли те, кто охранял лагерь по периметру, конвоировал эков на работу, сопровождал их при этапировании в эшелонах. Повсеместная практика перевода осужденных по бытовым и уголовным статьям, зарекомендовавших себя хорошим поведением, в военизированную охрану была официально закреплена в Приказе по ГУЛАГ ОГПУ № 181591 от 26.04.1931. В документе предлагалось «в целях удешевления аппарата и охраны лагерей и вследствие больших трудностей комплектования их вольнонаемным составом, а также преследуя цели исправительной практики» привлекать заключенных-бытовиков и бывших советских и партийных работников в качестве стрелков военизированной охраны¹⁸.

Служба заключенного в ВОХР давала ему ряд преимуществ по сравнению с рядовыми лагерниками: улучшенный паек, отдельную казарму для охраны, более высокий социальный статус. Но главным стимулирующим фактором была объявленная приказом скидка 1/3 срока наказания при условии безупречного выполнения своих служебных обязанностей.

«Дюжие, мордастые, отъездившие» охранники из числа заключенных принимали партию вновь прибывших в Кемский пересыльный пункт осужденных.

¹⁷ Термин употребляется И. Л. Солоневичем в его книге: *Солоневич И. Л.* Россия в концлагере М., 1999.

¹⁸ ГА РФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 1132. Л. 194–194 об.

О. В. Волков отмечает, что постоянно проявляемая ими жестокость, обусловленная необходимостью доказывать начальству свою преданность и усердие, стала рутинной, более того, побои и издевательства стали потребностью этих людей. В данном случае мы можем говорить о той степени необратимой трансформации личности, при которой охранники из числа заключенных были способны и желали принять ценности и поведение лагерного руководства как свои собственные¹⁹. Еще один соловецкий заключенный Андрей Антонович Зинковщук в своих воспоминаниях рассказывает, как он вместе с напарником работал на сельскохозяйственном лагерном пункте СЛОН и двумя пачками махорки купил у конвоира разрешение напоить молоком партию этаплируемых заключенных-женщин с грудными детьми. Из разговора Зинковщук с конвоиром выясняется, что стрелок лишен сострадания к заключенным: «Мы не должны жалеть контру. Они хотели свергнуть Советскую власть»²⁰.

Заключенный воркутинских лагерей, ученый-экономист Владимир Васильевич Зубчанинов пишет о том, что в 1930-е гг. практически во всех лагерях была самохрана: «Так же, как государственные порядки поддерживаются солдатами и чиновниками из населения, которое угнетается этими порядками и ненавидит их, и тут сами заключенные содержали и, в соответствии с инструкциями, поддерживали свою тюрьму»²¹. М. З. Никонов-Сморodin свидетельствует о том, что в ранний период развития советской лагерной системы (до 1929 г.) разжалованные чекисты, осужденные по контрреволюционным статьям, также зачислялись в военизированную охрану.

Всячески поощрявшееся в стране доносительство процветало и в СЛОН, являясь неотъемлемой характеристикой лагерного социума. С помощью хорошо налаженной агентурной сети «сексотов» среди заключенных оперчекистский отдел (ИСО-ИСЧ) осуществлял контроль над теми заключенными, которые являлись лидерами мнений (идеологические оппозиционеры большевиков, духовенство), предотвращал побег, собирал компрометирующий материал на заключенных-контрреволюционеров. М. М. Розанов писал: «Без стукачей, ИСЧ в лагерях, да и ГПУ на воле были бы почти пустым местом и звуком, не вызывающим содрогания и мурашек по телу. Как ГПУ, так и его стукачи, в большой ли “зоне” или в малой лагерной были ухом, глазом и дубиной, на которой держится

---

¹⁹ Австрийский психолог и психиатр Виктор Франкл, в 1942–1945 гг. находящийся в нацистских концлагерях, писал: «Большую часть лагерной охраны составляли люди, просто отупевшие от тех огромных доз садизма, ежедневными свидетелями которого они оставались годами. Эти закосневшие в своем относительно благополучном существовании люди не были, впрочем, ярыми садистами в своих владениях, но против садизма других они, конечно, не возражали». (Франкл Виктор. Сказать жизни «Да»: психолог в концлагере. М., 2004. С. 59).

²⁰ Зинковщук А. Узники Соловецких лагерей. Челябинск, 1993. С. 31.

²¹ Зубчанинов В. В. Увиденное и пережитое. М., 1995. С. 53.

власть партии»²². Когда ОГПУ требовалось устранить ту или иную группу заключенных (как правило, политических) либо переложить на них ответственность за преступления высшего руководства лагеря, доносы в третью часть служили удобным поводом для фабрикации дел. В этой связи большой интерес представляет Приказ № 00159 от 26 апреля 1935 г. В документе отмечалось отсутствие опытного руководства агентурой в лагерях, которая, по мнению наркома Ягоды, призвана была выявлять и разрабатывать активные контрреволюционные формирования в лагере, вскрывая их связи с волей²³. В приказе требовалось произвести вербовку новой агентуры, обеспечив «агентурное наблюдение за всеми важнейшими контингентами заключенных (террористы, шпионы, а/парт., к.-р., диверсанты, актив повстанческих, фашистских, вредительских, церковных и сектантских групп и организаций), а также борьбу с уголовными преступлениями в лагере (хищение, бандитизм) и побегами заключенных».

У всех завербованных в осведомители заключенных мотивация была различной²⁴: для кого-то агентурная работа была частью стратегии выживания в лагерях (по мнению В. В. Чернавина, доносами заключенные надеялись облегчить свою участь), кто-то соглашался стать агентом ИСО по причине слабохарактерности и неспособности отказать настойчивым требованиям оперуполномоченного, а кто-то — из страха быть привлеченным за «недоносительство» о готовящихся побегах. Кроме того, сотрудничество заключенного «сексота» с ИСО было выгодным: за хорошую агентурную работу агентам начислялись зачеты рабочих дней, и они могли рассчитывать на досрочное освобождение. В то же время за недобросовестную работу и отсутствие донесений ИСО мог наказать «сексота» лишением зачетов и переводом на штрафной режим²⁵.

В результате «сексоты» были в каждом структурном подразделении Соловецкого лагеря. В. В. Чернавин, Г. А. Хомяков, Д. П. Верховский, М. З. Никон-Сморозин, Д. С. Лихачев единодушно сходятся на том, что заключенные в повседневном общении друг с другом вынуждены были постоянно учитывать фактор повсеместного распространения осведомителей. О. В. Волков пишет, что

²² Розанов М. М. Указ. соч. С. 197.

²³ ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 1а. Д. 6. Л. 25–27.

²⁴ М. М. Розанов указывает основные мотивы, которыми руководствовались лагерные сексоты: «...Лесозаготовки, торф, “кирпичики”, тракты, где голод и тяжкий труд толкали слабовольных или от рождения низенькие натуры на путь сексотства, чтобы через него добиться более легкой работы, набить мамону и отодвинуть смерть. Могли быть и были доносчики и среди канцеляристов, и в ротах квалифицированного труда, а также и среди низшего и среднего административного и производственного персонала. Одни из них стучали, чтобы избежать леса и “кирпичиков” — это те, кого завербовала ИСЧ и угрожала им за “бездействие” другие — меньшая часть — чтобы и на каторге возвыситься над своим братом-арестантом, подкопаться, свалить и взобраться на его место».

²⁵ ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 1а. Д. 6. Л. 25–27.

все поступающие в лагерь по 58 статье и претендующие на вхождение в замкнутый круг соловецкой интеллигенции заключенные «были негласно проверяемы [на предмет осведомительства — М. К.]»²⁶. Прошлое, связи, знакомства подвергались просвечиванию. Н. И. Киселев-Громов особо упоминает о лагерных «сексотах» из числа низшей администрации, надзиратели и дневальные, которые доносили на заключенных в ИСО.

НЕЛЕГАЛЬНЫЕ ФОРМЫ СОТРУДНИЧЕСТВА

Помимо законных форм сотрудничества заключенных и лагерной администрации, предусмотренных ведомственными приказами и внутренними распоряжениями руководства СЛОН, на Соловках получили широкое распространение нелегальные, но прочно закрепившиеся практики блата, «туфты», пособничества и соучастия заключенных в преступной деятельности руководства лагеря, а также сожительств заключенных-женщин с личным составом лагерей, представителями надзора и охраны.

В своих воспоминаниях о Соловецком лагере в ранний период его существования оперуполномоченный Николай Игнатьевич Киселев-Громов выделяет особую категорию заключенных — «пособники». Этим термином он называет людей, которые в борьбе за собственную жизнь пользовались практически любыми средствами самоспасения. Так, начальник санитарного отдела СЛОН заключенный Яхонтов заработал себе досрочное освобождение путем искусственного «подтягивания» численности здоровых и годных к тяжелому физическому труду заключенных в группе «А» до плановых показателей за счёт исправления категории работоспособности в формулярах и отправки слабосильных заключенных на общие тяжелые работы. Десятники, нарядчики, старосты из числа заключенных, руководящие бригадами лесорубов избивали их и писали на них доносы, чем демонстрировали полную лояльность лагерному руководству.

Как правило, заключенные, обладающие некоторыми, пусть даже небольшими полномочиями, были не в состоянии отказаться от пособничества и вынужденного, а иногда и добровольного соучастия в реализации карательной политики советской власти.

Своеобразной формой сотрудничества, продиктованной стремлением получить более сносные условия существования по сравнению с остальными лагерницами, было добровольное соительство заключенных-женщин, как правило, уголовниц, с лагерной администрацией. Наличие «покровителя» из числа конвоиров, комендатуры, нарядчиков или прорабов обеспечивало женщинам более легкий по сравнению с общими работами труд лагерной обслуги: кухарки, уборщицы, прачки или санитарки. Н. П. Анциферов с сочувствием говорит о судьбе своих одноделиц, вместе с ним

---

²⁶ Волков О. В. Указ. соч. С. 69.

попавших в Соловецкий лагерь: «Женщина, заключенная в лагерь, оторванная от своих близких, попав в меняющуюся толпу, чувствует себя лишенной точки опоры, она гнется и хочет плющом обвиться вокруг какого-нибудь дерева»²⁷.

М. М. Розанов пишет о том, что формально сожителство было под запретом, но фактически ГУЛАГ был заинтересован в неформальных связях личного состава лагерей и заключенных-женщин: сотрудники лагерной администрации, имеющие любовные связи, были более ответственными и лучше выполняли свои функции.

Среди различных форм адаптации заключенных к лагерным реалиям и их сотрудничества с администрацией особо выделяется блат — помощь различного характера, которая предоставлялась тому или иному заключенному «по знакомству», в обход общепринятым правилам и законам, то есть в виде исключения. Чаще всего лагерный блат оказывался в ущерб интересам остальных заключенных — в этом и состояло его коренное отличие от бескорыстной взаимопомощи. Исчерпывающее определение лагерного блата дал Владимир Вячеславович Чернавин: «Блатной, на соловецком языке, — это человек, имеющий связи, протекцию, пользующийся незаконными привилегиями»²⁸. Блат, по мнению В. В. Чернавина, является константой советской действительности в целом и «системой, определяющей все отношения в лагере». Вершину социальной иерархии в советском государстве, так же как и в лагерях, занимали сотрудники ОГПУ, представляя собой образец «блатных». В зависимости от наличия связей, влияния и умения ими пользоваться, сотрудник ОГПУ мог не только получить все возможные виды материальных благ, но и уклониться от ответственности за совершенные преступления. В то же время благодаря установлению коррупционных связей с заключенными на хозяйственных должностях, вольнаемное лагерное начальство получало «внутренний блат» — неограниченный доступ к целевым фондам снабжения ГУЛАГа, а заключенные-пособники, в свою очередь, многочисленные послабления и льготы.

Принцип блата был универсальным, его оказывало и им пользовалось абсолютное большинство заключенных, хотя и в несопоставимом по сравнению с сотрудниками ОГПУ масштабе. «Гепеуст по блату достает хорошую квартиру, обстановку, экспортную семгу, зернистую икру, свинину, сливки, заграничный костюм, духи; рядовой заключенный стремится добыть несколько лишних сантиметров на нарах, купить лишние двести граммов черного хлеба, пачку махорки, а если получит два-три куска сахара или разрешение пройти без конвоя по Кеми, то хвастает, что пользуется большим блатом. Несмотря на ничтожность таких благ, они очень ценятся. Прежде всего потому, что жизнь заключенного так отвратительно бедна и голодна, что каждый лишний кусок, который в капи-

²⁷ Анциферов Н. П. Из дум о былом: Воспоминания. М, 1992. С. 342.

²⁸ Чернавин В. В. Записки «вредителя». / Владимир и Татьяна Чернавины. Записки «вредителя»; Побег из ГУЛАГа. СПб., 1999. С. 269–271.

талистической стране не всякая бродячая собака станет есть, в лагере ценится очень высоко. А “лишнее” достается только по благу»²⁹.

При изучении феномена лагерного блата неизбежно возникает вопрос: почему заключенные, имеющие даже самые незначительные привилегии, по сравнению с остальными, не только не скрывали их, но, наоборот, выставляли напоказ, хвастались блатом и стремились оказать его знакомым? Ответ на этот вопрос заключается в психологическом аспекте блата. Сам факт обладания привилегиями «давал заключенному возможность выдвинуться среди бесправной серой массы, иметь хотя бы самое небольшое преимущество». «Это льстит его самолюбию, — хоть и слабое, но всё же утешение в его беспросветной жизни... Заключенный, одетый в казенную одежду, но новую, а не истрепанную предвзрительно другими, или носящий запрещенную в лагерях бороду, сразу бросается в глаза, как блатной. Одно это дает ему много преимуществ. Затем каждый заключенный стремится не только пользоваться блатом, но и оказывать его. Это, может быть, доставляет еще большее удовольствие его самолюбию, а часто вызывается и искренним желанием помочь другому. Случайное знакомство в лагере, пребывание на одной командировке, а особенно в одном этапе или тюрьме, обязывают, по лагерным понятиям, оказывать при встрече возможный блат»³⁰.

Очевидно, что блат играл определяющую роль в системе взаимоотношений между членами лагерного общества, следовательно, всякая официальная борьба с ним была заранее обречена на неудачу. Неистребимость этого вида помощи и покровительства «по знакомству» была обусловлена тяготами жизни большинства заключенных в лагерях: блат являлся ключевым компонентом стратегии выживания, что подтверждается множеством примеров из воспоминаний бывших лагерников. Историк и литературовед Николай Павлович Анциферов, летом 1929 г. работавший секретарем отдела дорожного строительства УСЛОН (Кемь), свидетельствует о том, что заключенные без особых затруднений могли не только посещать рестораны, но и получить право проживания на частной квартире за пределами зоны.

В целом для СЛОН и ББЛ начала 1930-х гг. были характерны относительно мягкие условия жизни заключенных, занимающих административно-производственные, хозяйственные или медицинские должности (бесконвойное хождение, проживание с семьей на частных квартирах, высокая, по сравнению с остальными заключенными зарплата), которые определялись наличием у заключенного блата.

Для сравнения рассмотрим положение соловецких заключенных, полностью лишенных блата. В качестве примера приведем два текста, описывающих Соловки раннего, «догулаговского» периода. М. М. Розанов пишет: «...Самым гиблым местом на Соловках, по праву, считался лес. Угодить на лесозаготовки было очень

---

²⁹ Чернавин В. В. Записки «вредителя». / Владимир и Татьяна Чернавины. Записки «вредителя»; Побег из ГУЛАГа. СПб., 1999. С. 269–271.

³⁰ Там же. С. 269–271.

просто и легко, а вот вырваться оттуда по добру-поздорову, таких и с огнем редко сыщешь. Лесорубы завидовали даже тем, кто тоже “ишачил”, “втыкал”, “мантулил”, “доходил” и “загибался” на прокладке узкоколейки к Филимонову болоту, на торфу и на Кирпичном заводе. Мы уже рассказывали, какую силу имели на Соловках с первого дня до весны 1930 года деньги и блат. В лес попадали те, у кого их не было, в большинстве шпана и крестьяне, да те из интеллигентов, кто еще не обучился выживать на “воле”, ни тем паче в лагере...»³¹. О том, что заключенный, не обладающий блатом, как правило, находился на самом дне лагерной иерархии, говорит и М. З. Никонов-Сморodin: «“Блат” в Соловках самая великая, спасительная сила; без “блата” существование там невозможно. Всякое начальство в Соловках, хотя бы и из заключенных, облечено деспотическими полномочиями. При желании оно может стереть заключённого в порошок... Нигде нет такой поразительной разницы между человеком одиноким, предоставленным самому себе и всяким лагерным ветрам и бурям, и человеком, имеющим покровительство (блат) хотя бы у самого маленького начальства. Попавший на дно лагерной жизни буквально раздавливался человеконенавистнической системой. Но достаточно заручиться покровительством (блатом) даже у самого маленького начальника, как жизнь обладателя такого блата сразу менялась как по мановению волшебного жезла. Иметь блат у начальства — значит получить возможность благоденствовать даже и в лагере...»³².

Существование любого заключенного в Соловецком лагере особого назначения определяли два ключевых фактора: питание и условия работы. С помощью блата заключенный мог существенно улучшить питание и получить работу по специальности либо административно-хозяйственную должность, что было значительно легче общих работ. Владимира Вячеславовича Чернавина, к воспоминаниям которого мы уже обращались, заключенные, специалисты Рыбпрома в Кемском лагере (УСЛОН), угощают селедкой, полученной ими по блату³³. О том, насколько прочно практики оказания блата были внедрены в лагерную повседневность, свидетельствует в своих воспоминаниях Юрий Иванович Чирков, который попал в Соловецкий лагерь 15-летним школьником и некоторое время выполнял обязанности уборщика в лазарете. Больные и санитары выпрашивали у него спирт, которым Чирков мыл хирургические инструменты, но Юрий Иванович имел строгое предписание главного врача никому спирт не давать. Чирков рассказывает, что, получив отказ, персонал лазарета затаил на него обиду и его перестали угощать лазаретным супом³⁴. Такого рода отказ воспринимался лагерниками как из ряда вон выходящее явление и мог послужить причиной обид и конфликтов.

³¹ Розанов М. М. Указ. соч. С. 146.

³² Никонов-Сморodin М. З. Красная каторга. София, 1938. С. 121–122.

³³ Чернавин В. В. Указ. соч. С. 250.

³⁴ Чирков Ю. И. Указ. соч. С. 52.

Многие заключенные описывают свое трудоустройство в лагере по блату: писателя и переводчика Олега Васильевича Волкова его знакомый, помощник главного врача, устраивает статистом санчасти в Соловецком лагере, Михаил Захарович Никонов-Сморозин рассказывает, как вновь прибывшему заключенному Кабукину удастся миновать период карантина и использования на тяжелых работах: однополчанин, работающий старшим бухгалтером СЛОН, устраивает Кабукина счетоводом в сельхоз³⁵.

Высшей и наиболее редкой формой блата, о которой мог только мечтать любой соловецкий заключенный, было получение личного свидания с близкими. Химик-технолог Роман Николаевич Литвинов в письмах к жене неоднократно ссылается на «отдельные и редчайшие случаи» разрешения свиданий привилегированным лагерникам, обладающим «большими связями» с последующей перевозкой их на материк³⁶.

Лагерник, обладающий блатом, мог получить обмундирование, вещевое довольствие, рабочие инструменты, денежные средства с личного счета вне общей очереди, а в лагерной библиотеке, если таковая имелась, большее количество книг в неурочные часы и дни. По блату можно было получить доступ к той лагерной прессе, которая не предназначалась для заключенных. Знакомый врач мог оказать заключенному блат в виде улучшенного лечебного питания, временного освобождения от работ и даже корректировки категории трудоспособности — во всяком случае, блат в санчасти обеспечивал заключенному тщательную и добросовестную медицинскую помощь. Если статьи приговора заключенного не позволяли ему занимать ту или иную должность в лагере, он тем не менее мог получить ее, если располагал блатом у лагерного начальства. Знакомства и связи с представителями административно-управленческого аппарата лагеря могли спасти заключенного от снятия на общие работы или наказания, которое могло последовать из-за доноса. И наконец, самый, казалось бы, фантастический результат обладания блатом — это нелегальное получение оружия, карты, компаса и предметов, необходимых заключенному при подготовке к побегу³⁷.

³⁵ Никонов-Сморозин М. З. Указ. соч. С. 119–120.

³⁶ Письма А. Ф. Вангенгейма из Соловецкого лагеря особого назначения // ...Пребывает вечно: Письма П. В. Флоренского, Р. Н. Литвинова, Н. Я. Брянцева и А. Ф. Вангенгейма из Соловецкого лагеря особого назначения: В 4 т. М, 2011, 2012. Т. 1, 2. С. 245–247.

³⁷ — Да, если бы винтовочку, — вздохнул я. — Ведь эти палачи способны действовать оружием только против безоружных.

Найденов улыбнулся.

— В таком случае наше дело совсем неплохое. У меня есть две винтовки и некоторый запас патронов. Лодки в пушхозе также имеются.

Я с удивлением смотрел на Найденова. Тот продолжал:

— Винтовки я достал недавно и спрятал в лесу в надёжном месте. Как достал — расскажу потом. Это маловероятно как будто, однако, удалось без особого труда.

Существование еще одного специфического явления лагерной жизни, а именно «туфты»³⁸, было бы невозможно без налаженного сотрудничества между всеми слоями лагерного общества: заключенными из основного трудового контингента, лагерниками, занимающими все уровни административно-производственной структуры лагеря и его руководящим составом³⁹.

Возникновение «туфты» было обусловлено двумя основными причинами. Ключевая идея политики «перековки» — досрочное освобождение заключенных-ударников, регулярно перевыполняющих нормы, вызвала к жизни систему приписок и обмана⁴⁰. В то же время второй и основной причиной, по которой заключенные прибегали к «туфте», была невыполнимость норм принудительного

Я не стал расспрашивать Найденова о способе приобретения винтовок, разумеется они могли быть приобретены только от «своих людей», вероятно, в охране. А они, «свои люди» там несомненно были. (*Никонов-Сморodin М. З.* Указ. соч. С. 246–247).

«Все, что нужно было на дорогу, мы уже припасли. Продовольствие, одежду, обувь, компасы, медикаменты и прочее. Все это было получено путем блата, кроме компасов». (*Солоневич И. Л.* Указ. соч. С. 512).

³⁸ Широко распространенная в советской лагерной системе принудительного труда практика обмана, приписок, финансовых и производственных махинаций.

³⁹ Заключенный М. М. Розанов в 1930 г. работающий счетоводом и нормировщиком на лесозаготовках Соловецкого лагеря и Ухтпечлага говорит о всеобщем распространении практики «туфты» в лагерях: «...Туфта — это бесчисленные формы обмана лагеря ради того, чтобы меньше сделать и больше получить с лагеря продуктов и денег. Добрая половина заключенных обязана сохранением своей жизни туфте. Она дает им возможность держаться на ногах и питаться из ударных и стахановских котлов. Нет такого вида работы в лагерях, где бы заключенные не туфтили. Самая распространенная форма туфты — приписка бригадами в рабочие сведения дополнительной продукции “с воздуха”, или особых условий работы, которых в действительности не было. Если бригадир трус или шкурник, то сами рабочие, умудренные опытом и нуждой, найдут случай “зарядить” ему туфту. Ни в чем ином так ярко и широко не проявляется солидарность заключенных, как в этой форме общей борьбы за существование... Насчет туфты заключенные договариваются быстро. Риск тут малый, а выгода прямая: поменьше сделать, побольше получить. Никто не осмелится донести уполномоченному 3 отдела: ни уголовники, ни бытовики, ни политические. Туфта — мать всем заключенным. Она предохраняет миллионы от полного истощения, от лазарета и могилы. С туфтой заключенные не только дух переводят, но и тачки возят и даже в списках ударников состоят, получая повышенное довольствие “за перевыполнение норм выработки”. Где только удастся, там сами рабочие, а чаще всего — бригады “заправляют туфту” — приписывают в рабочие сведения лишние кубометры земли, леса и т.п. Роют песок, а в сведениях — глина. Ташат бревно за сто метров, а пишут — за триста». (*Розанов М. М.* Указ. соч. С. 43).

⁴⁰ Разработанная в недрах ГУЛАГа система зачетов рабочих дней, когда при перевыполнении заключенным дневных заданий в 2–3 раза он имел шанс при сроке в 10 лет выйти на волю много раньше, была призвана для широкого внедрения стахановских методов и «социалистического соревнования» в лагерях. На практике она вызывала к жизни приписки и обман, составившие в целом систему, получившую название *туфты*. (ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918–1960. М., 2000, С. 8).

труда в сочетании с невозможностью проверки фактического объема выполнения заключенными некоторых видов работ. Об искусном обмане заключенными замерщиков и десятников на лесозаготовках вспоминает инженер-технолог Дмитрий Петрович Верховский, осужденный в 1931 г. на 10 лет ИТЛ и отбывавший наказание в системе СЛОН и Белбалтлага. В Соловецком лагере Дмитрий Петрович работал на лесозаготовках, где вместе с напарником пилил дрова: «Здесь я впервые познакомился с великой и, как оказалось впоследствии, необходимой наукой “закладывания туфты”, то есть, в данных обстоятельствах, умением так сложить кубометр дров, чтобы приемщик без тени сомнения принял его за два. Испытанным мастером и виртуозом этого искусства был мой теперешний напарник, белобрысый, веселый, юркий, неунывающий. Жгутик — так его звали. Мы пилили очень недолго, потом он похаживал, поглядывал, перекладывал напиленное, и к приходу замерщика вся норма с приличным перевыполнением стояла выложенная в ряду штабелей»⁴¹.

При условии невыполнимости установленных норм выработки на практике, питание заключенного на общих работах и, в конечном счете, его жизнь зависели от владения навыком «зарядить туфту», т. е. создать видимость выполнения 100% нормы. Опытные лагерники наглядно обучали этому заключенных-новичков, помогали им советами. Наука «туфты» была одной из важнейших стратегий выживания заключенного в лагере. При этом мотивы, заставлявшие лагерников всех уровней «туфтить» были различными. Лесорубы обманывали своего бригадира в нормах выработки, чтобы выжить. Бригадир или десятник видел факт невыполнения нормы и осознавал принципиальную невозможность ее выполнения заключенными. Часто теми, кто возглавлял бригады лесорубов или землекопов, руководила жалость к заключенным и обыкновенное человеческое сочувствие. Десятник шел на компромисс с подчиненной ему бригадой и выписывал заключенным паек, не соответствующий их фактической выработке, но позволяющий выжить. В то же время бригадир, поставленный над заключенными, нес ответственность за приписки и завышение показателей в отчетных актах и мог поплатиться должностью за «плохое руководство бригадой». Регулярные приписки норм, производившиеся низовой лагерной администрацией с целью не допустить снижения продовольственного пайка заключенных, далеко не всегда сходились ей с рук.

Уличенные в обмане и приписках, бригадиры, нарядчики, десятники могли быть сняты на общие работы или посажены в штрафной изолятор, о чем свидетельствует Андрей Антонович Зинковщук, работавший в 1932 г. десятником на лесозаготовках⁴². И всё-таки в большинстве случаев бригадирам не оставалось ничего другого, как покрывать разницу между плановым и фактически

---

⁴¹ *Верховский (псевдоним Витковский) Д. П.* Полжизни // Знамя. 1991. № 6. С. 17.

⁴² *Зинковщук А. А.* Указ. соч. С. 42.

выполненным объемом работ за счет «туфты», то есть приписок и обмана инженеров, экономистов, бухгалтеров, которые, в свою очередь, маскировали невыполненную часть плана перед ИСО и начальником лагеря. Вольнонаемных начальников исправительно-трудовых лагерей, разумеется, мало интересовало здоровье заключенных, но ослабление главной рабочей силы неизбежно влекло за собой всё большее невыполнение планов лесозаготовок, а это отрицательно влияло и на экономику лагеря, и на ежегодные отчеты о выполнении лагерем производственного плана, направляемые начальниками лагерей в ГУЛАГ.

Обман, махинации и подлоги в производственной документации лагеря, совершаемые заключенными-работниками планового, производственного отделов, отдела снабжения, учетно-распределительной части зачастую использовались как способ помощи заключенным, составляющим основной трудовой контингент лагеря. Бригадир «закрывали глаза» на невыполнение заключенными нормы, сдавая в производственный отдел отчеты с «приписками» и завышением фактического объема работ, сотрудники производственного отдела принимали эту документацию, бухгалтерия готовила по производственным сводкам финансовые отчеты и, наконец, начальник лагеря отправлял эти отчеты в ГУЛАГ. Большинство бывших заключенных, оставивших воспоминания о СЛОН, свидетельствует, что, как правило, эта практика реализовывалась при негласной поддержке и молчаливом одобрении высшего лагерного руководства. Уничтожение системы «туфты», в рамках которой слаженно сотрудничали административные и чернорабочие заключенные, могло обречь последних на систематическое невыполнение норм, а следовательно, на смерть от истощения.

Как мы уже сказали, практика «туфты» охватывала все слои лагерной администрации: руководящий вольнонаемный состав, заключенных из административно-управленческого аппарата, хозобслужу и даже военизированную охрану. Заключенный Иван Христофорович Озеров, работавший в 1931 г. в СЛОН счетоводом лагерной канцелярии, вспоминает, что заключенные-счетоводы вынуждены были заполнять бланки отчетности цифрами, не имевшими никакого отношения к реальности — их руководство молча поддерживало и одобряло видимость эффективной работы. Проверки правильности расстановки производительных сил, в которых участвовал Озеров, выявляли хаос и путаницу в плановой экономике лагеря⁴³. Предметом самых виртуозных махинаций и подлога, осуществляемых сотрудниками административно-управленческого аппарата, которыми чаще всего являлись заключенные при полной поддержке начальников лагерей, была финансовая и производственная отчетность лагеря перед ГУЛАГом.

Сотрудничество лагерного руководства СЛОН с заключенными принимало разнообразные и иногда довольно неожиданные формы. Вполне обоснованно

---

⁴³ Озеров И. Х. Из воспоминаний // Бродский Ю. А. Соловки. Двадцать лет Особого Назначения. М., 2002. С. 242.

будет причислить к ним взятки, хищения и коррупционные связи лагерной администрации всех уровней с заключенными, учитывая, что без воровства и взяток не обходился ни один советский исправительно-трудовой лагерь с момента своего возникновения. В коррупционных схемах активно участвовали начальники лагерей, начальники отделов, инспекторы УРЧ, заведующие продовольственными складами, ларьками, каптеры, нарядчики, причем коррупция и взяточничество особенно широко процветали среди сотрудников низовой лагерной администрации, которыми зачастую были уголовники: конвойные, взводные, ротные, бригадиры, десятники. Именно с ними заключенные контактировали наиболее интенсивно. Заключенные-уголовники на общих работах грабили и издевались над наименее защищенными категориями заключенных, уголовники на административно-хозяйственных должностях занимались вымогательством и брали взятки. Все наиболее значимые аспекты лагерной жизни заключенного: освобождение от общих работ, улучшение, пусть самое незначительное, бытовых условий и питания, поблажки и отступления от лагерной дисциплины, передача писем и открыток сверх разрешенного количества — были ключевыми преференциями, которые могли получить заключенные только за взятки лагерной администрации. Чаще всего взяткой служили: собственная одежда и предметы личного пользования, имеющиеся у недавно прибывших в лагерь заключенных или присланные из дома, продукты, махорка, водка, которые покупалась в лагерьном ларьке специально для этих целей. Гораздо реже заключенные давали взятки в денежной форме: это было связано с тем, что личные деньги заключенных хранились на счетах и выдавалась на руки небольшой ограниченной суммой.

Дмитрий Сергеевич Лихачев начал свой лагерный путь в 1928 г. на Соловках. К нему, вновь прибывшему заключенному, подошел взводный и предложил Лихачеву разместить его вместе с товарищами отдельно от шпаны и уголовников в своей камере за 1 рубль. Дмитрий Сергеевич тут же согласился. Далее он упоминает, что за освобождение от работы в Сельхозе расплачивался с нарядчиком покупкой хлеба. Взводный, которому заключенный, товарищ Лихачева Толя Тереховко, подарил трубку, при переключке не направляет его на общие работы, а возвращает назад в роту⁴⁴.

На широкий размах взяточничества в Соловецком лагере особого назначения в период «раннего» ГУЛАГа указывает бывший начальник штаба стрелковой дивизии и генерал-майор заключенный Иван Матвеевич Зайцев: «Все зависит от ротного начальства и нарядчиков. При распределении заключенных после карантина на постоянные работы, творится самый наглый и открытый произвол. Подкуп, взяточничество и вымогательство процветают повсюду. Иногда здоровеннейшие, крепкие и молодые детины, имеющие деньги на подкуп, назначают на легкие работы, например, в канцелярию, а какой-нибудь слабосильный и

---

⁴⁴ Лихачев Д. С. Воспоминания. СПб., 1995. С. 496.

даже больной, но бедный, попадает на лесозаготовки или торфоразработки... в каждой роте часть совершенно здоровых не выходят на работу, как откупившиеся взяткой ротному или нарядчику»⁴⁵.

Часто жертвами недобросовестных конвойных, заинтересованных в легкой наживе, становились вновь прибывшие заключенные. В 1931 г. партия измученных длительным этапом заключенных, в которой находился Владимир Вячеславович Чернавин, вынуждена была на свои последние деньги покупать у ВОХРовцев испорченные и бракованные продукты, черный хлеб, питьевую воду и махорку по сильно завышенным ценам. В. В. Чернавин, описывая свое прибытие в лагерь, отмечает, что заключенные становились жертвой сговора лагослужбы и лагерных парикмахеров из числа уголовников, которые обслуживали всю администрацию, вплоть до начальника лагеря. Сотрудники, проводившие санобработку вновь прибывшего этапа, обезображивали заключенных небрежной стрижкой, тогда как парикмахеры за плату исправляли их работу⁴⁶.

Сотрудничество заключенных и лагерной администрации, в результате которого происходило незаконное обогащение руководящего состава лагерных подразделений, могло носить для заключенных принудительный характер, о чем неоднократно свидетельствует Н. И. Киселев. Начальники небольших лагерных пунктов и командировок зарабатывали денежные средства на покупку радио-приемников, улучшали и разнообразили питание в столовой для надзирателей с помощью принудительной сверхурочной работы заключенных⁴⁷.

Одной из разновидностей кооперации, носящей преступный характер, были хищения лагерной администрации исправительно-трудовых лагерей с привлечением заключенных. Воровали, как правило, заключенные, занимающие административно-хозяйственные должности и имеющие доступ к денежно-материальным ценностям: завхозы, кладовщики, повара, заведующие почтой и цензоры, каптеры. Они делились с начальниками лагерных пунктов и командировок. В документах приказов по ГУЛАГ ОГПУ, посвященных борьбе с хищениями, злоупотреблением служебными полномочиями и незаконными торговыми операциями лагерной администрации⁴⁸, указывается на пособничество лиц, занимающих административно-хозяйственные должности и их соучастие при совершении хищений: «Предупреждаю, что по делам о хищениях и растратах будут привлекаться к самой суровой ответственности не только непосредствен-

⁴⁵ Розанов М. М. Соловецкий концлагерь в монастыре. 1922–1939: Факты — Домыслы — «Параши»: Обзор воспоминаний соловчан соловчанами. В 2 кн. и 8 ч. США, 1979. Кн. 1 (ч. 1–3). С. 108.

⁴⁶ Чернавин В. В. Указ. соч. С. 230.

⁴⁷ Киселев-Громов Н. И. С. Л. О. Н. Соловецкий лес особого назначения. Архангельск, 2009. С. 34.

⁴⁸ Приказ № 0055 от 9-го февраля 1933 г. О борьбе с хищениями в испр.-трудов. лагерях ОГПУ ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 1а. Д. 3. Л. 12–12 об.

ные преступники, но и все, без исключения, лица, способствовавшие этим преступлениям своим преступным халатным отношением к постановке должного учета и контроля»⁴⁹.

О кооперации с целью хищений между заключенными и низовой лагерной администрацией, которую составляли наиболее хваткие, оборотистые и удачливые заключенные, в 90% уголовники, различными способами выдвинувшиеся на должности воспитателей, ротных, старост, заведующих бараками, вспоминает И. Х. Озеров. Он описывает ловко организованные массовые кражи багажа заключенных Соловецкого лагеря при их перевозке на материк. Вообще, следует отметить, что ежедневное, рутинное воровство, насилие, угрозы и открытые грабежи лагерного населения, осуществляемые уголовниками на глазах и с согласия низовой лагерной администрации, оставались (как и в ранний период) характерной чертой повседневной лагерной жизни Соловков начала 1930-х гг.

Таким образом, в зависимости от конкретных обстоятельств заключенные применяли различные стратегии выживания в лагерях и адаптации к лагерной действительности. Сотрудничество между заключенными и администрацией приобретало различные формы, варьировалось от тесных связей коррупционного характера (приписки, совместные злоупотребления) до легального сотрудничества на производстве и в организации лагерной жизни (работа квалифицированных заключенных-специалистов, участие в лагерной самодеятельности и т. д.). Однако значительная часть заключенных была лишена возможности адаптироваться, что обрекало многих на гибель.

В то же время, говоря о стратегиях выживания заключенных в СЛОН, необходимо определить, о каком именно выживании идет речь? Выживание — это лишь сохранение физического здоровья и личная безопасность, или опыт выживания человека, попавшего в советский исправительно-трудовой лагерь — это более емкое и дифференцированное понятие, включающее в себя сохранение личностной духовной автономии в экстремальных условиях? В таком случае, выживание — это комплексный процесс изменения поведения (поведенческих паттернов), психологического восприятия происходящего (адаптации), восприятия самого себя (идентичности). Лучше всего эту ключевую проблему обозначил американский психолог и психиатр Бруно Беттельхейм⁵⁰ в своей книге «Просвещенное сердце»: «Защитить свою душу так, что если посчастливится выйти из лагеря, то вернуться на свободу тем же человеком, каким был до заключения... Теперь я знаю, что подсознательно как бы раскололся на внутреннее

---

⁴⁹ Приказ № 58 от 25 ноября 1932 г. О хищениях и злоупотреблении работников снабженческого аппарата БЛАГ ОГПУ ГА РФ Ф. 9414. Оп. 1. Д. 3. Л. 24–24 об.

⁵⁰ В 1938–1939 гг. в течение 11 месяцев Бруно Беттельхейм был узником немецких концлагерей Дахау и Бухенвальда. Б. Беттельхейм является основоположником ряда теорий, изучающих поведение людей в экстремальных условиях концлагеря.

“Я”, которое пыталось себя сохранить, и тот остаток личности, который должен был подчиниться и приспособиться, чтобы выжить»⁵¹.

Безусловно, шансы на выживание заключенного в Соловецком лагере в значительной степени зависели от таких факторов, как питание и условия работы, однако решающее значение имела воля к жизни в сочетании с немногими, поистине фундаментальными убеждениями, которыми нельзя было поступаться ни в коем случае, если человек хотел уцелеть и выжить. Один из самых известных узников Соловков О. В. Волков, прошедший в различных лагерях в общей сложности 28 лет своей жизни, суммировал свой лагерный опыт в автобиографическом труде «Погружение во тьму», где мы находим практически ту же мысль, что и у Бруно Беттельхейма: «Как же незаметно для себя человек поддается, соскальзывает в эту яму, опускается, подлеет... Утвердиться на линии поведения, какая бы, насколько можно, ограждала от засасывающего и растлевающего воздействия условий, толкавших на отказ от привычных понятий, норм. Лагерная обстановка диктовала: чтобы уцелеть и выжить, сделайся людоедом, умей столкнуться с сильным, подкупить сильного, подладиться к блатному миру. Но как быть, если все существо твое противится? Восстает против материны, цинизма отношений, подлости и насилия?..»⁵².

«Для того чтобы выжить в советских исправительно-трудовых лагерях, человеку следовало быть сильным не только физически, но и духовно», — говорит А. А. Зинковщук, — «...если человек просидел 10 лет в лагерях особого назначения, его не нужно спрашивать какой он был: слабый или сильный. Слабый человек в этих лагерях не выживал, а двадцать лет пробыть в такой мясорубке — особую стойкость надо. Пал духом — считай мертвец»⁵³.

В период 1929–1937 гг. в связи с поисками наиболее эффективных методов эксплуатации принудительного труда и связанной с этим нормализации внутреннего порядка управления в исправительно-трудовых лагерях, эпоха «нормального ГУЛАГа» наступила и на Соловках. Режим содержания заключенных стал регулироваться приказами, распоряжениями, ведомственными инструкциями ГУЛАГа, что привело к относительной стабилизации лагерной жизни и повышению шансов на выживание заключенных СЛОН. Нормативное регулирование положило конец «соловецкому произволу» в целом, однако в практиках повседневного взаимодействия между заключенными и лагерной администрацией имели место многочисленные отступления от уставных правил как в сторону непредусмотренной законом гуманности и человечности, так и в сторону произвола и издевательств над заключенными. Принципы, на которых была ос-

---

⁵¹ Беттельхейм Б. Люди в концлагере: [Главы из книги «Просвещённое сердце»] // Человек. 1992. № 2–6.

⁵² Волков О. В. Указ. соч. С. 150.

⁵³ Зинковщук А. А. Указ. соч. С. 10.

нована советская лагерная система, в частности выполнение производственных планов любыми средствами, не считаясь с жертвами, делали лагерную жизнь жестокой изначально, даже без дополнительных проявлений произвола или садизма, исходящих от отдельных лиц лагерной администрации. Именно поэтому лагерная повседневность соловецких заключенных представляла из себя жестокую борьбу за существование, за ежедневный кусок хлеба, за самосохранение, за себя самого. Адаптироваться к условиям жизни в СЛОН, найти возможность быть полезным лагерной администрации, а еще лучше, стать ее частью — для заключенных означало выжить.

РЕЗЮМЕ

В период становления и развития ГУЛАГа как централизованной карательной-репрессивной системы в СССР (1929–1937 гг.) существовавший в Соловецком лагере особого назначения порядок управления, режим содержания заключенных, условия их жизни и устойчивые практики повседневного взаимодействия между заключенными и лагерной администрацией претерпели существенные изменения. Заключенные, попадающие на Соловки после 1929 г., располагали более широким набором возможностей для адаптации и выживания в лагере. Вопрос лишь в том, был ли готов тот или иной заключенный воспользоваться этими возможностями. Моральные убеждения узника, его отношение к советской власти, физическое здоровье, принадлежность той или иной социальной группе заключенных влияли на выбор стратегии выживания в каждом конкретном случае. Адаптация заключенных всегда подразумевала налаживание сотрудничества с лагерной администрацией и проявлялась в разнообразных формах, классификации и анализу которых и посвящена данная статья.

Ключевые слова: СЛОН, лагерный социум, стратегии выживания заключенных, адаптация в исправительно-трудовом лагере, сотрудничество заключенных и лагерной администрации, повседневные практики взаимодействия в исправительно-трудовом лагере.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев Г. А. Соловецкий остров // Грани. № 216. 2005. С. 36–78.
2. Андреев И. М. Из воспоминаний // Бродский Ю. А. Соловки. Двадцать лет Особого Назначения. М.:РОССПЭН, 2002. С. 223–226.
3. Анциферов Н. П. Из дум о былом: Воспоминания / вступ. ст., сост., примеч. и аннот. указ. имен А. И. Добкина. М.: Феникс: Культур. инициатива, 1992. — 512 с., ил.
4. Беттельхейм, Б. Люди в концлагере: [Главы из книги «Просвещённое сердце»] // Человек. 1992. № 2–6.

5. *Волков О. В.* Погружение во тьму. М.: Мол. гвардия: Т-во рус. худож., 1989. — 460 с.
6. *Второва-Яфа О.* [Яфа О. В.] Авгуровы острова // Истина и жизнь. 1995. № 10. С. 32–47.
7. *Зинковицук А.* Узники Соловецких лагерей. Челябинск: Газета, 1993. — 47 с.
8. *Зубчанинов В. В.* Увиденное и пережитое. М.: РАН, Институт мировой экономики и международных отношений, 1995. — 159 с.
9. *Иванова Г. М.* История ГУЛАГа, 1918–1958: социально-экономический и политико-правовой аспекты. М: Наука, 2006.
10. *Киселев-Громов Н. И.* С.Л.О.Н. Соловецкий лес особого назначения. Архангельск, изд-во «Тур», 2009. — 112 с.
11. *Клинггер А.* Соловецкая каторга. Записки бежавшего // Воспоминания соловецких узников 1923–1939 гг. Т. 1. Соловки: издание Соловецкого монастыря, 2013. — 774 с.
12. *Лихачев Д. С.* Воспоминания. СПб.: Logos, 1995. — 519 с.
13. *Никонов-Сморodin М. З.* Красная каторга. София: Изд-во Н.Т.С.Н.П., 1938. — 371 с.
14. *Озеров И. Х.* Из воспоминаний // Бродский Ю. А. Соловки. Двадцать лет Особого Назначения. М.: РОССПЭН, 2002. — 528 с., ил.
15. ...Пребывает вечно: Письма П. В. Флоренского, Р. Н. Литвинова, Н. Я. Брянцева и А. Ф. Вангенгейма из Соловецкого лагеря особого назначения: В 4 т. / Авт.-сост. П. В. Флоренский. М.: Междунар. Центр. Рерихов: Мастер-Банк, 2011, 2012. Т. 1, 2. — 632, 612 с., ил.
16. *Розанов М. М.* Соловецкий концлагерь в монастыре. 1922–1939: Факты — Домысли — «Параши»: Обзор воспоминаний соловчан соловчанами. В 2 кн. и 8 ч. США: Изд. автора, 1979. Кн. 1 (ч. 1–3). — 293 с.
17. *Розанов М. М.* Соловецкий концлагерь в монастыре. 1922–1939: Факты — Домысли — «Параши»: Обзор воспоминаний соловчан соловчанами. В 2 кн. и 8 ч. США: Изд. автора, 1979. Кн. 2 (ч. 4–8). — 176 с.
18. Система исправительно-трудовых лагерей в СССР, 1923–1960: справочник / Сост. М. Б. Смирнов. М.: Звенья, 1998. — 599 с.
19. *Солоневич И. Л.* Россия в концлагере / подгот. текста М. Б. Смолина. М.: Москва, 1999. — 560 с.
20. *Сочалин М. Н.* Боль моя соловецкая // Страницы трагических судеб: Сб. воспоминаний жертв полит. репрессий в СССР в 1920–1950-е гг. / сост.: Е. М. Грибанова, А. С. Зулкашева, А. Н. Ипмагамбетова [и др]. Алматы: Жеті жарғы, 2002. С. 242–247.
21. *Франкл В.* Сказать жизни «Да»: психолог в концлагере. М.: Смысл, 2004. — 176 с.
22. *Чернавин В. В.* Записки «вредителя» / Владимир и Татьяна Чернавины. Записки «вредителя»; Побег из ГУЛАГа. СПб.: Канон, 1999. С. 6–328.
23. *Чирков Ю. И.* А было всё так... / предисл. А. Приставкина. М.: Политиздат, 1991. — 382 с.
24. *Щегольков С. В.* Небольшое повествование о том, как советская власть и партия ВКП(б) сделали меня «государственным преступником-террористом», который готовил покушение на жизнь товарища Сталина. М.: Б. и., 1999. — 20 с.
25. *Эпплбаум Э.* ГУЛАГ. Паутина Большого террора. М.: Московская школа политических исследований, 2006. — 608 с.

SUMMARY

M. E. Korganova

Survival Strategies of Solovki Special Purpose Camp Prisoners (1929–1937)

The period of establishment and development of the Gulag as a centralized punitive-repressive system in the USSR (1929–1937) saw significant changes in the management order existing in the Solovki Special Purpose Camp, the regime of maintenance, prisoners' living conditions, and sustainable practices of everyday interaction between prisoners and the camp administration. Prisoners who found themselves in the Solovki camp after 1929 had a wider range of options for adaptation and survival. The only question was whether the prisoner was ready to take advantage of these opportunities. The moral beliefs of the prisoner, their attitude toward the Soviet rule, physical health, and affiliation with a particular social group of prisoners influenced the choice of survival strategies in each case. The subject of this article is the classification and analysis of the forms of cooperation between inmates and the camp administration, which inevitably arose during the adaptation of prisoners.

Keywords: SLON (Solovki Special Purpose Camp), camp community, survival strategies of prisoners, adaptation in corrective labour camp, cooperation between inmates and camp administration, established practices of interaction in corrective labour camp.

REFERENCES

1. Andreev G. A. Solovetskii ostrov. *Grani*. 2005, no. 216, pp. 36–78.
2. Andreev I. M. Iz vospominanii. *Solovki. Dvadsat' let Osobogo Naznacheniya*. Moscow, ROSSPEN, 2002, pp. 223–226.
3. Antsiferov N. P. *Iz dum o bylom: Vospominaniya*. Moscow, Feniks, Kul'tur. initsiativa, 1992, 512 p., il.
4. Bettel'kheim, B. *Lyudi v kontslagere*. Chelovek. 1992, no. 2–6.
5. Chernavin V. V. *Zapiski "vreditelya"*. St. Peterburg, Kanon, 1999, pp. 6–328.
6. Chirkov Yu. I. *A bylo vse tak...* Moscow, Politizdat, 1991, 382 p.
7. Epplbaum E. *GULAG. Pautina Bol'shogo terrora*. Moscow, Moskovskaya shkola politicheskikh issledovaniy, 2006, 608 p.
8. Frankl V. *Skazat' zhizni "Da": psikholog v kontslagere*. Moscow, Smysl, 2004, 176 p.
9. Ivanova G. M. *Istoriya GULAGa, 1918–1958: sotsial'no-ekonomicheskii i politiko-pravovoi aspekt*. Moscow, Nauka, 2006.
10. Kiselev-Gromov N. I. *S.L.O.N. Solovetskii les osobogo naznacheniya*. Arkhangel'sk, izd-vo Tur, 2009, 112 p.
11. Klinger A. Solovetskaya katorga. *Zapiski bezhavshego. Vospominaniya solovetskikh uznikov 1923–1939 gg.* Solovki: izdanie Solovetskogo monastyrya, 2013, vol. 1, 774 p.
12. Likhachev D. S. *Vospominaniya*. St. Peterburg, Logos, 1995, 519 p.
13. Ozerov I. Kh. Iz vospominanii. *Solovki. Dvadsat' let Osobogo Naznacheniya*. Moscow, ROSSPEN, 2002, 528 p., il.

14. Rozanov M.M. *Solovetskii kontslager' v monastyre. 1922–1939: Fakty – Domysly – “Parashi”*: Obzor vospominanii solovchan solovchanami. USA, izd. avtora, 1979, vol. 1, 293 p.
15. Rozanov M.M. *Solovetskii kontslager' v monastyre. 1922–1939: Fakty – Domysly – «Parashi»*: Obzor vospominanii solovchan solovchanami. USA, izd. avtora, 1979, vol. 2, 176 p.
16. Shchegol'kov S.V. *Nebol'shoe povestvovanie o tom, kak sovetskaya vlast' i partiya VKP(b) sdelali menya “gosudarstvennym prestupnikom-terroristom”, kotoryi gotovil pokushenie na zhizn' tovarishcha Stalina*. Moscow, B. i., 1999, 20 p.
17. Sochalin M.N. Bol' moya solovetskaya. *Stranitsy tragicheskikh sudeb: Sb. vospominanii zhertv polit. repressii v SSSR v 1920–1950-e gg.* Almaty, Zheti zhargy, 2002, pp. 242–247.
18. Solonevich I.L. *Rossiia v kontslagere*. Moscow, Moskva, 1999, 560 p.
19. Volkov O.V. *Pogruzhenie vo t'mu*. Moscow, Mol. gvardiya, T-vo rus. khudozh., 1989, 460 p.
20. Vtorova-Yafa O. Avgurovy ostrova. *Istina i zhizn'*, 1995, no. 10, pp. 32–47.
21. Zinkovshchuk A. *Uzniki Solovetskikh lagerei*. Chelyabinsk, Gazeta, 1993, 47 p.
22. Zubchaninov V.V. *Uvidennoe i perezhitoe*. Moscow, RAN, Institut mirovoi ekonomiki i mezhdunarodnykh otnoshenii, 1995, 159 p.

А. В. Маркелов

Реконструкция последнего периода жизни архиепископа Черниговского Пахомия (Кедрова) 1930–1937 гг.

Владыка Пахомий (в миру Петр Петрович Кедров) родился в 1876 г. в г. Яранске Вятской губернии, возглавлял Черниговскую епархию в 1917–1930 гг. (до этого в 1911–1917 гг. был черниговским викарием). Епископ (с 1922 г. архиепископ) Пахомий трижды подвергался репрессиям: в 1922, 1925 и 1930 гг.¹.

В 1922 г. святителя Пахомия обвинили в неподчинении власти, в том числе в попытке предотвратить вскрытие мощей святителя Феодосия Черниговского. В 1925 г. он в Москве арестован по делу так называемого «Даниловского синода», который возглавлял архиепископ Феодор (Поздеевский). 21 мая 1926 г. Особое Совещание при коллегии ОГПУ приговорило архиепископа Пахомия к трехгодичной ссылке в Зырянский край.

В 1928–1930 гг. архиепископ Пахомий жил в Чернигове. Критически относясь к Декларации митрополита Сергия (Страгородского), архиепископ Пахомий не ушел в открытую оппозицию, стремясь общаться с представителями всех церковных течений.

1 ноября 1930 г. следствие приняло постановление по делу по обвинению гражданина Кедрова Пахомия Петровича. Позиция следствия подробно разворачивается в обвинительном заключении: «После срока ссылки и с прибытием попа Кедрова на Украину, он поселился в г. Чернигове, где открыл

---

¹ *Маркелов А. В.* Влияние Казанской духовной академии на духовное становление будущего архиепископа Пахомия (Кедрова) // Православный собеседник. 2007, вып. 1. С. 164–167; *Маркелов А. В.* Обзор следственного дела 1930 г. епископа Черниговского Пахомия (Кедрова) // Православие на Вятской земле (к 350-летию Вятской епархии): Материалы Межрегион. научн. конф. Вятка [Киров], 2007. С. 218–222; *Маркелов А. В.* Общение архиепископа Пахомия (Кедрова) с представителями различных церковных направлений в Чернигове в 1928–1930 годах // Церковь. Богословие. История: материалы IV Международной научно-богословской конференции (Екатеринбург, 5–6 февраля 2016 г.). Екатеринбург, 2016. С. 92–98.

архиепипальное [так в тексте — *А. М.*] управление, начал группировать попов Черниговщины, организовывал из них группы разного течения, как-то: тихоновщина, сергеевщина. Это он делал с целью, чтобы группировки попов разного церковного течения разослать по всей Украине, чтобы под видом агитации за разные течения в церкви могли организовывать и группировать попов для организации единого фронта духовенства для выступления против власти [...]»².

4 ноября 1930 г. (в праздник Казанской иконы Божией Матери) судебная тройка при коллегии ГПУ УССР приговорила Владыку Пахомия к шести годам заключения в концлагерь³, увеличив предлагаемый следователем приговор на год. Отсчет срока начинался с 1 ноября 1930 г.⁴

После освобождения в 1936 г. архиепископ Пахомий (Кедров) жил в Яранске. Умер в 1937 г. в г. Котельниче Вятской епархии (Кировской области) и был похоронен на городском кладбище. Владыка прославлен Русской Православной Церковью за границей, почитается в Вятской земле, на Черниговщине.

По моему глубокому убеждению, весь последний период жизни Владыки — от осуждения в конце 1930 г. до кончины в ноябре 1937 г. — следует рассматривать как единый, т.к. он завершился мученической кончиной черниговского архипастыря. Несмотря на то, что материал ограничен, прежде всего попытаемся установить места заключения архиепископа Пахомия после осуждения, а также реконструировать контекст событий лета — осени 1937 г.

Например, на известном ресурсе Православного Свято-Тихоновского православного университета места заключения архиепископа Пахомия называются в такой последовательности: Соловецкий лагерь особого назначения (1930–1931), Беломорлагерь (лагерь Май-Губа, 1931–1932), Мурманская железная дорога, лагерь для инвалидов Кузема (с 1932 г.)⁵.

Действительно, по одним сведениям, сначала архиепископа Пахомия сослали на Соловки, потом на Беломорканал. Утверждается, что туда Владыка прибыл уже почти инвалидом, с параличом лицевых нервов. Его перевели на инвалидный пункт, но и там посылали на тяжелые физические работы⁶.

² Государственный архив Черниговской области (далее — ГАЧО). Ф. Р-8840. Оп. 3. Д. 6832. Л. 10–11.

³ ГАЧО. Ф. Р-8840. Оп. 3. Д. 6832. Л. 12.

⁴ Там же. Л. 12.

⁵ Новомученики, исповедники, за Христа пострадавшие в годы гонений на Русскую Православную Церковь в XX в. [Электронный ресурс]. URL: http://martyrs.pstbi.ru/bin/code.exe/frames/m/ind_oem.html?charset=ans (дата обращения: 11.08.2016).

⁶ Архивные документы преследования духовенства Черниговской епархии в 1926–1936 гг. // Православная жизнь. 1994. № 9. С. 5. См. также: *Е. Л. [Елена Николаевна Лопужанская]* Епископы-Исповедники. Сан-Франциско. 1971. С. 11.

Один из свидетелей встретил во время этого перевода Владыку Пахомия вместе с архиепископом Серафимом (Самойловичем)⁷.

Сохранился рассказ, который ярко характеризует архиепископа Пахомия даже в условиях заточения. Один из ссыльных профессор работал писарем в концлагере в Куземе и однажды должен был срочно составить список отправляемых на другой участок работы. Список пришлось составлять всю ночь — к концу работы профессор был устал и раздражен. Утром в канцелярию зашел архиепископ Пахомий с вопросом: куда и когда их отправляют. Профессор резко ответил: «Вы мне надоедаете, Владыка!» — и прибавил какую-то грубость. В ответ святитель Пахомий поклонился в ноги и попросил прощения за то, что своим вопросом привел его в раздражение. Профессор смутился и в свою очередь попросил у святителя прощения за свою грубость⁸.

Это свидетельство подтверждается словами многих людей в разные периоды жизни архипастыря. Приведу только одно: «Преосвященный Пахомий был человеком исключительных христианских качеств: милостивец, раздававший всё до последнего так, что келейники не допускали просителей (чаще всего бывших из бедных семинаристов, но Владыка часто ухитрялся пускать их сам с черного хода, отдавая последнюю пару белья или сапоги, тайком от келейников); молитвенник и постник; кроткий и смиренный до того, что часто сам с земным поклоном испрашивал прощения, если замечал, что чем-либо огорчил собеседника или просителя. Имел дар утешать скорбящих.

Большой знаток церковного устава; но дух молитвенного умиления превозмогал в нем следование формальной стороне его: служба литургию, из благоговения к Святым Тайнам, по пресуществлению их, всегда падал ниц, хотя бы и в первый день Пасхи»⁹.

Но вернемся к предполагаемым местам заключения архиепископа Пахомия. Благодаря воспоминаниям, мы знаем точно о пребывании святителя в лагунке Кузема Белбалтлага. Возможно, архиепископ Пахомий находился там до лета — осени 1934 г.

Затем архиепископ Пахомий был направлен в Каргополь¹⁰ (город в Архангельской области). Об этом свидетельствует ряд документов. Прежде всего записи псаломщика Петра Михайловича Обыденного, который находился в ссылке в Каргополе. В своих записях, которые П. М. Обыденный

---

⁷ Новые мученики российские / Сост. протопресвитер Михаил Польский. М., Репринтное издание 1957 г. Т. 2. С. 123.

⁸ *Е. Л.* Указ. соч. С. 11.

⁹ Спиридон (Лукич), архимандрит. [Пахомий (Кедров)]. Рукопись.

¹⁰ *Там же.*

вёл с ноября 1934 г., он отмечал: «Описывай здесь все особенности каждой церковной службы. Программу каждой службы составляй заранее, не накануне, а за неделю вперед. Например, будучи в церкви в воскресенье, просмотри особенности службы следующих очередных праздников. Беседуй об этом [...] с Владыкой Пахомием (Черниговским) и другими знакомыми лицами. Просматривай календарь, записи владыки Пахомия, свои заметки прошлых лет»¹¹.

Бывший ссыльный диакон Михаил Тифиев (в письме без даты) писал П. М. Обыденному в Каргополь: «Сердечный привет владыке Пахомию, прошу его владычного благословения и молитв, недостойный диакон Михаил. До письменного свидания. Да хранит Вас Господь»¹².

О жизни в Каргополе подтверждают и письма архиепископа Пахомия руководителю организации «Помощь политическим заключенным» Е. П. Пешковой от 8 августа 1935 г. Владыка писал: «Глубокоуважаемая Екатерина Павловна!

Прошу принять мою искреннейшую благодарность за присылку мне посылки от 29/VII с[его] г[ода] за № 6910, мною полученной.

Я принял эту посылку в уверенности, что она устроена на средства, врученные Вам на помощь персонально мне. Если же на эту посылку Вы израсходовали общие средства заведуемого Вами учреждения, то я прошу Вас в будущем этого не делать: по своим христианским и монашеским убеждениям я чужд какой-либо политики и потому к разряду субсидируемых Вашим учреждением политических ссыльных отнесен быть не могу и пользоваться субсидией из общих средств этого учреждения не считаю себя в праве.

Остаюсь с истинным к Вам уважением адм[инистративно] ссыльный, б[ывший] архиепископ Черниговский Пахомий,

в миру Петр Петрович Кедров.

8/VIII–1935 г[ода]

г[ород] Каргополь, Сев[ерного] края, Красноарм[ейская] 17»¹³.

Уже следующее письмо было послано архиепископом Пахомием 14 августа 1935 г. из Бирска Башкирской республики: «Посылка — прекрасна и разнообразна по содержанию. Приятна и полезна для здоровья. Очень был ею тронут и обрадован.

¹¹ «Сокровище благих...» (Письма верующих 30-х годов XX в.) / Публикация Г. П. Дурасова // Православная вера и традиции благочестия у русских в XVIII–XX веках: Этнографические исследования и материалы. М., 2002. С. 330.

¹² Там же. С. 367.

¹³ Заклеянные властью. Услышь их голоса [Электронный ресурс]. URL: http://pkk.memo.ru/letters_pdf/002079.pdf (дата обращения: 11.08.2016).

Приношу Вам свою горячую, искреннюю благодарность за этот дорогой для меня знак Вашего внимания и за этот столь ценный дар»¹⁴.

Сложно сказать, был ли этот перевод исключительно решением властей, или было какое-то ходатайство архиепископа Пахомия, в любом случае для него этот перевод оказался большой поддержкой, т. к. в Бирске жил в ссылке его родной брат — архиепископ Житомирский Аверкий (Кедров)¹⁵ (расстрелян в ноябре 1937 г.).

После освобождения архиепископ Пахомий вернулся в Яранск, но вместо хотя бы относительного покоя он вновь оказался вовлечен в серьезные события. Владыка жил (по одной из версий, под домашним арестом¹⁶) в Яранске у своего брата священника Николая Кедрова. Отец Николай служил в кладбищенской Вознесенской церкви Яранска и канонически подчинялся митрополиту Сергию (Страгородскому)¹⁷.

Эти месяцы являются самыми загадочными в судьбе архиепископа Пахомия (так как документальных материалов практически не сохранилось). Только при изучении общей обстановки можно хотя бы приблизительно представить, как судьба архиепископа Пахомия могла соприкасаться с тогдашними событиями.

Главным политическим событием 1937 г. должны были стать выборы в Верховный Совет СССР. Их назначили на 12 декабря. Основным тезисом тогдашней пропагандистской кампании было утверждение: выборам могут помешать враги советского народа.

Не стала исключением и Кировская область. Вот только малая часть тогдашних газетных заголовков: «Обком рекомендует непроверенных людей», «Политические слепцы из нолинского райкома партии», «Врагу доверили учащихся»¹⁸, «Советский народ уничтожит всех врагов», «Расстрелять презренных бандитов», «Сурово карать врагов колхозного крестьянства»¹⁹, «Суд над врагами колхозного строя в Каракулине», «Переломить хребет всем фашистским агентам»²⁰.

---

¹⁴ Заклейменные властью. Услышь их голоса [Электронный ресурс]. URL: http://pkk.memo.ru/letters_pdf/002079.pdf (дата обращения: 11.08.2016).

¹⁵ Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти, 1917–1943: сб. в 2 ч. / сост. М. Е. Губонин. М., 1994. С. 834.

¹⁶ Новые мученики российские / Сост. протопресвитер Михаил Польский. М., Репринтное издание 1957 г. Т. 2. С. 92.

¹⁷ Государственный архив Кировской области (далее — ГАКО). Ф. 237. Оп. 77. Д. 132. Л. 82 об. — 83; ГАКО. Ф. Р-2169. Оп. 44. Д. 6. Л. 2.

¹⁸ Комсомольское племя. 1937. № 99 (24 августа).

¹⁹ Кировская правда. 1937. № 227 (3 октября). С. 2.

²⁰ Там же. № 228 (4 октября). С. 2.

Одну из главных опасностей власть видела в Русской Православной Церкви. Еще несколько газетных заголовков: «Борьба с религией — борьба за коммунизм»²¹, «Церковные шпионы японского империализма»²², «Как удаётся церковникам увлечь за собой отдельные прослойки молодёжи»²³.

В Яранске этой теме также уделяли особое внимание. 11 октября 1937 г. состоялась районная конференция Союза воинствующих безбожников. Член этого союза Селин говорил в своем выступлении: «Начинается избирательная кампания, сейчас особенно нужно усилить антирелигиозную пропаганду. В связи с предстоящими выборами в Верховный Совет СССР церковники и сектанты активизируются, ведут подрывную работу. [Необходимо] дать решительный отпор попам и всем сектантам»²⁴.

Несмотря на такие громкие заявления, районные и областные власти были недовольны уровнем работы, отмечая: «[...] работа по антирелигиозной пропаганде идёт по-книжному. Попытка открытия мощей в конце 1937 года на кладбищенской церкви подтверждает это»²⁵.

Что же так встревожило власти? Об этом можно прочитать в докладной записке, посвященной итогам избирательной кампании в Яранском районе: «В связи с избирательной кампанией активизировали свою подрывную деятельность церковники в районе. Так, например, в городе церковники для увеличения числа верующих, и чтобы помешать избирательной кампании, пытались “открыть мощи” авантюриста бывшего настоятеля монастыря Матвея, умершего в 1927 году. На могиле этого авантюриста горела неугасимая лампада — монахини аккуратно подливали в эту лампаду масло. На могиле была торговля “святой травкой” и крестиками. Организатором такой контрреволюционной авантюры был Яранский епископ Шкурко. [...]»

Факты вражеской работы требуют усиления революционной бдительности, ещё более глубокого содержания всей нашей массовой политической работы»²⁶.

Тема получала развитие в других отчётах: «Церковники города Яранска [...] пытались открыть “мощи” бывшего иеромонаха авантюриста Матвея. Прославил его “святость” приехавший в Яранск архиерей Шкурко. Церковники производили продажу земли с могилы, брали по 10 копеек за щепотку и притом “в нагрузку” верующему давали крестик по 50 копеек. Было продано земли свыше

²¹ Кировская правда. 1937. № 228 С. 1.

²² Комсомольское племя. 1937. № 91 (3 августа). С. 2; № 92 (5 августа). С. 2; № 93 (8 августа). С. 4; № 94 (11 августа). С. 2.

²³ Комсомольское племя. 1937. № 111 (24 сентября). С. 2.

²⁴ С районной конференции Союза воинствующих безбожников // Яранский колхозник. 1937. № 236 (15 октября). С. 2.

²⁵ Государственный архив социально-политической истории Кировской области (далее — ГАСПИКО). Ф. 1177. Оп. 1. Д. 196. Л. 43.

²⁶ Там же. Л. 29.

2 пудов. Продавалась также с могилы и трава. Была устроена “неугасимая” лампада, елей в которую подливала мать коммуниста Волжанина. [...] Развёртывалось паломничество к могиле “святого”, приходили религиозные фанатики, проживающие от города Яранска за 60 километров»²⁷.

Поясним, о ком идет речь. Иеромонах Матфей (Швецов) (1855–1927), духовник Анно-Пророчицкого Яранского мужского монастыря. Один из самых почитаемых старцев на Вятской земле и в окрестных областях (в частности, в Марий Эл) как при жизни, так и после смерти. По благословлению Патриарха Московского и Всея Руси Алексия II преподобный Матфей Яранский прославлен в 1997 г. в лике местночтимых святых Вятской епархии.

Епископ Вячеслав (Шкурко) с 1932 по 1936 г. был епископом Новоград-Волыньским, викарием Киевской епархии; временно управляющим Харьковской епархии; епископом Сумским. В апреле 1936 г. назначен в Яранск, где служил до своей мученической смерти²⁸.

Обвинения в адрес епископа Вячеслава в одной из справок неожиданно получили новое развитие: «В сентябре месяце вся эта мразь во главе с архиереем посажена за контрреволюцию и шарлатанство». Причем, характерно, что эти подлецы говорили, что из-за боязни, что архиерей будет избран в Верховный Совет, а если архиерей Шкурко давал расписку в том, что он не будет избран, пусть его выпустят [эти строки в тексте, напечатанном на пишущей машинке, зачёркнуты, и чернилами приписано следующее]: «из-за ареста архиерея и его сообщников церковники развернули агитацию о том, что “архиерея арестовали из-за боязни, как бы его не выбрали в Верховный Совет”. Они в целях недовольства среди населения к факту ареста архиерея пустили слух, что архиерея не освобождают из-под ареста, несмотря на то, что он выдал расписку, что в Верховный Совет он не будет выбран»²⁹.

Как мы видим, главной проблемой для властей стали события с мощами иеромонаха Матфея. Они происходили при кладбищенской церкви, где служил именно о. Николай Кедров, и это не могло не беспокоить власти. Отец Николай вспоминал, что Владыка Вячеслав «своим добролюбивым отношением к могиле, выражающимся в посещении, поклонении и молении на могиле давал нам свой пример, что нам также нужно посещать и молиться за Матфея, он вёл за собой верующих». «Могилы была ухожена, на ней загорелась лампада, увеличилось пожертвования на елей»³⁰.

Фамилия Кедровых упоминалось еще раз в следующем контексте: «[...] церковники пытаются застрашать верующих трудящихся и оттолкнуть их от участия в выборах в Верховный Совет СССР. Поп Кедров, проживающий в Яран-

²⁷ ГАСПИКО. Ф. 1290. Оп. 1. Д. 173. Л. 19.

²⁸ Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России... С. 968.

²⁹ ГАСПИКО. Ф. 1290. Оп. 1. Д. 180. Л. 54.

³⁰ *Ожегин П.* Вёл за собой верующих // Вятский епархиальный вестник. 1995. № 3. С. 3.

ске, пытался попасть в число слушателей кружка по изучению “Положения о выборах в Верховный Совет СССР” (избирательный участок № 194)»³¹. Скорее всего, речь идет об о. Николае.

Ситуация, по мнению властей, была настолько серьезной, что вопрос о недостаточной антирелигиозной пропаганде даже выносился в начале декабря 1937 г. на бюро Кировского обкома ВКП(б). В протоколе констатировалось: «[...] бюро обкома признаёт, что в результате неудовлетворительной работы РК антирелигиозная пропаганда [...] в Яранском [...] РК ведётся плохо. В Яранском районе при попустительстве парторганизации активизируется поповщина. Поповщина проводит наглуемую пропаганду мракобесия: открытие мощей в сентябре этого года, явление “неугасимой” лампы, торговля “святой землёй” и т. д.»³².

Заседание бюро обкома стало своеобразным итогом антицерковной работы. А немного раньше, летом и осенью 1937 г., целая группа духовенства Яранской епархии подверглась репрессиям. Восемь священно- и церковнослужителей³³ во главе епископом Яранским Вячеславом (Шкурко)³⁴ были приговорены к расстрелу. Еще ряд священников и мирян получили большие сроки заключения.

Арестовали и о. Николая Кедрова. Надо отметить, что в архивах не удалось выявить материалов об этом аресте. По устным сведениям внучки о. Николая, батюшку не арестовали, а изолировали, запретив родным посещать его.

Также по устным воспоминаниям, архиепископ Пахомий вел полузатворнический образ жизни и совершенно не интересовался мирскими делами (вспомним слова Владыки Пахомия из письма к Е. П. Пешковой: «по своим христианским и монашеским убеждениям я чужд какой-либо политики»). Напомним, что уже в 1930 г. архиепископ Пахомий страдал параличом лицевых нервов. Возможно, арест брата еще больше отразился на его здоровье. Известно, что Владыку поместили в Котельничскую психиатрическую больницу.

То, что власти могли перевести архиепископа Пахомия в Котельнич для изоляции, свидетельствует и то, что такой приём уже использовался. Речь идет об одном из лидеров жизни Вятской епархии 1920-х гг. игумении Февронии (Зотовой). В сентябре 1923 г. было принято решение о ликвидации Покровского монастыря, который уже несколько лет существовал как Покровская сельхозартель. Как подчеркивалось в протоколе объединенного заседания советских и партийных органов: «Для удобства проведения ликвидации мы решили от-

³¹ ГАСПИКО. Ф. 1290. Оп. 1. Д. 173. Л. 20.

³² Там же. Д. 36. Л. 46.

³³ Книга памяти жертв политических репрессий Кировской области. Киров, 2001. Т. 4. С. 316, 329, 341–342, 350, 359, 360, 375, 381.

³⁴ Там же. Т. 4. С. 388.

править больных и детей в г. Котельнич, в числе больных была отправлена и их руководительница мать Феврония»³⁵.

В постановляющей части протокола подчеркивалось: «Игуменню Февронию признать политически опасной; признать её выписку из больницы не подходящей мерой и просить Губком РКП через ГПУ изолировать её из пределов уезда, причём одним из методов считать её перевод в Губернскую больницу»³⁶.

Кстати, в советской прессе этот момент был также тщательно отработан: «Игуменья Феврония даже заболела от расстройства»³⁷ (сравните, например, с тем, как о митрополите Иосифе (Петровых) также распространялись слухи, что он пытался покончить самоубийством)³⁸.

О своём заключении позже свидетельствовала и сама игуменья Феврония (во время нового ареста 4 ноября 1929 г): «Под судом не была. Но в 1924 году была подвергнута аресту в гор. Котельниче органами ОГПУ»³⁹.

Архиепископ Пахомий (Кедров) отошёл ко Господу в г. Котельниче 11 ноября 1937 г.⁴⁰ Дату кончины подтверждает запись акта о смерти № 340 от 13 ноября 1937 г. Из него мы узнаем официальную причину смерти («кровоизлияние в мозг»), а также имя человека, получившего тело Владыки. Это была родная сестра архиепископа Пахомия Вера Петровна Кедрова. В Котельниче она жила по адресу: ул. Свободы, 25.

Итак, подведем итоги. Нам удалось с достаточной долей достоверности установить места заключения архиепископа Пахомия: станция Кузема (до лета – осени 1934 г.), Каргополь (до августа 1935 г.), Бирск (до лета 1935 г.).

После освобождения и возвращения в родной Яранск архиепископ Пахомий оказался в ситуации, когда его личность могла восприниматься властями как своеобразный символ антигосударственного движения, лидерами которого были епископ Вячеслав (Шкурко) и, возможно, родной брат Владыки Пахомия священник Николай Кедров.

Выскажем предположение, что помещение архиепископа Пахомия (Кедрова) в котельничскую психиатрическую больницу было вызвано не столько реальным заболеванием, сколько являлось частью запланированной и осуществленной властями акции.

³⁵ ГАКО. Ф. Р-1258. Оп. 3. Д. 33. Л. 190.

³⁶ Там же..

³⁷ Н. Н. Ликвидация сел.-хоз. артели-монастыря // Вятская правда. 1923. № 223 (29 сентября). С. 3.

³⁸ См.: Мазырин А., иер. Высшие иерархи о преемстве власти в Русской Православной Церкви в 1920–1930-х годах. С. 320.

³⁹ ГАСПИКО. Ф. 6799. Оп. 7-оц. Д. 8585. Т. 2. Л. 100 об.

⁴⁰ Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. М, 1994. С. 878.

РЕЗЮМЕ

В статье делается попытка реконструкции последнего периода жизни архиепископа Черниговского и Нежинского Пахомия (Кедрова). Выявляются места, в которых он отбывал срок после третьего осуждения в 1930–1936 гг. Особое внимание уделяется последним месяцам жизни Владыки в Яранске после окончания срока, воссозданию контекста происходивших весной — осенью 1937 г. общественно-политических событий и вовлечению в них архиепископа Пахомия.

Ключевые слова: Архиепископ Пахомий (Кедров), Кузема, Каргополь, Бирск, Яранск, архиепископ Аверкий (Кедров), преподобный Матфей Яранский, епископ Вячеслав (Шкурко), священник Николай Кедров.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти, 1917–1943: сб. в 2 ч. / сост. М. Е. Губонин. М.: Православный Свято-Тихоновский Богословский ин-т, 1994. — 1063 с.
2. Архивные документы преследования духовенства Черниговской епархии в 1926–1936 гг. // Православная жизнь (Приложение к «Православной Руси»). 1994, № 9. С. 1–17.
3. *Е. Л.* Епископы-Исповедники. Сан-Франциско. 1971. — 101 с.
4. Книга памяти жертв политических репрессий Кировской области в 4-х томах. Киров: КОГУП «Кировская областная типография», 2001. Т. 4. — 544 с.
5. *Мазырин А.*, свящ. Высшие иерархи о преемстве власти в Русской Православной Церкви в 1920–1930-х годах / Науч. ред. прот. В. Воробьев. М.: Изд-во ПСТГУ, 2006. — 442 с.
6. *Маркелов А. В.* Влияние Казанской духовной академии на духовное становление будущего архиепископа Пахомия (Кедрова) // Православный собеседник. 2007, вып. 1. С. 164–167.
7. *Маркелов А. В.* Обзор следственного дела 1930 г. архиепископа Черниговского Пахомия (Кедрова) // Православие на Вятской земле (к 350-летию Вятской епархии): Материалы Межрегион. научн. конф. [Киров, 5 декабря 2007 г.] / [Киров], Буковица, 2007 (ООО «Орма»). С. 218–222.
8. *Маркелов А. В.* Общение архиепископа Пахомия (Кедрова) с представителями различных церковных направлений в Чернигове в 1928–1930 годах // Церковь. Богословие. История: материалы IV Международной научно-богословской конференции (Екатеринбург, 5–6 февраля 2016 г.). — Екатеринбург: Екатеринбургская духовная семинария, 2016. С. 92–98.
9. Новые мученики российские (составил протопресвитер Михаил Польский). М. — «Красно»: Изд-во товарищества «Светлячок», 1994 / Репринтное издание 1957 г. Т. 2. — 324 с.
10. «Сокровище благих...» (Письма верующих 30-х годов XX в.) / Публикация Г. П. Дурасова // Православная вера и традиции благочестия у русских в XVIII–XX веках: этнографи-

ческие исследования и материалы / [Отв. ред. О. В. Кириченко, Х. В. Поплавская; Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая]. — Москва: Наука, 2002. С. 299–376.

SUMMARY

A. V. Markelov

Reconstruction of the Last Period in the Life of Archbishop Pakhomy (Kedrov) of Chernihiv, 1930–1937

The article attempts to reconstruct the last period in the life of Archbishop Pakhomy (Kedrov) of Chernigov and Nezhin, identifying the institutions where he served time after the third conviction in 1930–1936. Particular attention is paid to the last months of His Grace's life in Yaransk after the end of the term. The context of social and political events that took place in the spring — autumn of 1937, and the involvement of Archbishop Pachomy are carefully reconstructed.

Keywords: Archbishop Pachomy (Kedrov), Kuzema, Kargopol, Birsk, Yaransk, Archbishop Averky (Kedrov), Reverend Matthew of Yaransk, Bishop Vyacheslav (Shkurko), Priest Nikolai Kedrov.

REFERENCES

1. E. L. *Episkopy-Ispovedniki*. San-Francisco, 1971, 101 p.
2. Markelov A. V. Obshchenie arkhiepiskopa Pakhomiya (Kedrova) s predstaviteleyami razlichnykh tserkovnykh napravlenii v Chernigove v 1928–1930 godakh. *Tserkov'. Bogoslovie. Istoriya: materialy IV Mezhdunarodnoi nauchno-bogoslovskoi konferentsii (Ekaterinburg, 5–6 fevralya 2016 g.)*. Ekaterinburg: Ekaterinburgskaya dukhovnaya seminariya, 2016, pp. 92–98.
3. Markelov A. V. Obzor sledstvennogo dela 1930 g. arkhiepiskopa Chernigovskogo Pakhomiya (Kedrova). *Pravoslavie na Vyatskoi zemle (k 350-letiyu Vyatskoi eparkhii)*. Materialy Mezhhregion. nauchn. konf. Kirov, 5 dekabrya 2007 g, pp. 218–222.
4. Markelov A. V. Vliyanie Kazanskoi dukhovnoi akademii na dukhovnoe stanovlenie budushchego arkhiepiskopa Pakhomiya (Kedrova). *Pravoslavnyi sobesednik*. 2007, issue 1, pp. 164–167.
5. Mazyrin A., svyashch. *Vysshie ierarkhii o preemstve vlasti v Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi v 1920–1930-kh godakh*. Moscow, izd-vo PSTGU, 2006, 442 p.

А. В. Мендюков

«Воинствующие безбожники» в борьбе с верой в Карелии и Среднем Поволжье

Завершение гражданской войны и провал политики «штурма небес» в первые годы после захвата власти побудили руководство РКП(б) взять передышку и готовить систематическую антирелигиозную работу. Для этого у руля созданной в октябре 1922 г. Комиссии по антирелигиозной пропаганде ЦК РКП(б) (Антирелигиозной комиссии) встал Емельян Михайлович Ярославский (Губельман) (1878–1943), видный партийный деятель (член РСДРП с 1898 г.) и специалист по антицерковной и антирелигиозной пропаганде.

В партийных кругах созрела идея о том, что одним из действенных инструментов давления на Русскую Православную Церковь и борьбы с ней может стать массовое добровольное общество, объединившее бы людей, на словах или на деле порвавших с церковью, выступавших за рациональные и научные принципы в объяснении любых явлений и отвергавших саму идею Бога.

В декабре 1922 г. в СССР стала издаваться газета «Безбожник», инициатором создания которой и ее ответственным редактором на протяжении почти двадцати лет являлся Е. Ярославский. 12 сентября 1923 г., когда на заседании АРК обсуждался вопрос «о формах и способах антирелигиозной пропаганды в деревне», Ярославский выдвинул идею организации кружков воинствующих безбожников. 7 октября того же года в газете «Безбожник» этот вопрос был поставлен уже официально. Власти поддержали инициативу, и 27 августа 1924 г. в Москве созвали первое учредительное собрание Общества друзей газеты «Безбожник». Общество всемерно укреплялось и поддерживалось «сверху». В ноябре 1924 г. Е. Ярославский обратился в ЦК партии с запиской, в которой предлагался проект постановления об организации уже полноценного антирелигиозного общества. В ЦК идея нашла полную поддержку, и в апреле следующего 1925 г. в Москве прошел новый съезд Общества друзей газеты «Безбожник», положивший начало Союзу безбожников СССР. Организация имела свой Центральный Совет, в который вошли и такие известные большевики, как П. А. Красиков, И. И. Скворцов-Степанов, П. Г. Смидович. Председателем СБ СССР стал Емельян Ярославский. Главными лозунгами Союза были:

«Через безбожие — к коммунизму» и «Борьба с религией — это борьба за социализм»¹.

Костяк Союза составили комсомольцы. Из самого названия этой организации следовало, что ее члены занимают ярко выраженную антирелигиозную (прежде всего антиправославную, коль скоро православие является основным духовным и культурным стержнем России) позицию. И не просто занимают, а активно способствуют насаждению атеистических идей среди населения. Но в середине 20-х гг. в деятельности ячеек Союза безбожников преобладала умеренная линия, которую можно охарактеризовать лозунгом: «Овладеем естествознанием, чтобы иметь крепкое оружие в борьбе с религией»². В июле 1929 г. на II Всесоюзном съезде безбожников к названию организации добавили характерное прилагательное «воинствующие». Возраст вступления был понижен до 14 лет. Создавались также группы юных безбожников — с 8 лет³.

В настоящей статье попробуем разобраться, насколько общей или различной была деятельность безбожников на Севере России и в Среднем Поволжье, учитывая в целом аграрный характер этих регионов, большую территорию и пестрый состав населения в этническом и конфессиональном отношениях. Подобные специфические условия послужили, кстати, в дальнейшем оправданием в глазах карельского отделения СВБ при объяснении неудач в антирелигиозной работе⁴.

К октябрю 1929 г. численность организации в Самарском крае не достигала и 4 тысяч человек. Из 16 районов райсоветы СВБ были представлены лишь в половине, причем «окружной совет связи с районами не имел и являлся, по сути, городским советом»⁵. Как следовало из доклада Самарского окружного комитета ВКП (б), «ячейки СВБ в большинстве случаев являются неработоспособными. Закрытие церквей, снятие колоколов и вообще вся антирелигиозная работа в значительной мере развивается стихийно, без должного развертывания организационно-массовой антирелигиозной работы... благодаря чему в некоторых районах имели место случаи искажения линии партии и проявления административных мер при закрытии церквей и снятии колоколов»⁶.

¹ Фирсов С. Л. Была ли безбожная пятилетка? // Независимая газета. 30.10.2002. [Электронный ресурс]. URL: http://www.ng.ru/ng_religii/2002-10-30/7_ussr.html (дата обращения: 26.07.2016).

² Слезин А. А. Воинствующий атеизм в СССР во второй половине 1920-х годов // Вопросы истории. 2005. № 9. С. 129.

³ Там же. С. 132.

⁴ Бардильева Ю. П. Особенности антирелигиозной пропаганды на Европейском Севере в 1920–1930 гг. // III Ушаковские чтения. Мурманск, 2006. С. 106–111.

⁵ ГАСО. Ф. Р–341. Оп. 1. Д. 337. Л. 19.

⁶ Там же. Л. 20.

Союз безбожников влачил в Самарском регионе в 1920-е гг. самое жалкое существование. Руководство Союза неоднократно обращалось за финансовой помощью в Самарский городской совет. Так, 17 марта 1927 г. было принято решение оказать Союзу финансовую поддержку для оборудования музея, клуба и приобретения мебели в размере 100 рублей за счет городского бюджета г. Самара⁷. Не прошло и месяца, как от Союза безбожников в Горсовет поступила аналогичная просьба — перечислить 50 рублей якобы на ремонт (!) только что построенного клуба и инвентарь⁸. В начале августа 1927 г. Союз просит разрешение устроить платное гулянье вечером в Струковском саду. Деньги должны был пойти опять-таки на ремонт (!) только что открывшегося музея. Понимая, что такое разрешение вряд ли будет получено, местные «безбожники» были согласны и на 100 рублей. Горсовет разрешения на гулянье не дал, откупившись этой суммой⁹.

Все эти махинации с выбиванием денег у властей ясно показывают, что в это время СВБ не представлял собой сколько-нибудь солидной общественной организации и не мог активно участвовать в борьбе с церковью и верующими. Впрочем, и сама борьба с православием серьезно началась примерно с 1928 г., когда одну за другой стали закрывать церкви и изымать ценную церковную утварь, снимать колокола. Здесь и понадобился «рупор общества», которое эти действия не только одобряло, но и само осуществляло. В 1927 г. на XV съезде партии Сталин констатировал: «У нас имеется еще такой минус, как ослабление антирелигиозной борьбы»¹⁰. В период хлебозаготовительного кризиса 1927–1928 гг. активизировались попытки связать религию с контрреволюцией. С 1928 г. «открытое наступление на религию» начала «Комсомольская правда»: «За спиной кулака стоят многие религиозные организации, которые увеличивают силы, идеологизируют кулака». Газета стала инициатором критики Союза безбожников за примиренческое отношение к религии¹¹.

В Карелии в 1929 г. состоялся республиканский съезд ячеек Союза безбожников, на котором оформилась республиканская организация и был избран ее руководящий орган — Карельский областной совет СВБ¹².

Долгие годы им руководил Виктор Иванович Клишко. На всем Русском Севере В. Клишко (Зорин) был, наверное, самым выдающимся атеистом. Заслуги его в 1939 г. признал центральный печатный орган «СВБ» СССР журнал

⁷ ГАСО. Ф. Р–56. Оп. 1. Д. 260. Л. 175.

⁸ Там же. Л. 184.

⁹ Там же. Л. 243.

¹⁰ Слезин А. А. Воинствующий атеизм в СССР во второй половине 1920-х годов // Вопросы истории. 2005. № 9. С. 130.

¹¹ Там же. С. 131.

¹² Басова Н. А. Церковная жизнь в Карелии в конце 1920 — начале 1930-х годов [Электронный ресурс]. URL: <http://refdb.ru/look/2310668.html> (дата обращения: 27.06.16).

«Антирелигиозник»¹³. Клишко выпускал антирелигиозные брошюры: «Бог, попы и комсомол» (1923), «Карельские чудотворцы» (1932), «Борьба против религии — борьба за социализм» (1933), «О враждебной деятельности церковников и сектантов» (1938)¹⁴. Также в 1929–1930-х гг. он организовывал антирелигиозные доклады и концерты на карельском радио. Активность этого человека поразительна. Еще до вступления в «СВБ» он по своей инициативе организует первое в Петрозаводске «комсомольское рождество», а затем и первую «комсомольскую пасху» (1923 г.). Печатается практически во всех республиканских газетах и журналах со статьями «Вместо собора — общественная столовая», «Карельские чудотворцы», «Бог, попы и комсомол» и т. д. и т. п. Он же был инициатором и организатором закрытия петрозаводских храмов, в том числе кафедрального собора. Был инициатором запрета колокольного звона. Неумолимо ездил по всей Карелии, наведываясь в некоторые местечки, где туго пошла антирелигиозная работа, по несколько раз¹⁵.

После II Съезда союза Е. М. Ярославский и руководство СВБ под давлением «генеральной линии» отказываются от своих прежних умеренных взглядов на формы и методы антирелигиозной работы и встают, как того требовал И. В. Сталин, на путь форсированного рывка, предполагавшего усиление натиска на церковь и верующих.

С октября 1929 г. по 1 марта 1930 г. в деятельности СВБ на местах происходят значительные перемены. В Средневолжской области (без Самары) к марту 1930 г. в эту организацию входило уже свыше 11 тысяч человек. В 11 районах организованы райсоветы и 209 ячеек. Лишь в 5 районах не было ни райсоветов, ни ячеек (в Марьевском, Елховском, Екатериновском, Андреевском и Алексеевском). Теперь антирелигиозное движение в области стало массовым, отмечает официальная статистика¹⁶.

В целом по России происходят аналогичные тенденции. Петербургский историк церкви С. Л. Фирсов приводит данные, что уже к ноябрю 1931 г. в рядах общества числилось свыше 5 миллионов членов, объединенных в более чем 60 тысяч ячеек (а ведь в 1926 г. в Союзе было только 87 тысяч человек, в 1929 г. — 465 тысяч, а в 1930 г. — свыше 3,5 миллионов!)¹⁷. Вряд ли можно согласиться с такими ошеломляющими цифрами роста численности безбожников

¹³ См.: Биографическая справка о В. И. Клишко — НАРК. Ф. Р-178. Оп. 1.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Сизов М. Главный безбожник Карелии // «Вера»—«Эском», 1999. № 337–338. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rusvera.mrezha.ru/1998-1999/31.htm> (дата обращения: 27.06.16).

¹⁶ ГАСО. Ф. Р-341. Оп. 1. Д. 337. Л. 19.

¹⁷ Фирсов С. Л. Была ли безбожная пятилетка? // Независимая газета. 30.10.2002. [Электронный ресурс]. URL: http://www.ng.ru/ng_religii/2002-10-30/7_ussr.html (дата обращения: 26.07.2016).

всего за год. Но, несомненно, рост был значительный. К 1941 г. предполагалось вовлечь в ряды Союза до 22 миллионов человек! Однако этим планам не удалось сбыться: к указанному времени там находилось 3,5 миллиона. К началу 1941 г. в рядах СВБ состояло около 3,5 миллионов трудящихся 100 национальностей. Число первичных ячеек достигло 96 тысяч¹⁸. Иерей Николай Савченко приводит меньшую цифру: количество ячеек организации на 1 января 1941 г. выросло до 115,5 тысяч, количество членов — до 2 миллионов 992 тысяч¹⁹.

Наступление на православие и церковь стало вестись на всех направлениях. Возник даже термин — «религиозный фронт». Атеистическая пропаганда проводится повсеместно. Особое внимание обращается на воспитание подрастающего поколения. Добровольное общество «Друг детей», например, подготовило доклад, где отмечалось: «Религия — одно из сильнейших орудий в руках капиталистов, являясь инициатором воспитания послушных и угодных сынов. Церковь рекомендовала, как один из важнейших способов воспитания, плетку и ремень...»²⁰.

Участь церкви была решена в 1929 г. Хотя секретный циркуляр НКВД от 11 июля 1924 г. указывал, что в деле закрытия церквей надо действовать осторожно и прибегать к этой мере «лишь в исключительных случаях»²¹. В 1929 г. по всей стране, от Карелии до Поволжья, началось массовое закрытие церквей под тем или иным предлогом. Чаще всего — якобы по требованию общественности, выступавшей за передачу церковных зданий, например, под учреждения культуры. Обращения трудящихся были в большинстве своем сфальсифицированы, причем этот факт признавали даже официальные власти. В Самаре Кафедральный собор передали союзу строителей под Дом культуры, Казанскую церковь передали «Сельхозснабжению» под тракторные мастерские. По ходатайству 3 200 кустарей (!), при поддержке фабрик Швейпрома и «Красная звезда», в связи с «малой посещаемостью церкви верующими»²² Вознесенская церковь (на современной ул. Степана Разина) была передана организации с невнятным названием «Крайпромкредсоюз» для использования под клуб кустарей (!!). Опять же, по требованию «профессиональных, общественных и других организаций», а также «за растрату церковного имущества общиной Вознесенской церкви на сумму 600 руб.» также были закрыты Троицкая, Ильинская и Николо-Софийская церкви в центре города. Закрыли и передали городскому отделу народного об-

¹⁸ См. напр.: *Поспеловский Д. В.* Русская православная церковь в XX веке. М., 1995. С. 113–114; Большая Советская энциклопедия. [Электронный ресурс]. URL: http://www.aggrogateria.com/S/sojuz_voinstvujuschix_bezbozhnikov.html (дата обращения 15.07.2016).

¹⁹ *Иерей Николай (Савченко).* Союз воинствующих безбожников. [Электронный ресурс]. URL: <http://beloedelo.ru/researches/article/?557> (дата обращения: 27.06.16).

²⁰ ГАСО. Ф. Р–341. Оп. 1. Д. 337. Л. 40.

²¹ Там же. Ф. Р–20. Оп. 2. Д. 7. Л. 25.

²² Там же. Ф. Р–56. Оп. 1. Д. 328. Л. 127, 179 об., 205 об., 342.

разования Воскресенскую церковь «для организации культурного учреждения в районе Самарской площади». Постановлением Самарского Горсовета от 5 января 1930 г. были закрыты лютеранская кирха и польский костел. Кирха забира-лась под музей союза безбожников, а костел — под детский театр²³.

В Карелии в конце 1920-х гг. вокруг существовавших храмов теплилась цер-ковная жизнь, приходские общины содержали священников, своими силами изыскивали средства на различные нужды. Согласно официальной статисти-ке, на 1 апреля 1927 г. на территории КАССР было зарегистрировано 128 ре-лигиозных организаций (22 «двадцатки» и 106 «пятидесяток», из которых 40% составляли тихоновские общины и 60% — обновленческие), в 1928 г. — 137 (число «пятидесяток» увеличилось на девять). В этот период церковный актив еще имел возможность действовать относительно свободно, решая проблемы, связанные с жизнью прихода²⁴.

В 1929–1930 гг. президиум КарЦИКа принял множество постановлений о за-крытии «молитвенных зданий» по всей республике. Массовая кампания по за-крытию храмов продолжалась с сентября 1929 г. по март 1930 г. Только за два с небольшим месяца, с 21 января 1929 г. по 30 марта 1930 г., были вынесены решения о закрытии 70 церквей и часовен²⁵. Благодаря стараниям В. И. Клишко 26 июля 1929 г. была закрыта Александро-Невская церковь в Петрозаводске, а затем 18 мая 1930 г. открыт крестьянский клуб в Сулажгорской церкви. Из под пера Клишко вышли многочисленные брошюры на антирелигиозные темы. Одна из них рассказывала о закрытии Святодуховского собора г. Петрозаводска²⁶.

Святодуховский собор был закрыт 28 февраля 1930 г. Первоначально зда-ние храма хотели передать под юношеский кинотеатр. Затем решили устроить в соборе столовую, т. к. нужда в столовых в Петрозаводске была более ощутима, чем нужда в кино. 27 мая в торжественной обстановке в здании бывшего со-бора состоялось открытие общественной столовой № 13. Помещение украсили лозунгами и плакатами, на стенах висели портреты вождей. «На хорах» разме-стились красный уголок и библиотека. Длинные ряды столов в зале вмещали до 500 человек. «Каждый день столовая № 13 отпускает около 5000 обедов и такое же количество холодных закусок,» — с гордостью сообщалось в брошюре. Столовая обслуживала обедами и холодными закусками рабочих и служащих Лососинского комбината, лыжной фабрики, типографии им. Анохина, гостиного двора, почтстроя, дорстроя и 700 курсантов. На колокольне устроили парашют-ную вышку. Через два дня после закрытия прошла демонстрация верующих в

²³ ГАСО. Ф. Р–56. Оп. 1. Д. 330. Л. 189.

²⁴ Басова Н. А. Церковная жизнь в Карелии в конце 1920 — начале 1930-х годов [Электронный ресурс]. URL: <http://refdb.ru/look/2310668.html> (дата обращения: 27.06.16).

²⁵ Там же.

²⁶ НАРК. Ф. Р–2434. Оп. 1. Д. 3. Л. 1.

защиту храма. Но что они могли изменить? После закрытия собора во всем Петрозаводске осталось всего 2 небольших кладбищенских церкви²⁷.

В быт людей вводились новые праздники. В дни больших церковных торжеств или в выходные молодежь привлекалась на субботники и воскресники. Тем не менее отчеты Карельского СВБ за указанный период содержат массу сообщений о полном развале антирелигиозной пропаганды в районах республики, несмотря на неоднократные попытки ее активизации. На местах (как в Петрозаводске, так и в районах) партийными, профсоюзными работниками, представителями Наркомпроса почти не осуществлялась никакой практической деятельности, кроме организации на предприятиях, в учреждениях, колхозах ячеек СВБ и формального включения в них новых членов. В результате, при постоянном пополнении рядов «безбожников» (с 1929 по 1931 гг. количество ячеек по Карелии увеличилось на 70, численность членов общества возросла на 3424 человека) эффективность их работы фактически равнялась нулю. Многие руководители на местах не придавали серьезного значения атеистической пропаганде. Так, на предложение одного из организаторов СВБ больше внимания уделять «безбожной» работе заведующий агитмассовым сектором Медвежьегорского райкома ВКП(б) Аристархов ответил: «Дружок, у нас есть работа в сто раз важнее безбожной»²⁸. В отчете ответственного секретаря Кароблсовета СВБ В. Клишко за 1929–1930 гг. Медвежьегорский и Лоухский районы были названы «районами с быстро растущим безбожием». Спустя три года проверяющий, командированный от СВБ в районы республики, побывав в Кемском, Лоухском, Медвежьегорском и Сорокском районах, отмечал в своем отчете, что «райсоветы СВБ ничего не делали», на лесозаготовках и в колхозах в дни празднования Рождества «были стопроцентные прогулы». «Люди еще пятого января уезжали домой на Рождество, даже местная рабочая сила, и та частично не выходила в лес... Количество ячеек СВБ неизвестно, билетов нет, членов тем более»²⁹. В 1931–1933 гг. Петрозаводский райком ВКП(б), областной комитет ВКП(б) вынуждены были констатировать, что население еще оставалось достаточно религиозным. Актив безбожников (там, где он был) замыкался в партийно-комсомольском кругу³⁰.

По сообщениям руководства СВБ, именно в 1929–1930 гг., в самый пик гононий на верующих и церковь, начался религиозный подъем среди населения. Даже в 1937 г. вожди советского атеизма считали, что 40–50% всего населения — верующие. Отсюда такой вывод: «если бы правительство не лишило

²⁷ «Вместо собора — столовая». О закрытии Святодуховского кафедрального собора [Электронный ресурс]. URL: <http://eparhia.karelia.ru/kafedr.htm> (дата обращения: 27.06.16).

²⁸ Басова Н. А. Церковная жизнь в Карелии в конце 1920 — начале 1930-х годов [Электронный ресурс]. URL: <http://refdb.ru/look/2310668.html> (дата обращения: 27.06.16).

²⁹ Там же.

³⁰ Там же.

церковь возможности широкой деятельности и не подвергло ее репрессиям, то антирелигиозный фронт не мог бы с нею тягаться»³¹.

Ведь даже при этих самых «благоприятных» для СВБ условиях, созданных властью, антирелигиозная деятельность велась и понималась весьма примитивно. Об этом свидетельствуют многочисленные данные из официальных источников. В селе Новинки Самарского пригородного района местный актив СВБ из 7 человек внезапно решил снять колокола с храма. В результате, завязалась драка, но колокола всё-таки под охраной увезли в Самару³². В селе Горки комсомольцы допустили «политические промахи, граничащие с вредительством». Они через давление на жителей на общем собрании провели постановление о закрытии церкви, после чего, «с пением интернационала, окруженные озлобленным крестьянством, церковь закрыли». Тут же сельский церковный совет собрал подписи против этого и стал протестовать³³.

Одной из приоритетных задач советского государства и Союза безбожников являлась борьба с религиозными праздниками, особенно с праздником Пасхи. В 1929 г. была проведена масштабная антипасхальная кампания с 10 апреля (крестопоклонная неделя) до 14 мая. В городе были выдвинуты лозунги борьбы с «реакционной деятельностью церковников, борьбы против старых традиций и обычаев и мелкобуржуазного влияния на трудящихся», а в деревне выдвигалась задача борьбы за «поднятие урожайности и проведение весенней посевной кампании». Агитационно-пропагандистский отдел обкома ВКП (б) особо рекомендовал выделить в антипасхальной работе 2 мая (великий четверг) и 4 мая (страстная суббота). В эти дни, в часы, совпадающие с церковной службой, должны были проводиться художественные антирелигиозные вечера³⁴. Для них были тщательно подобраны темы докладов: «Происхождение поста и его классовая сущность», «За новые праздники и дни отдыха», «За культурный новый быт (против религии, пьянства, хулиганства, мещанства и антисемитизма)», «Классовая сущность пасхальной легенды», «Борьба за урожай и религия», «О пьяных праздниках». В пасхальные дни население должно было получить массу зрелищ: в театры, кино и на концерты устанавливались общедоступные цены. Особое внимание уделялось пропагандистской работе на селе. Местное отделение Совкино организовало посылку кинопередвижек в деревню. Показ фильмов являл собой диковинку для сельских жителей, и должен был сильно отвлечь их от религиозного праздника. Кроме того, ячейки ВКП (б), ВЛКСМ, Союза безбожников и актив деревни организовали на Пасху общественные работы для засева полей бедняков (многие из которых трудить-

---

³¹ Поспеловский Д. В. Указ. соч. С. 114.

³² ГАСО. Ф. Р-341. Оп. 1. Д. 337. Л. 17.

³³ Там же. Л. 87 об.

³⁴ Там же. Л. 74-75.

ся не умели и не хотели!), организации опытных участков, экскурсий на опытные поля. Предлагалось внедрить в крестьянский быт новые «революционные праздники»: день первой борозды, день леса, день урожая, день кооперации и другие. Власти поставили четкую задачу «разоблачить религию как орудие кулачества и контрреволюции».

Одной из главных задач СВБ в Карелии была объявлена борьба за крестьянство. К началу первой пятилетки основной формой антирелигиозной пропаганды в республике являлись антирелигиозные кампании — «красная пасха» и «красное рождество», проводившиеся в дни крупнейших церковных праздников (эта традиция возникла еще до организации СВБ). Во время этих массовых кампаний проводились антирелигиозные вечера и лекции, устраивались диспуты со священнослужителями, антицерковные карнавалы и шествия. Появился антирелигиозный радио-лекторий (на русском и финском языках), однако его слушателями являлись, в основном, петрозаводчане³⁵.

Несмотря ни на что, к началу первой пятилетки Церковь еще представляла значительную силу, особенно в деревне. Газета «Красная Карелия» в 1929 г. указывала, например, что из 40 тысяч имевшихся в республике крестьянских дворов 30 тысяч в большей или меньшей степени не порвали с религией. Население продолжало широко отмечать церковные праздники, особенно Рождество, Пасху и престольные (местные). Правда, постоянными прихожанами церкви оставались в основном люди пожилого возраста. Но в престольные праздники в храмах было много народа, в том числе и молодежи.

Однако к концу 1930-х гг. картина резко изменилась: абсолютное большинство церковных общин перестало существовать. В условиях репрессий, когда у всех на глазах пустели некогда многолюдные районы, протоколы общих собраний жителей различных населенных пунктов республики за 1938–1940 гг. показывают, что доля голосовавших за закрытие и переоборудование церкви составляла не менее 90%³⁶.

Однако несмотря на все репрессии и гонения, веру у народа уничтожить не удалось. Перепись населения, прошедшая в 1937 г., стала своего рода барометром религиозных настроений, имевших место в советском обществе. Внесенные в опросные листы по личному указанию Сталина вопросы о религиозных убеждениях дали потрясающую информацию: из 30 миллионов неграмотных граждан СССР старше 16 лет 84% (или 25 миллионов) признали себя верующими, а из 68,5 миллиона грамотных — 45% (или более 30 миллионов). Даже

³⁵ Басова Н. А. Церковная жизнь в Карелии в конце 1920 — начале 1930-х годов [Электронный ресурс]. URL: <http://refdb.ru/look/2310668.html> (дата обращения: 27.06.16).

³⁶ Там же.

скорректированные властями, эти цифры заставляли признать явные неудачи тотальной борьбы с религией и Церковью³⁷.

Таким образом, к концу 1920-х гг., когда в стране начал формироваться сталинский режим, власти стали активно бороться с теми социальными силами, которые не вписывались в будущий порядок: с кулачеством и предпринимательством, с религией и инакомыслящими. Удобным инструментом борьбы с верой стал Союз воинствующих безбожников, апогей деятельности которого пришелся на 1930-е гг. Сама по себе деятельность этой организации была настолько неумелой и примитивной, что вряд ли она сумела бы как-то ограничить влияние церкви, если бы не мощная административная антирелигиозная кампания и карательные действия властей. Формы и методы работы безбожников практически не различались в регионах. И в Карелии, и в Поволжье лозунги, действия и формы борьбы с верующими были одинаковыми с той лишь разницей, что на этом поприще в Карелии выделялись такие, по-своему «незаурядные», люди, как В. И. Клишко.

РЕЗЮМЕ

Активная антирелигиозная политика проводилась в СССР с участием общественных организаций, массовых, добровольных обществ. Самым известным являлся Союз воинствующих безбожников. Безбожники участвовали в закрытии церквей, снятии колоколов, гонениях на верующих и распространении атеистических идей. В 1930-е гг. численность общества значительно увеличилась. Пик активности «Союза» совпал со сталинской коллективизацией. Методы и формы работы организации зависели от политической ситуации и партийных установок и почти не различались по регионам.

Ключевые слова: антирелигиозная политика, атеизм, Е. М. Ярославский, Карелия, Русская Православная Церковь, Союз воинствующих безбожников, тотальный контроль.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Басова Н. А. Церковная жизнь в Карелии в конце 1920 — начале 1930-х годов. [Электронный ресурс]. URL: <http://refdb.ru/look/2310668.html> (дата обращения: 27.06.16).
2. БардILEVA Ю. П. Особенности антирелигиозной пропаганды на Европейском Севере в 1920–1930 гг. // III Ушаковские чтения / Мурманск, 2006. С. 106–111.

---

³⁷ Фирсов С. Л. Была ли безбожная пятилетка? // Независимая газета. 30.10.2002. [Электронный ресурс]. URL: http://www.ng.ru/ng_religii/2002-10-30/7_ussr.html (дата обращения: 26.07.2016).

3. Большая Советская энциклопедия. [Электронный ресурс]. URL: http://www.aggregateria.com/S/sojuz_voinstvujuschix_bezbozhnikov.html (дата обращения: 15.07.2016).
4. Вместо собора — столовая. О закрытии Святодуховского кафедрального собора. [Электронный ресурс]. URL: <http://eparhia.karelia.ru/kafedr.htm> (дата обращения: 27.06.16).
5. *Поспеловский Д. В.* Русская православная церковь в XX веке. М., 1995. — 511 с.
6. *Иерей Николай (Савченко)*. Союз воинствующих безбожников. [Электронный ресурс]. URL: <http://beloedelo.ru/researches/article/?557> (дата обращения: 27.06.16).
7. *Сизов М.* Главный безбожник Карелии // «Вера»-«Эском». 1999. № 337–338. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rusvera.mrezha.ru/1998-1999/31.htm> (дата обращения: 27.06.16).
8. *Слезин А. А.* Воинствующий атеизм в СССР во второй половине 1920-х годов // Вопросы истории. 2005. № 9. С. 129–138.
9. *Фирсов С. Л.* Была ли безбожная пятилетка? // Независимая газета. 30.10.2002. [Электронный ресурс]. URL: http://www.ng.ru/ng_religii/2002-10-30/7_ussr.html (дата обращения: 26.07.2016).

SUMMARY

A. V. Mendyukov

“Militant Atheists” at Struggle with Faith in Karelia and Middle Volga

The active antireligious policy of the USSR was conducted with participation of nongovernmental organizations, mass voluntary societies. The most famous among them was “The League of Militant Atheists”. Its members participated in closing down churches, removing bells, persecuting believers, spreading antireligious ideas. In the 1930s, the membership of the society increased significantly. The peak of the League’s activity coincided with Stalin’s collectivization. The society’s methods and modes of operation depended on political situation and the Communist Party agenda, hardly differing from one region of the country to another.

Keywords: antireligious policy, atheism, E. M. Yaroslavsky, Karelia, Russian Orthodox Church, Union of Militant Atheists, total control.

REFERENCES

1. Bardileva Yu. P. Osobennosti antireligioznoi propagandy na Evropeiskom Severe v 1920–1930 gg. *III Ushakovskie chteniya*. Murmansk, 2006, pp. 106–111.
2. Basova N. A. *Tserkovnaya zhizn' v Karelii v kontse 1920 — nachale 1930-kh godov*. URL: available at: <http://refdb.ru/look/2310668.html> (accessed: 27.06.16).
3. Firsov S. L. Byla li bezbozhnaya pyatiletka? *Nezavisimaya gazeta*. 30.10.2002. URL: available at: http://www.ng.ru/ng_religii/2002-10-30/7_ussr.html (accessed: 26.07.2016).

4. Ierei Nikolai (Savchenko). *Soyuz voinstvuyushchikh bezbozhnikov*. URL: available at: <http://beloedelo.ru/researches/article/?557> (accessed: 27.06.16).
5. Pospelovskii D. V. *Russkaya pravoslavnaya tserkov' v KhKh veke*. Moscow, 1995, 511 p.
6. Sizov M. Glavnyi bezbozhnik Karelii. "Vera"- "Eskom". 1999, no 337–338. URL: available at: <http://www.rusvera.mrezha.ru/1998-1999/31.htm> (accessed: 27.06.16).
7. Slezin A. A. Voinstvuyushchii ateizm v SSSR vo vtoroi polovine 1920-kh godov. *Voprosy istorii*. 2005, no. 9, pp. 129–138.

А. В. Мендюков

Православие под ударом: Церковь, духовенство
и верующие в Советской России в 1920–1930-е гг.
(по материалам Среднего Поволжья)

После октябрьского переворота 1917 г. и прихода к власти большевики незамедлительно стали реализовывать свою атеистическую идеологию на практике. Документом, определившим всё последующее законодательство в религиозной сфере, стал декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви от 23 января 1918 г. По верному замечанию одного из современных историков церкви, «декрет имел очень большое значение, поскольку обозначал полный переворот в церковно-государственных отношениях в России»¹. Церковь перестала быть юридическим лицом, не имела права на собственность, права получать субсидии, жалованье от казны, не могла вести обучение в школах. Каждый гражданин формально имел право исповедовать любую религию, или не исповедовать никакой. Патриарх Тихон выступил с заявлением, в котором предавал новую власть анафеме. Теперь появилась веская причина считать церковь классовым врагом.

Расправы над духовенством не заставили себя долго ждать. Яркий пример тому — расправа над киевским митрополитом Владимиром (Богоявленским), ставшим одним из первых мучеников. В 1891 г. он возглавил Самарскую епархию и оставил здесь благодарную память у прихожан, пользовался авторитетом и уважением. Для того чтобы поднять нравственный уровень паствы, он устраивал религиозно-нравственные чтения в стенах городской думы. В Самаре Преосвященный Владимир активно боролся с народным пьянством. При нем были открыты десятки обществ и кружков трезвости. Ратовал он и за образование — в епархии при нем создано 150 церковно-приходских школ². Построено 10 новых храмов в Самаре. Во время неурожая в Самаре 1891 г. епископ учре-

---

¹ *Митрофанов Г., прот.* История русской православной церкви. 1900–1927 гг. СПб.: САТИСЪ, 2002. С. 127.

² *Якунин В.Н.* Священномученик Владимир, митрополит Киевский // Журнал Московской патриархии. 1998. № 1. С. 31.

дил специальный Епархиальный комитет для сбора и раздачи пожертвований пострадавшим³. Владыка не жалел средств и сил, чтобы спасти умиравших от голода. В то же самое время в Самаре находился и будущий «вождь мирового пролетариата» В. Ульянов, тогда еще молодой присяжный поверенный в окружном суде, который заявлял, что «голод, разрушая крестьянское хозяйство, одновременно разбивает веру не только в царя, но и в Бога...»⁴. Тогда Владыка Владимир победил будущего революционера. Помощь голодающим была оказана. Но история имеет свойство повторяться на новом витке. Можно вспомнить страшный голод в Поволжье 1921 г., когда под предлогом помощи голодающим из церквей стали изымать все ценности, а духовенство («эту публику») Ленин призывал проучить раз и навсегда самыми жестокими мерами. А ведь еще в Самаре, в далеком от революционных потрясений 1891 г., пролетарский вождь утверждал, что с комитетом помощи голодающим «есть только один способ разговора: рукой за горло и коленкой в грудь»⁵. Так всё и случилось. 25 января 1918 г. в Киево-Печерской лавре митрополит Владимир был расстрелян большевиками, перед смертью благословив своих убийц. Мученическая кончина митрополита Владимира стала началом длительных гонений на Русскую Православную церковь, во время которых погибло бесчисленное количество клириков и мирян.

В июле 1918 г. первая советская конституция объявила духовенство и монашесствующих лицами, лишенными избирательных прав. Согласно статье 65-й конституции РСФСР, в группу «лишенцев» попали также предприниматели, частные торговцы, лица, живущие на нетрудовой доход, бывшие агенты полиции, жандармы, душевнобольные⁶. Таким образом, в советском обществе появились первые бесправные категории населения. Вместе с тем, конституция гарантировала «свободу религиозной и антирелигиозной пропаганды» (статья 13)⁷.

24 августа 1918 г. появилась инструкция Наркомюста о путях воплощения в жизнь положений декрета о свободе совести. Верующие объединялись в коллективы, числом не менее 20-ти человек («двадцатки»), на которых и возлагалась ответственность за всю их религиозную деятельность. «Двадцатки» отвечали духу времени, поскольку даже в такой интимной сфере как вера, коллектив противостоял одному лицу — священнику. Священнослужители прямо ставились под контроль мирян, потому что «двадцатка» несла ответственность за действия священников. «Естественно, что на группу мирян влиять было гораздо легче,

³ Якунин В. Н. Священномученик Владимир, митрополит Киевский // Журнал Московской патриархии. 1998. № 1. С. 31.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Первая советская конституция (Конституция РСФСР 1918 года) / Сборник документов под редакцией А. Я. Вышинского. М.: Юридическое издательство НКЮ СССР, 1938. С. 436.

⁷ Там же.

чем на священника. Одного мирянина можно было вызвать и сказать, что его лишат карточки, если он будет делать не то, что нужно, другого можно будет лишить дров, третьего отправить на трудовую повинность»⁸. В число мирян попадали и прямые агенты ГПУ, доносчики, люди, работавшие на власть. Государство рабочих и крестьян, создавая свой пролетарский культ, новую религию, всемерно старалось не просто проконтролировать православие как мощнейший и влиятельный духовный фактор, но и подавить его, вытравить из души русского народа всякие остатки былой веры, называя ее «анахронизмом», «буржуазным пережитком».

В дальнейшем, давление властей на церковь только усиливалось, по прямому указанию политического руководства партии, что проявлялось, прежде всего, в политике надзора за верующими и пресечении нежелательных действий с их стороны. Именно в 1920-е гг. складываются контуры будущей политики тотального контроля над обществом. Кроме того, применительно к данному периоду, можно утверждать, что власти стремились одержать идеологическую, духовную победу над церковью и православием. Согласно секретному циркуляру НКВД РСФСР от 19 сентября 1924 г. за № 4/2827/с, местным властям не рекомендовалось «поощрять и содействовать преобразованию существующих групп верующих в религиозные общества, так как последние являются более организованными объединениями верующих, представляющих собой... нереволуционный, отсталый элемент населения РСФСР»⁹. Регистрация религиозного общества должна была осуществляться начальником административного отделения вместе с уполномоченным ГПУ, причем требовался анкетный список членов общества, куда входило бы не менее 50 человек¹⁰. В инструкции местным административным отделам были прописаны основные направления работы с верующими: заключение договоров с группами верующих, учет церковного имущества, регистрация религиозных обществ, выдача разрешений на съезды и собрания по религиозным вопросам, учет духовенства.

Собрания верующих также тщательно контролировались и проверялись. Секретный циркуляр отдела управления милиции Московского совета определял правила проведения собраний, крестных ходов, переноса икон. Правила сводились к следующим пунктам: заявление о собрании подается за неделю; указывается точная повестка собрания; обязательно согласование мероприятия с ГПУ. Собрания запрещались в местности, где «оперируют политические банды» (?!), если «члены религиозного общества замечены в контрреволюционной деятельности»¹¹. Термин «политическая банда» мог

⁸ Митрофанов Г., *прот.* Указ. соч. С. 132.

⁹ ГАСО. Ф. Р-20. Оп. 2. Д. 8. Л. 2.

¹⁰ Там же. Л. 5.

¹¹ Там же. Л. 1.

означать всё что угодно. Под этим предлогом можно было легко запретить любое собрание. К примеру, осенью 1925 г. в Самаре административные органы отказали в проведении православных религиозных собраний гражданину Тимофею Кузьмичу Швецову в его собственной квартире. Он нарушил запрет, и собрания всё-таки проводил. Собиралось у него полтора десятка человек. Его деятельность, в итоге, была пресечена (скорее всего, не без помощи добрых соседей) на том основании, что «беседы не носят характер отправления религиозных обрядов, а являются не разрешенным вероучением»¹². Мы не можем сказать точно, носили ли эти собрания сектантский характер или нет, однако в то же самое время разрешение ежедневно (!) проводить собрания в квартире гр. Полякова (!) было дано религиозной еврейской группе, причем за несколько месяцев до описываемых событий¹³. Той же осенью 1925 г. без проблем разрешили губернский съезд общин евангельских христиан-баптистов. В феврале следующего года мусульманам горисполком разрешил преподавать вероучение в здании мечети на Казанской, 67. Наконец, тогда же состоялся в Самаре и Всесоюзный (!!!) съезд духовных христиан (молокан). А православным в то же время приходилось выпрашивать разрешения на рождественский крестный ход на реки Самару или Волгу. Правда, скрепя сердце, такие просьбы удовлетворялись¹⁴.

Основной удар государства был обрушен в первую очередь на православие. Представители других религий тоже подвергались гонениям, но в рассматриваемый период они не были столь значительными, как позднее. Православие занимало самые прочные позиции в сознании общества, было издавна духовным стержнем русского народа. Сравним такие количественные данные. По состоянию на 30 октября 1928 г. в Самаре насчитывалось 26 православных церквей и более 8 тысяч верующих (видимо, это те, кто своей веры не стеснялся и не прятался). У старообрядцев было 2 церкви и 4 молитвенных дома (733 верующих), у мусульман — 2 мечети и 775 человек, у иудеев — синагога и молельный дом (230 человек), у лютеран — кирха и 56 сторонников, у молокан — молельный дом (614 человек), у баптистов — также молельный дом и 146 человек верующих¹⁵. Эти красноречивые цифры не нуждаются в комментариях.

После так называемого «религиозного нэпа» (1923–1927 гг.), который вовсе не означал, как будет далее видно, заметного изменения отношения властей к церкви и верующим, начался новый виток жестоких гонений и репрессий, связанных с усилением тоталитарных тенденций в политической жизни и с социально-экономической политикой Советского государства. В 1927 г. на XV съезде

¹² ГАСО. Ф. Р–20. Оп. 1. Д. 40. Л. 129.

¹³ Там же. Л. 9.

¹⁴ Там же. Ф. 828. Оп. 3. Д. 48. Л. 4.

¹⁵ Там же. Ф. Р–20. Оп. 3. Д. 11. Л. 32–33.

партии Сталин констатировал: «У нас имеется еще такой минус, как ослабление антирелигиозной борьбы»¹⁶.

Узнать точную цифру пострадавших в результате репрессий священнослужителей и монашествующих вряд ли представляется возможным. Некоторые исследователи полагают, что в списках всех репрессированных, которые составляются Обществом «Мемориал» и Центром «Возвращенные имена», примерно 5% составляют пострадавшие за веру. Можно предположить, что такое соотношение характерно для всех периодов истории репрессий в СССР в 1917–1953 гг.¹⁷ В дореволюционной России к 1917 г. было около 100 тысяч монашествующих и более 110 тысяч человек белого духовенства. После 1917 г. было рукоположено еще около 105 тысяч человек. Если учесть эти данные, то получится, что в 20–30-е гг. пострадали 15–17 тысяч человек православных священников, монашествующих, служителей религиозного культа¹⁸. Если же мы прибавим сюда и членов семей священнослужителей, то эта цифра увеличится в разы.

По данным «Белой книги» в Самарском крае в 1920–1930-х гг. было арестовано 89 человек: 50 священников, из них 4 муллы; 25 монахинь; остальные 15 человек служители культа, члены церковных советов. Из них расстреляно — 35 человек. Сослано на Север — 5 человек на сроки от 3 до 5 лет¹⁹. В Ульяновской области, по данным «Книги памяти», в этот же период пострадали за веру 210 человек. Из них — 140 приходских священников, 26 монахов и монахинь, 23 церковнослужителя и 1 преподаватель семинарии²⁰. В Северный край сосланы 21 человек на срок от 3 до 5 лет. На Север ссылали в основном на рубеже 1920–1930-х гг., в дальнейшем наказания стали намного жестче: либо расстрел, либо увеличение сроков заключения (от 10 лет лагерей)²¹.

Согласно сведениям историка С. В. Волкова, до 1 марта 1930 г. гонениям подверглись 197 епископов Русской Православной церкви. Из них 43 архипастыря отбывали наказание на Соловках²². Из высших иерархов церкви в Среднем Поволжье в Соловках содержался в 1923–1927 гг. епископ Симбирский Иаким

¹⁶ ГАСО. Ф. Р–20. Оп. 3. Д. 11. Л. 130.

¹⁷ *Емельянов Н. Е.* Сколько репрессированных в России пострадали за Христа. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravmir.ru/skolko-repressirovannykh-v-rossii-postradali-za-xrista/> (дата обращения: 18.10.2015).

¹⁸ Там же.

¹⁹ Белая книга. Самара. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.memo.ru/memory/samara/index.htm> (дата обращения: 19.10.2015).

²⁰ Белая книга. Симбирск [Электронный ресурс]. URL: <http://www.memo.ru/memory/simbirsk/> (дата обращения: 04.11.2015).

²¹ Белая книга. Самара. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.memo.ru/memory/samara/index.htm> (дата обращения: 19.10.2015).

²² Список православных епископов, подвергавшихся гонениям до 1 марта 1930 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://swolkov.org/doc/kt/pr08.htm> (дата обращения: 25.10.15).

Благовидов²³. Кроме него, в Пензенской, Саратовской, Самарской, Симбирской и Казанской епархиях гонениям и наказаниям подверглись еще 7 иерархов. Так, епископ Пензенский Кирилл (Соколов), в 1926 г. отсидел в Бутырской тюрьме, а Сергей (Куминский), епископ Бузулукский, vicарий Самарский, был помещен в 1924 г. в Киевскую тюрьму. Казанский митрополит Кирилл (Смирнов) в 1922–1927 гг. отбывал ссылку в Усть-Сысольске Вятской губернии, с января по апрель 1927 г. отсидел в Вятской тюрьме, с апреля по май 1929 г. был в ссылке в Туруханском крае, затем в Енисейске, и с января 1930 г. снова отправлен в Туруханский край²⁴.

С середины 1930-х гг., как было сказано, наказания значительно ужесточились, стали часто применяться высылка в лагерь на долгий срок без права переписки, что означало фактически неминуемую гибель человека. Даты расстрелов приходится в основном на январь — март 1938 г. (с 14 января по 14 марта 1938 г.). Абсолютное большинство арестованных обвинялось по статьям 58–10 (контрреволюционная пропаганда или агитация), 58–11 (контрреволюционная организационная деятельность), но также в деле фигурировали такие статьи, как 58–6 (шпионаж), 58–8 (террористические акты)²⁵. Например, уроженец Вятской губернии, священник Геннадий Николаевич Евсевиев был арестован 24 ноября 1937 г. и приговорен тройкой при управлении НКВД по Куйбышевской области по этим статьям к высшей мере наказания. Приговор был приведен в исполнение 15 января 1938 г. в Куйбышеве²⁶. Трагически сложилась судьба самарского священника Александра Петровича Иванова, который был арестован впервые в ноябре 1930 г. в возрасте 64 лет и приговорен к ссылке на Север на 3 года по статье 58–10. Видимо, приговор был отменен, поскольку вторично он был арестован в ноябре 1937 г. и приговорен уже к расстрелу в возрасте 71 года по статьям 58–10 и 58–11. Священник был расстрелян 14 января 1938 г. в Куйбышеве²⁷. Также в январе 1938 г. был расстрелян представитель известной в Самаре династии духовенства Александр Владимирович Ястребов, дьякон. Его дед был протоиереем, а отец состоял под негласным надзором полиции, как свидетельствуют материалы самарского областного архива²⁸.

Показательна судьба протоиерея Василия Алексеевича Венустова, который свое духовное служение начал в Самаре. Родился В. А. Венустов 18 марта 1884 г. в селе Пряжа Олонецкой губернии, окончил Санкт-Петербургскую духовную ака-

²³ Список православных епископов, подвергавшихся гонениям до 1 марта 1930 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://swolkov.org/doc/kt/pr08.htm> (дата обращения: 25.10.15).

²⁴ Там же.

²⁵ Белая книга Самары. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.memo.ru/memory/samara/index.htm> (дата обращения: 19.10.15).

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

²⁸ ГАСО. Ф. 465. Оп. 1. Д. 1620. Л. 115.

демию, стал кандидатом богословия. В 1908 г. он перебрался в Самару, где был рукоположен в священнический сан, служил духовником и преподавателем в Самарской духовной семинарии до 1914 г. Потом уехал в Петербургскую губернию, служил священником в Кронштадте и Петрограде. В сентябре 1922 г. он был обвинен в «антисоветской деятельности» и проходил по делу «петроградских священников» Любимова Д. Г., Афанасьева В. П. и других. Его приговорили к высылке на 3 года в Северо-Двинскую губернию. Однако приговор был пересмотрен, и отец Василий, отбыв 2 года в ссылке в Архангельской губернии, в октябре 1924 г. вернулся в Ленинград и вскоре даже снова начал прежнюю службу в Спасо-Преображенском соборе. В 1934 г. он был снова арестован и отправлен на 3 года в Колымский ИТЛ. Северная ссылка оказалась долгой. После освобождения из лагеря отец Василий работал в Заполярье на комбинате «Апатит». После окончания войны, в 1946 г. он, оказавшись в Новгородской области, в г. Чудов стал настоятелем Казанской церкви. В октябре 1947 г. он скончался и был похоронен в Ленинграде²⁹.

Более трагично сложилась жизнь симбирского священника Ивана Матвеевича Ахлупина, о. Иоанна, который родился в 1879 г. в селе Кадышево Симбирской губернии. Образование он получил в сельской школе. Пел в церковном хоре, рано лишился родителей. Он прошел все ступени духовной лестницы — псаломщик, дьякон, потом священник. Сан священника принял в 1919 г., в разгар Гражданской войны. Служил в сельской церкви в Потье. О. Иоанн имел большую семью, 9 детей. В 1924 г. большевики выгнали о. Иоанна из дома, забрали лошадь. Его дочь Александра была арестована и выслана в Сибирь с трехнедельной дочкой Лидочкой за то, что ее муж был скорняком, имел зажиточное хозяйство. Когда церковь в Потье закрыли, о. Иоанн перебрался в другое село, Погибелку, где был храм. Можно было заняться другим делом, сапожным или слесарным ремеслом, или печи класть, многие приходские священники и на земле умели работать, но о. Иоанн не хотел оставлять прихожан в такой трудный час без церкви и Божьей помощи.

В 1936 г. он был арестован и просидел в «кутузке» в г. Карсун несколько дней. От него требовалось подписать бумагу, что он отрекается от веры. Обещались разные блага. О. Иоанн такую бумагу не подписал и вскоре был отпущен. В 1937 г. его арестовали вторично и вынесли приговор — «десять лет без права переписки», что означало, фактически, расстрел. 22 октября 1937 г. о. Иоанн был расстрелян в Ульяновске³⁰.

Участь церкви была решена в 1929 г. Хотя секретный циркуляр НКВД РСФСР от 11 июля 1924 г. указывал, что в деле закрытия церковей надо действовать осто-

²⁹ Белая гвардия. [Электронный ресурс]. URL: <http://ruguard.ru/forum/index.php/topic,186.380.html> (дата обращения: 16.10.2015).

³⁰ Симбирская Голгофа (1917–1938) / Сост. свящ. Владимир Дмитриев. Ульяновск, 1996. С. 107–108.

рожно и прибегать к этой мере «лишь в исключительных случаях»³¹. В 1929–1930 гг. в Самаре началось массовое закрытие церквей под тем или иным предлогом³². Чаще всего якобы по требованию общественности, выступавшей за передачу церковных зданий, например, под учреждения культуры. Обращения трудящихся были в большинстве своем сфальсифицированы, причем этот факт признавали даже официальные власти. Богородицко-Рождественская церковь поселке Новый Оренбург была изъята под школу, Свято-Никольская церковь в Рабочем поселке закрыта по ходатайству учащихся школы № 35, рабочих завода № 42, Дроззавода. Кафедральный собор передали союзу строителей под Дом культуры, Казанский собор передали «Сельхозснабжению» под тракторные мастерские. По ходатайству 3 200 кустарей (!), при поддержке фабрики Швейпрома и фабрики «Красная звезда» в связи с «малой посещаемостью церкви верующими»³³. Вознесенская церковь (на современной ул. Степана Разина) была передана организации с невнятным названием «Крайпромкредсоюз» для использования под клуб кустарей (!!). Опять же, по требованию «профессиональных, общественных и других организаций», а также «за растрату церковного имущества общиной Вознесенской церкви на сумму 600 руб.». Также были закрыты Троицкая, Ильинская и Николо-Софийская церкви в центре города. Закрыли и передали горно Воскресенскую церковь «для организации культурного учреждения в районе Самарской площади». Верующим предлагалось «удовлетворить свои религиозные потребности в Петропавловской и Свято-Никольской [она к тому времени уже закрыта — А. М.] церквях». Женский монастырь (в Рабочем городке) решено было передать сельскохозяйственному институту под клуб или общежитие студентов. Постановлением Самарского Горсовета от 5 января 1930 г. были закрыты лютеранская кирха и польский костел. Кирха забиралась под музей союза безбожников, а костел — под детский театр³⁴. Мощным стимулом к закрытию храмов было и то, что 40% вырученных от реализации сумм шло в местный бюджет. Секретными инструкциями уже тогда разрешалось уничтожать часть культового имущества. Оно превращалось в существенную статью дохода, что поощряло в свою очередь усиление атеистической политики, закрытие церквей.

После октября 1917 г. объектом непрерывных нападков стали церковные колокола. К борьбе с колоколами подключились наркоматы юстиции и внутренних дел, разославшие весной 1926 г. всем облисполкомам инструкцию «О порядке пользования колокольными». Уже не церковь обладала правом колокольного звона, а местные власти получали почти неограниченные права в его регламентации. Инструкция гласила, что звон, нередко не связанный с отправлением культа,

³¹ ГАСО. Ф. Р–20. Оп. 2. Д. 7. Л. 25.

³² Подмаричын А. Очерки истории Самарской епархии. Самара, 2008. С. 122.

³³ ГАСО. Ф. Р–56. Оп. 1. Д. 328. Л. 127, 179 об., 205 об., 342.

³⁴ Там же. Д. 330. Л. 189.

«нарушает нормальное отправление общественного правопорядка и особенно стеснительно отражается на жизни городских поселений». Инструкция запрещала совершение набатных тревог «для созыва населения в целях возбуждения его против Советской власти», не допускалось и пользование колоколами для звона непосредственно не связанного со службами в дни великих христианских праздников — на Пасху, Рождество. Крестный час самих колоколов настал в 1928–1929 гг.

Так, пленум Самарского Горсовета 27 декабря 1929 г. постановил снять со всех церквей Самары колокола не позднее 15 января 1930 г. Металл предлагалось передать на предприятия края и Советского Союза вообще. Полученные средства пошли бы на постройку Дома культуры³⁵. В результате, согласно акту о передаче колоколов по постановлению пленума Самарского Горсовета с 24 самарских церквей были сняты 172 колокола общим весом около 12 тысяч пудов³⁶.

Таким образом, сразу после прихода большевиков к власти в октябре 1917 г. резко поменялась политика по отношению к РПЦ и православию. Большевики создавали атеистическое государство и атеистическую веру взамен традиционных культов. Антицерковная политика была тесно взаимосвязана с проходившими в стране политическими и социально-экономическими процессами, будучи в значительной степени обусловлена ими. На первом этапе, с момента принятия первых законодательных актов, определявших статус РПЦ, и в период существования НЭПа, она носила преимущественно ограничительный, надзорный характер. Была сделана ставка на духовную, идеологическую победу над православием. На втором этапе, когда в стране осуществляются индустриальная модернизация и коллективизация, власти перешли к открытым гонениям на духовенство, закрытию церквей, изъятию имущества и т. д. В 1928–1930 гг. основной удар советского государства пришелся на церковь и крестьянство, которые не только рассматривались как невольные кредиторы проводившейся экономической политики, но и как классовые враги, мешавшие установлению тоталитарного порядка, а потому подлежащие истреблению.

РЕЗЮМЕ

В статье рассматривается антирелигиозная политика Советского государства по отношению к православию как основной конфессии в условиях формирования тоталитарного строя в стране. На архивном материале представлена репрессивная политика власти по отношению к Русской Православной церкви, представителям духовенства и верующим.

³⁵ ГАСО. Ф. Р–56. Оп. 1. Д. 326. Л. 36.

³⁶ Там же. Ф. 828. Оп. 3. Д. 89. Л. 99–99 об.

Ключевые слова: Русская Православная церковь, государственно-церковные отношения, антирелигиозная политика, атеизм, тоталитаризм.

ЛИТЕРАТУРА

1. Митрофанов Георгий, протоиерей. История русской православной церкви. 1900–1927 гг. СПб.: САТИСЪ, 2002. — 443 с.
2. Подмарицын А. Очерки истории Самарской епархии. Самара: Издательство «Книга», 2008. — 152 с.
3. Симбирская Голгофа (1917–1938) / Сост. свящ. Владимир Дмитриев. Ульяновск: Изд-во Симбир. Епарх. Ведомостей, 1996. — 163 с.
4. Якунин В. Н. Священномученик Владимир, митрополит Киевский // Журнал Московской патриархии. 1998. № 1. С. 30–35.

SUMMARY

A. V. Mendyukov

Orthodoxy under Pressure: Church, Clergy, and Believers in Soviet Russia in the 1920–1930s (a Case Study of the Middle Volga Region)

The article analyzes the antireligious policy of the Soviet state towards Orthodoxy as the main confession in conditions of shaping totalitarianism. The repressive policies aimed against the Russian Orthodox Church, members of the clergy, and believers are presented on the basis of archive material.

Keywords: Russian Orthodox Church, relationship between state and church, antireligious policy, atheism, totalitarianism.

REFERENCES

1. Mitrofanov Georgii, protoierei. *Istoriya russkoi pravoslavnoi tserkvi. 1900–1927 gg.* St. Peterburg, SATIS, 2002, 443 p.
2. Podmaritsyn A. *Ocherki istorii Samarskoi eparkhii.* Samara, izdatel'stvo "Kniga", 2008. 152 p.
3. Yakunin V. N. Svyashchennomuchenik Vladimir, mitropolit Kievskii. *Zhurnal Moskovskoi patriarkhii.* 1998, no. 1, pp. 30–35.

И. Г. Овчинникова

Соловецкий лагерь и начало ГУЛАГа в строительстве Беломорско-Балтийского канала

С 1920 г. на бывшей монастырской территории был организован совхоз «Соловки» и один из первых северных лагерей принудительных работ, насчитывавший вместе с конвоем триста пятьдесят человек. На острове оставалось около 150 монахов. В этот лагерь были сосланы военнопленные белых армий, несогласная с властью интеллигенция, духовенство, казаки и другие, влияние которых на общество власти побаивались.

В 1923 г. на Соловецких островах организуется карательное учреждение Северного лагеря принудительных работ ОГПУ НКВД. Еще до официальной передачи островов лагерю, в мае 1923 г., зампред ГПУ товарищ Уншлихтв (№ 5624/с), учитывая сезонность водного сообщения, направил в президиум ВЦИК письмо с просьбой незамедлительной транспортировки туда материалов, необходимых для организации названных лагерей.

Совет народных комиссаров СССР 2 октября 1923 г. принял постановление с грифом «Опубликованию не подлежит»:

1. Организовать Соловецкий лагерь принудительных работ особого назначения и двух пересыльно-распределительных пунктов в Архангельске и Кемь.

2. Организацию и управление указанными ст. 1 лагерем и пересыльно-распределительными пунктами возложить на ОГПУ.

3. Все угодья, здания, живой и мертвый инвентарь, ранее принадлежавший бывшему Соловецкому монастырю, а равно Пертоминскому лагерю и Архангельскому пересыльно-распределительному пункту, передать безвозмездно ОГПУ.

4. Одновременно передать в пользование ОГПУ находящуюся на Соловецких островах радиостанцию.

5. Обязать ОГПУ немедленно приступить к организации труда заключенных для использования сельскохозяйственных, рыбных, лесных и пр. промыслов

и предприятий, освободив таковые от уплаты государственных и местных налогов и сборов.

*Зам. Председателя Совета
Народных Комиссаров СССР   Рыков
Управляющий делами СНК   Горбунов
Секретарь СНК   Фотеева¹.*

В Соловецком лагере в качестве вольнонаемных к этому времени оставалось работать около 60 монахов. Они работали инструкторами на монастырских промыслах, считая, что остались в обители работать не на ГПУ, а по-прежнему как бы состоя на послушании у святой обители. Монахи жили в северном дворике монастыря, у Сельдяных ворот. Игумен, уставщик и все схимники числились на иждивении у работавших. Монахи проработали там до 1932 г. Когда СЛОН уже перестал существовать, их выслали с архипелага, а кладбищенскую церковь закрыли.

Первые узники прибыли на остров в СЛОН 6 июня 1923 г. из Архангельска. Их разместили в поврежденных и обожженных пожаром храмах кремля. С каждым годом количество заключенных в Соловецком лагере всё увеличивалось, в течение периода навигации на острова пребывали всё новые партии заключенных. Силами заключенных начали производить ремонт помещений и восстановление поврежденного монастырского хозяйства, хотя не доставало строительных материалов, не все могли производить строительные работы. Большую сложность для руководства при восстановительных работах создавали уголовники.

Состав заключенных был весьма разнообразный. Это были офицеры царской армии, белогвардейцы, воевавшие с Красной армией, эсеры, казаки, интеллигенция, артисты, дворянство, купечество, студенты, уголовники и бандиты, осужденные за воровство и тяжкие преступления, а также многие другие люди, негодные советской власти.

Значительную часть узников составляли люди, пострадавшие за веру православную. Там в разное время находилось 8 митрополитов, 20 архиепископов, 47 епископов, тысячи священнослужителей и мирян. Одновременно там пребывало около 30 иерархов русской Православной церкви. Службу в кладбищенской церкви, единственной оставленной еще в 1920 г. для духовенства, совершало по несколько епископов. А священники и диаконы выстраивались с двух сторон вдоль прохода к алтарю. Они выполняли обязанности, которые на них возлагало лагерное начальство, но продолжали жить интересами церкви. В 1927 г. ими были составлены второе и третье послания собора Соловецких узников, посредством которых они обозначали свое отношение к раскольникам, обновленцам,

¹ ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 5а. Д. 1 Л. 1.

новой власти и месту Православной церкви в Советском государстве. Позднее, из числа этих епископов десять были расстреляны (семь — в 1937 г.).

Содержание заключенных в первой половине двадцатых годов сильно отличалось от содержания их в лагерях последующих лет. Тогда еще не было плановых заданий и норм на выполнение порученных работ. Они пользовались большой свободой перемещения в пределах островов и имели возможность проявлять свои творческие способности и инициативу. Но некоторые из лагерных начальников проявляли жестокость и издевательство в отношении заключенных. Об этом писали в своих воспоминаниях О. Волков и Б. Ширяев.

В тот период лагерной жизни интересами своих специальностей продолжали жить заключенные не только из числа духовенства. То были философы, литераторы, биологи, инженеры и политические.

Все заключенные жили вперемешку. Уголовники и бандиты продолжали, как и на воле, обворовывать всех других заключенных, сравнявшихся с ними по своему трудному положению и голодному состоянию. Воровали они продукты и из кладовых лагерного хозяйства. Кроме воровства возникали и драки, и убийства.

Отдельно было поселено только 350 человек политических заключенных. Но за постоянные конфликты с администрацией лагеря их быстро убрали с Соловков. Взамен прислали 1744 человека злостных нищих из Москвы.

В тот период на Соловках некоторые специалисты и профессионалы из числа заключенных могли проявить свои знания и дарования, если им удавалось доказать целесообразность того или иного дела. Так, по воле и инициативе Соловецкого заключенного Некрасова в бывшей летней резиденции архимандрита в трех километрах от кремля был организован биосад, там путем разных инженерных решений появилась возможность выращивать растения, не свойственные для севера. Этот сад существует и поныне. К дендрарию ведет длинная аллея из лиственниц, когда-то посаженных руками заключенных.

На Соловках заключенными был заложен первый в СССР питомник пушных животных. В 1927 г. Некрасовский питомник разросся в небольшую биостанцию, которая была связана с Академией наук и не только выполняла ее задания, но работала еще по изучению флоры и фауны Белого моря в его верхних слоях. Заключенный Криваш–Неманич восстановил монастырскую метеорологическую станцию. Около монастыря у Святого озера была построена местная электростанция.

Библиотека Соловецкого лагеря, собранная заключенными из числа бывших монастырских книг, в 1927 г. насчитывала 30000 экземпляров. Созданный по инициативе заключенных Соловецкий музей содержал монастырские ценные художественные произведения, обнаруженные ими в подвалах и тайниках монастыря еще в начале 1920-х гг. Специалисты по искусствоведению, отбывавшие там срок заключения, расценили многое из найденного, как редкие произведе-

ния искусства. Этот музей, уже с новыми экспонатами, существует и сегодня. Заключенные артисты вышли на подмости и создали себе сцену театра, которым пользовались заключенные.

Все эти начинания осуществлялись благодаря пониманию и помощи начальника лагеря Эйхманса. Наибольший расцвет этой «Соловецкой лагерной культуры» приходился на 1925 г.

Но у подавляющего большинства заключенных условия быта были в командировках иные. Их использовали на лесозаготовках и торфозаготовках. То был тяжелый физический труд, и особенно трудные условия быта в были командировках, где были большие морозы, комары и гнус, не щадившие плохо одетых людей. Но тогда еще не были введены беспощадные нормы производства.

Для работ устанавливался 8-ми часовой рабочий день, допускалось свободное передвижение в пределах зоны в дневное время. То был относительно мягкий режим жизни и труда заключенных, через три года о нем только вспоминали. Но жили голодно, и заключенным было разрешено получать посылки от родных и близких. Пропускали посылки даже из-за границы, на этот случай существовало Постановление СНК Союза ССР о беспошлинном пропуске заграничных почтовых посылок в адрес заключенных Соловецких лагерей Особого Назначения. Только надо учесть, что заключенных, получавших посылки, безжалостно грабили соседствующие воры и бандиты.

Численность лагеря быстро возрастала. Первоначально лагерь был рассчитан на 8 000 человек, но число заключенных уже за два года превзошло это число. Если, по данным Наркофина, в 1923–1924 г. нагруженность лагеря составляла 3 500 человек, то в 1926 г. она увеличилась до 10 000 человек. Ассигнований по госбюджету на содержание такого количества заключенных в лагере не доставало, потребность по содержанию заключенных не могла быть покрыта доходами от их труда. Окупаемость была очень низкая, и ОГПУ из года в год выявлял всё больший дефицит по содержанию Соловецких лагерей. В 1923–1924 гг. он составлял 500 000 рублей, т. е. сумма, равная предположенному дефициту по смете, рассчитанной на содержание 3 500–4 000 заключенных, или 143 рублей на заключенного в год. В 1924–1925 гг. — 600 000 рублей, в 1926–1927 гг. — 1 060 000 рублей, из которых 500 000 рублей были покрыты ОГПУ от реализации конфискантов. Сумма на содержание одного заключенного в год снизилась до 110 рублей в год. (Содержание одного заключенного в год в местах заключения в РСФСР составляло 201 рубль). И без этих денег, отпускавшихся на покрытие создававшегося дефицита, ассигнования по госбюджету на Соловецкие лагеря достигали крупной суммы. Только на одних злостных нищих в количестве 1 380 человек УСЛОН запросил на 1926–1927 гг. сумму 380 114 рубля 24 копейки. При этом от работ заключенных предполагаемый доход мог составить только 25 000 рублей. Наркомфином всё же была отпущена сумма в

размере 290 000 рублей. В дальнейшем предполагалось всё большее увеличение дефицита².

В канун навигации 1926 г. Наркомфином поставил вопрос о принятии мер к уменьшению дефицита. При этом основной причиной его увеличения Наркомфин считал перегруженность Соловецких лагерей заключенными. Стало невозможным на территории лагеря для производства с пользой использовать всех заключенных. Изначально заложенный принцип самокупаемости лагерей стал всё в меньшей степени осуществляться. Наркомфин считал необходимым вынести на обсуждение специальной авторитетной комиссии вопрос о разгрузке Соловецких лагерей³.

На помощь создавшейся ситуации пришел Нафталий Аронович Френкель, заключенный Соловецкого лагеря. Эта личность неординарная. О нем написано, пожалуй, во всех книгах, касающихся Соловков и Беломорско-Балтийского канала. По образованию строитель, он работал в строительной организации лагеря, а затем и в производственном отделе. Как пишет Ю. Н. Морук: «Френкель предложил основные идеи, легшие в основу самокупаемости лагерей. Он предложил использовать заключенных на внешних работах, не требующих значительных первоначальных капиталовложений и допускающих применение большого количества ручного труда и неквалифицированной рабочей силы. В условиях недостатка рабочей силы в северных районах страны это давало возможность с минимальными затратами достигать нужных результатов и получать значительные доходы на содержание как заключенных, так и аппарата лагеря. Тем более, что использование заключенных в аппарате и охране значительно удешевляло их содержание».

Уже в 1926 г. СЛОН организовал на островах коммерческие предприятия, работающие по внешним заказам. Начиная с 1927 г., заключенных СЛОН стали использоваться для работ в Карелии по переносу линии Мурманской железной дороги, идущей на Ленинград, необходимой для будущего Беломорско-Балтийского канала, и на строительстве грунтовых дорог. Использование рабочей силы заключенных на этих работах позволило в 1928 г. получить доходы, превышающие расходы на содержание лагеря. Заключенных территориально начали размещать за пределами Соловецких островов, что позволило к 1930 г. численность заключенных увеличить до 53 123 человек. Но условия содержания заключенных оставляли желать лучшего.

Василий Федорович Евдокимов, отбывавший заключение в СЛОН, в 1929 г. был отправлен на работы по строительству железной дороги. Начало этих работ описано так: «9 декабря рано утром на разъезде Белый (теперь ст. Апатиты) всех заключенных вывели из вагонов и сразу же бросили на строительство железной

² ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 5а. Д. 720.

³ ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 7а. Д. 113.

дороги к Хибиногорску (Кировску). Дорогу прокладывало 6 тысяч заключенных. Работы велись круглые сутки при свете фонарей, т. к. стояла полярная ночь. Заключенных поместили в летние палатки. Когда провели железную дорогу, по ней привезли раскулаченных с Украины строить Кировск, высадили их с женами и детьми прямо в тундре среди зимы. Все дети погибли. Но пока у них оставались силы, они приходили к ближайшему лагпункту, складывали ручки и прощали у заключенных: «Дяденька, кашки!»».

Ю. Н. Морукوف пишет: «Именно опыт Соловецкого лагеря дал возможность руководству ОГПУ и страны принять решение о создании системы исправительно-трудовых лагерей как основного типа учреждений исполнения наказания. Постановлением СНК СССР от 11 июля 1929 г. «Об использовании труда уголовно-заключенных» положило начало сети таких лагерей. В нем говорилось, что осужденных судебными органами Союза и союзных республик к лишению свободы на сроки три года и выше, передавать впредь для отбывтия лишения свободы в исправительно-трудовые лагеря, организуемые ОГПУ. В дальнейшем эти лагеря решали многочисленные задачи, не требуя средств на свое содержание. Для управления ими в 1930 г. создается Главное Управление Лагерями (ГУЛАГ) ОГПУ. Без опыта Соловков и инициативы Френкеля создание такой системы было бы невозможно».

СЛОН начал передавать «в наем» большие партии заключенных Беломорстрою сначала для изысканий на территории, а затем и для разворачивающихся работ по строительству Беломорско-Балтийского водного пути.

Большие стройки советских пятилеток явились благоприятной средой для развития системы ГУЛАГа. Исходная база строительства создавалась на госбюджетные средства и не требовала первоначальных вложений ОГПУ. По заданию правительства созданию технической базы этихстроек помогали многие предприятия страны. Само же строительство, выполняемое силами заключенных, и дальнейшее его развитие находилось на самокупаемости ОГПУ. Заключенные приносили экономию в производстве работ.

Для чего же строился Беломорско-Балтийский канал?

Царское правительство заботилось об охране северных берегов и промысла. Уже 17 апреля 1897 г. крейсер 2-ого ранга «Самоед» прибыл из Ливавы в Екатерининскую гавань с целью администрированного крейсерования вдоль Мурманских берегов, а через год добавился крейсер «Бекон» для крейсерования и охраны промыслов.

Побывавший в середине XIX в. в Кольском заливе граф С. С. Витте, председатель Совета Министров России, предложил в Екатерининской гавани организовать главную гавань Северного флота и, чтобы она действительно могла бы стать главной военно-морской базой России, провести двухколейку из Мурманска в Санкт-Петербург. А в 1896 г. Император Николай II утвердил решение Государственного Совета о передаче средств на это из особого государственного фонда Министерства Финансов.

Во время Первой мировой войны в 1916 г. Российское правительство создало для защиты от вражьего нападения флотилию Северного Ледовитого океана. В январе 1917 г. флотилия Северного Ледовитого океана состояла из 66 кораблей и судов (линкорн, крейсера, минные заградители, тральщики, подводные лодки, 7 гидрографических судов, 2 морских ледокола). В Екатерининской гавани базировались вспомогательные крейсера, в том числе и крейсер «Варяг», выкупленный у Японии.

После революции 1917 г., в годы Гражданской войны, почти вся флотилия находилась в руках белогвардейцев и англичан. А в 1920 г., после окончания гражданской войны, из числа оставшихся кораблей и береговых частей была сформирована новая Беломорская флотилия советского государства. Но у нее не осталось квалифицированных кадров, их стали обучать и создавать заново. Уже в компанию 1922 г. были осуществлены на учениях первые смотры итогов боевой подготовки личного состава. Но в тот же год северный флот был расформирован по причине недостатка средств на его содержание. Северные берега оказались незащищенными. Этим пользовались соседние государства. В 1920-х гг. каждую весну сотни норвежских и английских траулеров входили в горло Белого моря и методично выбирали беломорского тюленя. Дело уже дважды доходило до обстрела советской территории норвежскими кораблями.

Международная обстановка продолжала выставлять жесткие требования по защите северных рубежей. Поэтому в 1930-е гг. в связи с обострившимся международным положением правительство снова приняло решение о создании военно-морского флота на Крайнем Севере. Для этих целей ведущую роль оборонного значения возлагали на строительство Беломорско-Балтийского канала, как на внутрибереговой путь, по которому можно проводить суда в Северные морские просторы.

Весной 1930 г. в Совете труда и обороны СССР (СТО) была подготовлена докладная записка «О сооружении Беломорско-Балтийского водного пути», необходимого по военно-политическим и хозяйственно-экономическим соображениям. Встал вопрос о прохождении этим путем морских, речных и озерных судов⁴. Кроме того, решался вопрос защиты рыбных промыслов в районе наших берегов.

Наличие свободного выхода в океан через Север, связанного с Беломорско-Балтийской системой, приобретало исключительно важное значение в военное время. Задуманный Беломорско-Балтийский водный путь состоял из Южной части — от Ленинграда до Онежского озера (шлюзование реки Невы и шлюзование реки Свири) и Северной части — от Повенца на Онежском озере до Сороки на Белом море. Вес ББВП был рассчитан на плавание морских судов с осадкой 18 футов (5,5 м), длиной шлюзов 200 м, шириной 21,4 м, глубиной на порогах 7,2 м. Срок

⁴ ГА РФ. Ф 9414. Оп. 1. Д. 1806. Л 1.

сооружения ББВП был установлен в три с половиной года с момента утверждения проекта, т. е. с 15 мая 1931 г.

Беломорстрой остановился на экономической и технической целесообразности проложения водного пути в Северном районе по восточному варианту. В состав пути по этому варианту входит путь от Онежского озера: р. Повенчанка, длиной около 15 км, ряд озер перевального участка от Вадлоозера до Маткоозера, длиной около 7 км, озеро Матко и Телекинское, р. Телекинка, около 40 км, озеро Выгозеро, р. Выг, длиной около 100 км. Общая протяженность всего этого пути составляла 227 км.

Работы на канале начались с выходом постановления СТО от 3 июня 1930 г. о строительстве канала. События, связанные со строительством ББВП, развивались стремительно быстро. Работа по изысканиям началась незамедлительно, всё лето на будущей трассе трудились исследователи: геодезисты, топографы, геологи и гидрологи. Дополнительно к наемной силе в качестве рабочих в партии изыскателей направлялись заключенные Управления Соловецких Лагерея (УСЛОН). В этот период на работах было всего около 300 человек инженерно-технического и геологического персонала и свыше 600 человек рабочих, присланных УСЛОНОм. Работы разворачивались одновременно по всей трассе от Невы до Сороки.

По предварительным проработкам, стоимость строительства канала была определена в 350 миллионов рублей. По расчетным данным главного инженера «Беломорстроя» профессора А. С. Аксамитного, рабочий контингент «Беломорстроя» был определен в 100 000 человек и должен поставляться УСЛОНОм⁵.

Однако в процессе проведения проектных изысканий уточнились объемы работ для выполнения поставленных задач и их стоимость. С стороны технического персонала были выставлены жесткие требования по поводу обеспечения строительства необходимой механизацией и стройматериалами, а главное, необходимость полного и своевременного поступления строительного оборудования, подготовки кадров для выполнения работ в трехлетний срок. Всё это требовало больших денежных затрат. Ориентировочный объем земляных работ был определен порядка 40 миллионов м³, количество землечерпательных снарядов — до 30 караванов, заготовительная стоимость которых исчислялась в сумме до 46 миллионов рублей⁶.

По архивным данным, представленным М. Ю. Моруковым в книге «Правда ГУЛАГа из круга первого»: «...в СССР к началу 1931 г. имелось 144 землечерпательных снаряда, приспособленных для работы на внутренних водных путях. Из этого числа 45 находились на Волге и Днестре, т. е. их использование на Свири было проблематичным. Большие трудности представляло и пополнение этого парка, ибо землечерпательные машины приходилось закупать за валюту».

⁵ НАРК.Ф 167. Оп. 1. Д. 6. Л. 106.; НАРК.Ф 167. Оп. 1. Д. 36. Л. 17.

⁶ ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1806. Л. 30.

И совсем изменилось положение после того, как выяснилось, что глубина канала в 18 футов недостаточна для лесовозов, проектируемых в качестве стандартных типов судов торгового флота СССР. Осадка больших лесовозов в пресной воде увеличивалась до 7 и 6,5 м, т. е. до 27%. Тогда встала новая проблема — увеличения уровня воды в фарватере.

Всё это приводило к новым техническим сложностям и непосильному увеличению стоимости.

Помощник начальника УЛАГа ОГПУ Я. Д. Рапопорт и помощник начальника ТО ОГПУ В. А. Кишкин 29 ноября 1930 г. направили заместителю председателя ОГПУ Г. Г. Ягоде рапорт об использовании рабочей силы на строительстве ББВП. В рапорте говорится, что согласно первой директиве работы УЛАГа должны были производиться только на Северном участке. Согласно второй директиве и на Южном участке должны проводиться работы по дноуглублению (в русле р. Свирь, в частности в ее истоке из Онежского озера и в устьевой части ниже Свири № 3, углубление подходов Беломорско-Онежской части на Белом море и Онежском озере).

Передача УЛАГу дноуглубляющих работ упиралась в то, что УЛАГ мог дать только валовую рабочую силу, играющую малозначительную роль при дноуглублении, так как основной костяк дноуглубителей составляют командиры землечерпательных снарядов, механики багермастера и прочий квалифицированный элемент. Равным образом, УЛАГ не имел дноуглубителей.

Вопрос об инженерно-технической силе для УЛАГа мог быть разрешен частично таким образом: ТО ОГПУ мог представить в распоряжение УЛАГа из числа арестованных вредителей двух крупных инженеров дноуглубителей (разработка плана, вычисление и пр.), от 8 до 10 инженеров и техников, могущих быть использованными весной на производстве самих работ, и от 10 до 15 человек, также арестованных лиц из среднего комсостава (землечерпателей). Помимо того, в процессе следствия будут доарестованы еще несколько подходящих лиц⁷.

Мнения по поводу дальнейшей судьбы ББВП были различны. И. В. Сталин считал, что необходимо «сократить максимально финплан, но тушить дело постепенно». Видимо, принимались в расчет военно-стратегические соображения. Создание военной морской флотилии у северных границ родины оставалось насущным.

И уже после всего этого, проанализировав всю сложившуюся обстановку, руководство страны остановилось на новом варианте решения ББВП. 18 февраля 1931 г. заместитель председателя СНК СССР В. В. Куйбышев подписал постановление Совета Труда и Оборона СССР № 24 во изменение постановления СТО от 3 июня 1930 г. Этим постановлением первоначальное задание глуби-

⁷ ГА РФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 1805. Л. 66–66 об.

ны водного пути было изменено, и предложено приступить к сооружению всего пути глубиной 12 футов, обеспечивающего прохождение судов с 10 футовой осадкой. Срок окончания работ был назначен не позже конца 1932 г; затраты на постройку канала определялись в 60–70 млн. рублей. Валютные ассигнования было решено не производить.

Постановление вышло после того, как Управлением Строительства почти полностью были закончены изыскания, а проект водного пути имел 60% готовности. Новыми принятыми решениями дополнительные работы на Неве снимались, в них уже не было необходимости. На Свири оставалось, главным образом, прорезание порогов и строительство гидростанций. Северная часть канала строилась заново. Изменение габаритов водного пути повлекло за собой проведение новых топографических и гидрологических изысканий для того, чтобы заново оценить выбранный вариант водного пути.

На это решение СТО начальник Военно-Морских Сил отношением от 7 марта 1931 г. № 1115/СС указал, что «при глубине пути в 12 футов и осадке судов в 10 футов проходящие по системе суда придется разоружать, отчего они теряют боеспособность во время прохождения по системе». Но приказ уже работал.

Новый эскизный проект Северной части канала от Повенца до Сороки после его исполнения был рассмотрен и утвержден на заседании Особого Комитета 1 июля 1931 г. На этом же заседании были утверждены новые основные габариты ББВП (длина шлюзов 135 метров, ширина 14,5 метров и глубина 3,65 метров, т. е. 12 футов).

А в сентябре 1931 г. начальник Беломорстроя в докладной записке в адрес Совнаркома СССР совершенно секретно писал: «Грузооборот системы почти вдвое превысит ее пропускную способность через 4 года после открытия системы. Рассматриваемый вариант основных параметров канала по сравнению с другими вариантами “является одним из мало экономичных, так как при малой пропускной способности дает сравнительно высокую себестоимость. Правда, он связан с наименьшими по абсолютному размеру капитальными затратами на путь и флот”. И Беломорстрой просил об увеличении ассигнования на постройку Северного участка Беломорско-Балтийского соединения на 6,5 млн. рублей с тем, чтобы шлюзы на этом участке строились при заданных ранее длине и ширине глубиной на королях 4,3 метра (14 футов) для пропуска судов на осадке 3,65 метра (12 футов)»⁸.

Соблюдение срока к началу навигации 1933 г. имело очень важное экономическое и оборонное значение для страны в связи с созданием военно-морского флота на Крайнем Севере.

Строительство начинало разворачиваться с всё большим использованием сил заключенных, ОГПУ начал занимать ведущее место в строительстве. Это привело к некоторой смене руководства в Управлении «Беломорстроя». 16 ноября

⁸ ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1805. Л. 150–153.

1931 г. заместитель председателя ОГПУ Г. Г. Ягода подписал приказ № 667/359 «О строительстве Беломорско-Балтийского водного пути», в котором говорилось, что сооружение Беломорско-Балтийского водного пути, возложенное партией и Правительством на ОГПУ, требует выполнения в исключительно короткий срок громадного и сложного в техническом отношении объема работ.

В целях максимально благоприятных условий для строительства и сдачи канала в эксплуатацию в установленный Правительством срок были назначены новые лица на руководящие посты Беломорстроя:

1. Начальником строительства Беломорстроя назначить Начальника Главного Управления Лагерями ОГПУ — товарища Когана Л. И., с пребыванием на месте.

2. Заместителем Начальника строительства Беломорстроя назначить Пом. Нач. Главного Управления Лагерями ОГПУ — товарища Рапопорта Я. Д.

3. Помощниками Начальника строительства Беломорстроя назначить: Начальника Бел.-Балт. Лагеря ОГПУ — товарища Сенкевича Э. И., Главного инженера строительства Белморстроя товарища Могилко Н. В. и товарища Госкина М. Ф.

4. Начальником работ и Помощником Главного инженера Беломорстроя назначить Френкеля Н. А.

Всего 12 пунктов

Зам. Председателя ОГПУ Г. Ягода⁹.

В 1932 г. для укрепления руководящего звена Белбалтлага из Москвы выехал ответственный работник Особого отдела ОГПУ Семен Григорьевич Фирин. Он был назначен новым начальником Белбалтлага, одновременно являясь заместителем начальника ГУЛАГа ОГПУ.

Новое Постановление Совета Народных Комиссаров СССР, подписанное В. Молотовым 19 января 1932 г., подтвердило прежнюю глубину канала для судов с осадкой 10 футов и окончание работ в основном в 1932 г. с тем, чтобы в навигацию 1933 г. обеспечить плавание судов по всему протяжению ББВП.

Наркомводу СССР были даны указания о выделении для работы на Северном участке в Сорокском порту и у выхода в Онежское озеро землечерпательных снарядов необходимой мощности. Кроме того, за счет Военного ведомства даны указания о выделении 100 штук тракторов, из которых 50 штук на гусеничном ходу, 5 экскаваторов из числа прибывших из-за границы и высвободившихся на стройках, 20 компрессоров с комплектом двигателей, из текущего производства, а также годовой фонд автомобилей в 50 штук, 4 узкоколейных паровоза, 6 мотовозов, 600 вагонеток на конной тяге, узкоколейных рельсов и многого другого.

⁹ ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 1а. Д. 1. Л. 55–55 об. Типографский экземпляр.

Постановление обязывало НКПС разработать план работ по переносу затопленных участков Мурманской железной дороги, увязав его с календарным планом строительства ББВП¹⁰. Но вся эта обещанная техника на строительство канала так и не была поставлена.

Энергоцентр, не успевая с работами в срок, проводимыми на Свири, вышел с предложением о перенесении срока работ по постройке гидротехнических сооружений Свирьской электростанции № 3 (позднее названной Верхнесвирской гидростанцией) с 1932 г. на 1933 г. и позже (с сохранением к заданному сроку глубины, равной 6 футам).

Это означало, что через эти пороги Свири–Медведь и Сиговец нельзя будет провести нормальным образом военные корабли ни средние, ни малые.

На это заявление не могли не отреагировать военные. Представитель Реввоенсовета товарищ Муклевич высказал по этому поводу мнение, что такая глубина не позволит проводить каналом ни одного боевого корабля и, таким образом, сводит на нет всю проделанную работу на участке от Онежского озера до Белого моря. «По плану строительства морских сил РККА мы получаем на Балтийском море в течение 1932–1933 гг. значительное усиление легких сил — вступает в строй 31 единица подводных лодок и сторожевых кораблей. И поэтому вопрос о возможности перегруппировки морских легких сил (подлодок, эсминцев, сторожевых кораблей), с Балтийского моря на Север в 1933 г. приобретает особо важное значение, т. к. позволит совершенно по-новому ставить вопрос обороны Северного побережья. В соответствии с этим в 1932 г. совершенно необходима постройка хотя бы временных гидротехнических сооружений Свирьской электростанции для поднятия воды до 12 футов, что подтянет единственно отстающий участок и тем самым позволит перебросить легкие силы с Балтики на Север»¹¹.

Рассмотрев всесторонне положение дел, Особый комитет ограничил работу только Северной частью пути, которая потом и был назван Беломорско-Балтийский каналом (ББК). Глубина участка на р. Свирь над порогом Сиговец была временно сохранена 6 метров. (Окончание строительства Верхнесвирского гидроузла было сдвинуто на 1942 г. Фактически из-за войны с Германией его смогли сдать в эксплуатацию только в 1951 г. После окончания работ на гидроузле, вода над порогом Сиговец поднялась на 14 метров, а в Онежском озере — почти на 1 м).

Работы по подготовке к строительству Беломорско-Балтийского канала начали разворачиваться с самого начала организации Управления «Беломорстрой». Уже в зиму 1930–1931 г. приступили к рубке леса в районах затопления. Поскольку ББВП прежде всего был стратегическим объектом, строительные работы шли под защитой от возможного вражеского нападения.

¹⁰ ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1806. Л. 15–20.

¹¹ Там же. Л. 44.

17 декабря 1930 г. (№ 8/21313с) начальник Штаба РККА сообщил, что по приказанию Наркомвоенмора товарища Ворошилова К. Е. был решен вопрос об охране Беломорстроя на случай вражеской минной атаки, воздушного нападения и прочее. На этом фоне внутренняя охрана лагеря была уже делом второстепенным. Да и бежать зимой из лагеря, расположенного в столь суровом климате, а летом в леса с топкими болотам и дикими зверями, могли только подготовленные к этому заключенных. В лагере на их место находились другие.

На период проведения изыскательских и строительных работ на канале с 23 мая 1930 г. по 1 января 1932 г. Соловецкий лагерь СЛОН ГПУ был передан под руководство ГПУ Карельской АССР и ГУЛАГ ОГПУ. В тот момент он был самым могущественным представительством ОГПУ. УСЛОН на договорных началах обязался снабдить изыскательские партии необходимой подсобной рабочей силой. Началась переписка, поначалу Беломорстрой запросил 210 человек для Северной части ББВП с поставкой рабочих на станции Масельская, в Повенец, Морскую Масельгу и в Медвежью Гору. Людей с опозданием после длительной переписки и переговоров прислали.

Рабочие прибывали из УСЛОНа на Беломорско-Балтийский канал в сквернейшем обмундировании, без сапог, часто в лаптях. На недостаток питания поступали многочисленные жалобы как от рабочих, так и от техперсонала. Пошли переговоры с УСЛОНом об урегулировании вопросов снабжения продовольствием, бесперебойному снабжению рабсилой, обмундирования их и других. Для транспорта не хватало телег. От тяжелых условий труда и жизни в лагере увеличилось число побегов.

Из докладной записки ОГПУ КАССР во фракцию ВКП(б) СНК Республики от 24 августа 1930 г. (секретно): «За данный 1929/30 хозяйственный год на территории Карелии от Медвежьегогорского района до Кандалакшского района включительно работает несколько десятков тысяч заключенных-услоновцев, бегство которых за последние месяцы увеличилось до таких пределов, что начали ходить партиями вплоть до пограничных районов и своими действиями терроризировать население в такой степени, что последнее боится выходить из своих селений на сенокосные и осенние уборочные и посевные работы. На территории 11 районов, в которых работают услоновцы и оперируют беглецы, государственной милиции имеется лишь только 81 чел...». Далее требовали усиления милиции.

Шли переговоры с УСЛОН о передаче на канал на договорной основе специалистов. Управдел рассказывал, что купленные специалисты находятся в полном распоряжении Управления лагерей. Их можно назначить на любую работу и любую ответственную должность. За квалификацию, добросовестность и благонадежность ГПУ ручается. За них в ГПУ выплачивается ежемесячно 90% установленного по договору вознаграждения, а 10% выдали каждому заключенному на руки, согласно его заработку. На канале работало много известных гидротех-

ников, многие из них были заключенными, осужденными за контрреволюционную деятельность.

Строительство Беломорско-Балтийского канала было большой стройкой первого пятилетнего плана государственной программы. Канал представляет собой систему рек и озер, соединенных между собой искусственными прорезями. Как техническое решение для достижения нужной глубины трассы на Беломорско-Балтийском канале использовали прием подпора рек и речек. Этим поднимали уровень воды в водохранилище. При строительстве канала перемежались и сплетались воедино сложные и интересные конструктивные решения, до тех пор неведомых, с самыми примитивных средствами их выполнения. Работы производились вручную: лопатой, киркой, ломом зубилом, кувалдой, буром и выполнялись силами осужденных. Весь вынутый грунт и разработанные скальные породы грузили и вывозили вручную на большие расстояния. Всего вынута и увезено было 21 миллион кубометров земли и камня. Для перевозки использовали различные средства, имевшиеся на строительстве (тачки, вагонетки, грабарочная возка, но погрузка была ручная).

В числе общего объема выполненных работ существовала еще борьба с плывунами, повал леса, изготовление арматурных каркасов, изготовление и укладка бетона в конструкциях в объеме 390 тысяч кубометров, деревянные ряжевые конструкции в объеме 921 тысяч квадратных метров и много, много другого. И всё вручную.

Почти полное отсутствие механизмов для производства работ являлось большой бедой в строительстве Беломорско-Балтийского канала. Уже в зиму 1930–1931 гг. приступили к рубке леса в районах затопления. А в 1931 г. начали прокладывать трассу канала. Сроки строительства канала по ходу дела корректировались, но последнее требование открыть его к началу навигации 1933 г. было выполнено, в результате чего на строительство канала ушло 20 месяцев.

В течение всего периода строительства на канале работали не только заключенные Белбалтлага, но и заключенные Соловецкого лагеря, переданные внаем. В 1933 г. Соловецкий лагерь был расформирован. После этого на Соловках располагалось одно из отделений Белбалтлага, а с 1937 г. по 1939 г. — Соловецкая тюрьма Главного управления государственной безопасности (ГУГБ) НКВД СССР.

Использование для строительства заключенных системы ГУЛАГа максимально удешевляла стоимость работ, но руководители строительства не считались с ценой жизни исполнителей, погибающих от голода, болезней и перегрузок. Они не считались с физическим и моральным износом выживших людей.

По официальным статистическим данным, фактическая единовременная численность заключенных в наиболее напряженное время работ с июля 1932 г. по апрель 1933 г. менялась в пределах от 108 000 до 125 000 человек. За 20 месяцев строительства северной части канала УРО Белбалтлага зарегистрированная

смертность составляла 12 318 человек, из них на самый голодный в стране год — 8 870 человек. Взамен погибших всё время привозили новых заключенных.

Когда перед официальным признанием готовности канала на трассе шли в срочном порядке разного рода доделки, к берегам Онежского озера начали подтягиваться военные корабли, ожидавшие прохождения по Беломорско-Балтийскому каналу и впоследствии положившие начало создания Северного военного флота СССР. Пока корабли переходили с Балтики на Белое море, фашистская Германия напала на Польшу, развязав Вторую мировую войну. Но тогда Северный флот уже получил возможность готовиться к нападению врага. Можно сказать, что не зря торопились с завершением строительства Беломорско-Балтийского канала.

В результате можно смело сказать, что большая доля в создании Северного военного флота принадлежит строителям Беломорско-Балтийского канала, тем, кто вынес всю тяжесть его работ на своих плечах, и тем, кто сложил там свои головы.

РЕЗЮМЕ

В статье рассмотрен поздний период деятельности Соловецкого Лагеря Особого Назначения, когда от чрезмерного избытка заключенных образовался дефицит денежных средств. Заключенных СЛОН начали передавать в наем для работы на строительстве Беломорско-Балтийского канала. Там они работали до окончания строительства канала и на грубых тяжелых работах, и как специалисты. Беломорско-Балтийский канал был важным стратегическим объектом и большая роль в создании Северного флота принадлежит строителям канала, в том числе заключенным СЛОН.

Ключевые слова: Соловецкий Лагерь Особого Назначения, заключенные, строительство.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александровск-Полярный: Календарь исторических лет и событий: 1899–2009. ООО «Компания Пароход», 2009.
2. Березовский Н. Ю., Бережной С. С., Николаева З. В. Боевая летопись военноморского флота: 1917–1941 гг. М.: Военное из-во, 1993.
3. Волков О. В. Погружение во тьму. М.: Изд-во Эксмо, 2007.
4. Дмитриев Ю. А. Беломорско-Балтийский путь (от замыслов до воплощения). Петрозаводск, 2003.
5. Овчинникова И. Г. ГУЛАГ и люди. М., 2014.
6. Платонов В. И. Записки адмирала. М.: Военное издательство, 1991.
7. Ширяев Б. Н. Неугасимая лампада. М.: Изд. Сретенского монастыря, 2000.

SUMMARY

I. G. Ovchinnikova

The Solovki Camp and the Origins of the Gulag in the Construction of the White Sea-Baltic Canal

The article examines the late period in the operation of the Solovki Special Purpose Camp, when the excessive surplus of prisoners resulted in a shortage of funds. Prisoners of the camp began to be transferred to work at the construction of the White Sea-Baltic Canal. There they worked until the completion of the canal construction both as hard labourers and as skilled experts. The White Sea-Baltic canal was an important strategic site, and the builders of the canal, including the prisoners of the Solovki Special Purpose Camp, played a major role in the creation of the Northern Fleet.

Keywords: Solovki Special Purpose Camp, prisoners, construction. The White Sea-Baltic Canal.

REFERENCES

1. Berezovskii N. Yu., Berezhnoi S. S., Nikolaeva Z. V. *Boevaya letopis' voenno-morskogo flota: 1917–1941 gg.* Moscow. Voennoe iz-vo, 1993.
2. Dmitriev Yu. A. *Belomorsko-Baltiiskii put' (ot zamyslov do voploshcheniya).* Petrozavodsk, 2003.
3. Ovchinnikova I. G. *GULAG i lyudi.* Moscow, 2014.
4. Platonov V. I. *Zapiski admirala.* Moscow, Voennoe izdatel'stvo, 1991.
5. Shiryaev B. N. *Neugasimaya lampada.* Moscow, izd. Sretenskogo monastyrya, 2000.
6. Volkov O. V. *Pogruzhenie vo t'mu.* Moscow. izd-vo Eksmo, 2007.

А. М. Пашков

Крестьянское антибольшевистское выступление в Вытегре 4 июня 1918 г.

История российского крестьянства в годы Великой русской революции и гражданской войны является одной из наиболее изученных проблем отечественной историографии. Одно перечисление монографий и обобщающих работ по этой теме займет не одну страницу¹. Но зачастую авторы этих работ опираются либо на общероссийские материалы, либо основываются на материалах каких-либо крупных регионов (Центральной России, Поволжья, Сибири и т. д.). Локальные крестьянские выступления зачастую выпадают из сферы их внимания, хотя и они представляют определенный интерес для исследователя. Таким крестьянским выступлением можно считать события в городе Вытегра Олонецкой губернии, происходившие 4 июня 1918 г.

В 1918 г. Вытегорский уезд был одним из 7 уездов Олонецкой губернии и располагался в ее юго-восточной части. По данным на 1 января 1913 г. численность населения Вытегорского уезда составляла 65,6 тысяч человек (это второй показатель по губернии после Петрозаводского уезда), в том числе численность населения города Вытегра составляла 5,6 тысяч человек (второй по численности город Олонецкой губернии после Петрозаводска)². Городской бюджет Вытегры в 1913 г. составил 24937 рублей (второй по величине в губернии после Петрозаводска)³.

Вытегорский уезд имел и высокую плотность населения — 6 человек на 1 квадратную версту (при таком же показателе 3,7 человека по Олонецкой губер-

---

¹ См., например: *Буховец О. Г.* Социальные конфликты и крестьянская ментальность в Российской империи начала XX века: новые материалы, методы, результаты. М., 1996; *Кабанов В. В.* Крестьянское хозяйство в условиях военного коммунизма. М., 1989; *Кондрашин В. В.* Крестьянство России в гражданской войне. М., 2009; *Осипова Т. В.* Российское крестьянство в революции и гражданской войне. М., 2001; *Павлюченков С. А.* Военный коммунизм в России: власть и массы. М., 1997.

² Олонецкая губерния: Статистический справочник / Предисл. В. Бузина. Петрозаводск, 1913. С. 23.

³ Там же. С. 344.

нии). Средняя численность крестьянской семьи в Вытегорском уезде в 1913 г. составляла 5,87 человека⁴.

Численность грамотных среди жителей старше 7 лет составляла в Вытегорском уезде 57,8% среди мужчин и 19% среди женщин⁵.

Хотя подавляющее большинство населения Вытегорского уезда составляли крестьяне (91,5%), его отличительной чертой была развитые торговля, транспорт и отхожие промыслы. Численность купцов и почетных граждан в уезде составляла 0,9% (при 0,4% по губернии в целом)⁶. В 1913 г. в Вытегре действовало 107 торговых заведений и еще 312 торговых заведений действовало в уезде⁷.

Главной торговой и транспортной артерией Вытегорского уезда была Мариинская водная система, по которой шло снабжение Петербурга, Петрозаводска и других городов и селений Санкт-Петербургской и Олонецкой губерний хлебом и лесом (с Волги и Камы) и керосином (из Рыбинска). Протяженность Мариинской системы составляла 353 версты, из которых 71 версту составляли искусственные каналы и 281 версту реки, причем на 81 версту шлюзованные. Примерно третья часть Мариинской системы проходила по территории Вытегорского уезда. В 1898–1907 гг. через Мариинскую систему проходило ежегодно от 97 до 45,5 миллионов пудов грузов (в среднем 70,8 миллионов пудов в год, в том числе 36 миллионов пудов хлеба и 26,7 миллионов пудов леса)⁸.

Грузы по Мариинской системе перевозили на большемерных (от 47 до 75 метров длины) и маломерных (до 47 метров длины) баржах. Из большемерных судов большую часть составляли так называемые «мариинки» (от 47 до 51 метра длиной), на которых перевозили, главным образом, лес. Хлеб везли на палубных полулодках (от 60 до 75 метров длиной)⁹.

От города Вытегры до устья реки Вытегра, а затем по Онежскому обводному каналу до села Вознесенье в истоке р. Свирь суда тянули лошадьми (иногда от устья Вытегры до Вознесенья или до Петрозаводска их тащили буксирными пароходами по Онежскому озеру). Далее от Вознесенья до Петербурга суда тащили буксирными пароходами. Только на р. Свирь в 1907–1911 гг. в летний сезон работали до 75 пароходов-буксиров, но часто и их не хватало. Проход от Вознесенья до Петербурга занимал от 1 до 28 дней в зависимости от наличия буксиров¹⁰.

Значительная часть населения Вытегорского уезда уходила на промыслы в Петербург и на обслуживание Мариинского водного пути. В 1909 г. на про-

⁴ Олонецкая губерния: Статистический справочник / Предисл. В. Бузина. Петрозаводск, 1913. С. 24, 27.

⁵ Там же. С. 33.

⁶ Там же. С. 31.

⁷ Там же. С. 64.

⁸ Там же. С. 79–80.

⁹ Там же. С. 80–81.

¹⁰ Там же. С. 81.

мысли ушли 16 336 человек, что составляло 62,8% работоспособного населения обоого пола¹¹. На обслуживании судов, проходивших по Мариинской системе («по тяге судов»), в 1909 г. заработки за сезон составляли в среднем 66 рублей на 1 человека¹².

Благодаря наличию Мариинского пути и близости Петербурга жители Вытегорского уезда имели высокие доходы и получали устойчивое снабжение хлебом, не придавая особого значения занятиям земледелием.

Эта система была окончательно разрушена к весне 1918 г. из-за вызванного революцией затяжного кризиса центральной власти, дезорганизации продовольственных органов на местах и игнорированием местными органами распоряжений центральной власти. Положение усугублялось инфляцией и отсутствием потребительских товаров для снабжения деревни. Для выхода из сложившейся ситуации 13 мая 1918 г. был принят декрет ВЦИК и СНК «О чрезвычайных полномочиях народного комиссара по продовольствию», в котором объявлялась продовольственная диктатура и провозглашались ее основные положения (централизованная заготовка и распределение продовольствия, подавление сопротивления кулаков, борьбе с мешочничеством и др.)¹³.

Советская власть была установлена в Вытегорском уезде 23 января 1918 г., когда на общем собрании представителей волостей в Вытегре был создан исполнительный комитет Совета рабочих и солдатских депутатов во главе с присланным из Петрозаводска бывшим петроградским рабочим А. С. Метелкиным. С 23 февраля по 1 марта 1918 г. в Вытегре состоялся первый уездный съезд Вытегорского Совета крестьянских, рабочих и солдатских депутатов, на котором были сформированы советские органы управления Вытегорским уездом. 25 февраля было упразднено Вытегорское уездное земское собрание, ведавшее всей хозяйственной и экономической жизнью уезда. Его функции были распределены между различными отделами уездного исполкома. На внеочередном Чрезвычайном уездном съезде Советов крестьянских и рабочих депутатов, состоявшемся 2–6 апреля 1918 г. был создан военный комиссариат (военный комиссар В. М. Аганичин, его помощники А. В. Звонов и Ф. П. Семкин). Другим решением была распущена волостная милиция, а вместо нее был создан отряд Красной гвардии. На этом же съезде состоялись перевыборы исполкома Совета. Новым председателем исполкома Вытегорского уездного Совета был избран Михаил Николаевич Мехнецов. Он родился в 1890 г. в Бадожской волости Вытегорского уезда. Во время Первой мировой войны служил в Балтфлоте, в Кронштадте.

¹¹ Олонецкая губерния: Статистический справочник / Предисл. В. Бузина. Петрозаводск, 1913. С. 51.

¹² Там же. С. 52.

¹³ 13 мая. Декрет ВЦИК и СНК о чрезвычайных полномочиях народного комиссара по продовольствию от 1918 года // Декреты Советской власти. Т. 2. М., 1959. С. 261–267.

Член партии большевиков с 1914 г., он являлся членом ЦК Балтийского флота. В начале 1918 г. М. Н. Мехнецов вернулся на родину для создания большевистской парторганизации и установления Советской власти. Позже М. Н. Мехнецов участвовал в Гражданской войне, а с 1923 г. работал в Петрограде. Погиб в 1943 г. во время блокады Ленинграда.

В начале мая 1918 г. была упразднена городская дума, вместо которой был избран городской Совет. В его состав вошли практически все те, кто был в составе городской думы: председателем исполкома горсовета избран купец Воробьев, председателем общих собраний Совета — прапорщик Парижский, а членами исполкома — купцы Крашке, Шаров, Плоскирев, Лессен. Почти сразу же один из активнейших сотрудников местной газеты секретарь Вытегорского комитета партии Сергей Ручьев написал в газету: «Городской Совет приступил к “работе”. Неподготовленность обывательских масс, подогреваемых постоянно купеческими заверениями, что без купца не прожить, дала возможность нашим кадетам собрать обильную жатву. Этот факт лишний раз показывает нам, что контрреволюционная буржуазия и кто с нею успели сорганизоваться в солидную силу, выступившую открыто, и притом в роли “защитника” пролетариата против пролетариата. Сознательным рабочим и обывателям наш “демократический” городской Совет должен послужить стимулом к усилению классовой борьбы с буржуазией».

Вытегорская организация РКП(б) была создана 12 апреля 1918 г. и первоначально насчитывала 10 членов и 5 сочувствующих. В состав исполкома партии вошли председатель А. Н. Июдин, его заместитель И. А. Фальков, казначей А. Абакумов, секретарь С. Ручьев. Активное участие в работе Вытегорской партийной организации принимал поэт Н. А. Клюев.

Для того чтобы выправить финансовое положение в уезде, решением Совдепа представители имущих классов были обложены налогом. Так, 24 апреля 1918 г. Олонецкий Совдеп сообщил, что на Вытегорский уезд назначен к взысканию налог в сумме 1 217 000 рублей.

Если в уездном Совете доминировали большевики и левые эсеры, то на выборах в городской совет рабочих и крестьянских депутатов Вытегры в состав совета были избраны кадеты и правые эсеры, а также «до 11 видных купцов или лесопромышленников»¹⁴. Таким образом, к июню 1918 г. в Вытегре существовало двоевластие.

На таком фоне и произошло вызванное голодом выступление крестьян Вытегорского уезда. Это выступление не отражено в трудах историков, посвященных событиям гражданской войны на севере. Исключение составляет упоминание

¹⁴ Вытегорские очерки Известия Олонецкого губернского исполнительного комитета крестьянских, рабочих и красноармейских депутатов. 1918. № 105 (164) (от 13 июня // 31 мая) (подпись: «Хмурый»).

об этих событиях в небольшой краеведческой статье Л. К. Казариновой¹⁵. Представленная здесь статья основана на сведениях из «Постановление Олонецкого губернского революционного трибунала от 28 августа 1918 года по делу контрреволюционного выступления, имевшего место быть в городе Вытегре»¹⁶, справки «Восстание в Вытегре 4 июня 1918 года», подготовленной Вытегорским краеведческим музеем и других материалах.

Весной 1918 г. Вытегорский уезд охватил голод. Исполком Вытегорского уездного совета вынес решение об учете и реквизиции излишков продуктов у торговцев и имущих классов, но это решение не дало больших результатов. Те небольшие партии хлеба, которые доставлялись в Вытегру, не доходили сельской местности. На обращения крестьян о помощи местные власти отвечали, что хлеба нет и выдаваться он не будет. В мае 1918 г. по Вытегре поползли слухи о том, крестьяне Макачевской, Девятинской и Вытегорской волостей готовят поход в город за хлебом. Председатель исполкома Вытегорского уездного совета М. Н. Мехнецов 3 июня отправил в губернский Совет телеграмму: «На почве явного голода в городе, уезде население озлоблено, хорошо известно, что завтра, 4 июня, из разных волостей десятки тысяч озлобленных голодом людей придут в Вытегру решительно требовать отмены единовременного налога, разрешения всякой свободной торговли, спешного удовлетворения хлебом всех голодающих. В противном случае намерены с помощью темных сил свергнуть Советскую власть в уезде. Срочно отправляйте пароходами хлеб в Вытегру, ждем вашей помощи хлебом»¹⁷.

В это время 2 июня 1918 г. в селе Девятины по инициативе крестьян Рубежского общества состоялось общее собрание крестьян Девятинской волости, на котором было решено обсудить продовольственный вопрос, а также вопросы о церковном имуществе и земле, о свободной торговле, о подоходно-имущественном налоге и другие.

Председателем собрания был избран Александр Оленев. Он был выходцем из крестьян, который стал лесопромышленником и имел свои лавки, к тому времени уже закрытые. Как состоятельный предприниматель А. Оленев был обложен большими налогами.

Первым на повестку дня был поставлен продовольственный вопрос, по которому выступили Ивков и ездивший в Петрозаводск делегат К. Чесноков. В ходе обсуждения продовольственной проблемы Оленев выдвинул вопрос о свободной торговле. В результате обсуждения и под влиянием речей Федора Петровича Рулева, Демиденко, А. Оленева и Соколова общее собрание единогласно поста-

¹⁵ Казаринова Л. К. Установление Советской власти в Вытегорском уезде (1917–1918 гг.) // Вытегра. Краеведческий альманах. Вып. 3. Вологда, 2005. С. 33–35.

¹⁶ НАРК. Ф. Р–28. Оп. 1. Д. 9/49. Л. 230–231.

¹⁷ Казаринова Л. К. Указ. соч. С. 33.

новило всем крестьянам отправиться 4 июня в город Вытегру, чтобы просить Вытегорский Совдеп прислать в Девятины продукты. По настоянию Оленева, Демиденко, Соколова и Евсеева собрание постановило сообщить о планируемом походе крестьянам соседних волостей Бадожской, Вытегорской и Макачевской с предложением присоединиться. Для обеспечения обязательной явки девятинских крестьян в поход на Вытегру по предложению Оленева было решено лишить пайка каждого, кто откажется идти в Вытегру. Ф. П. Рулев внес предложение потребовать от Совета по приходе в Вытегру замки от пулеметов, но собрание это предложение не приняло¹⁸.

4 июня крестьяне Девятинской волости, отслужив напутственный молебен, выступили в город Вытегру, взяв с собою заготовленные флаги и плакаты. По некоторым данным на плакатах были следующие лозунги: «Хлеба, хлеба, хлеба!», «Где мир, где счастье, где братство, где равенство?», «Дайте свободу торговле», «Будет хлеб — будут и товары».

В пути к недовольным примкнули крестьяне Вытегорской волости. Всего собралось около 150 невооруженных крестьян. Перед городом все остановились и выслали заранее избранных делегатов для переговоров с членами Совета. Было решено открыть собрание на городской площади, куда прибыли крестьяне Девятинской и других волостей. Туда же по требованию крестьян прибыли и члены Вытегорского совета: председатель М. Н. Мехнецов, военный комиссар В. М. Аганичин и комиссар по продовольствию И. Е. Аристархов, а также заместитель председателя ячейки РКП(б) И. А. Фальков. Члены Совдепа предупредили собравшихся крестьян, что они не будут препятствовать дальнейшему ходу собрания и гарантируют спокойствие и неприкосновенность личности собравшихся, если с их стороны не последует каких-либо эксцессов.

Митинг начался около 16.00. Председателем митинга был избран Оленев. Первым оратором выступил Ф. П. Рулев. Он развернул красный плакат с надписью «Хлеба, хлеба» и с изображением под этими словами черепа и надписью «Если не будет хлеба, то будет смерть». Затем выступил комиссар по продовольствию И. Е. Аристархов, но его «обстоятельная и спокойная речь» была прервана жителями Вытегры отцом и сыном Семеновыми, Федором Павловичем и Виктором Федоровичем, которые «резко агитировали против действий Советской власти». Под влиянием речи Ф. П. Семенова-старшего настроение собравшихся, «подстрекаемых к тому же разными темными личностями, рассеявшимися в толпе» изменилось, и народ заволновался. Из толпы стали раздаваться выкрики: «Долой комиссаров голода!», «Передать власть городскому Совету»!¹⁹

¹⁸ НАРК. Ф. Р-28. Оп. 1. Д. 9/49. Л. 230.

¹⁹ Казаринова Л. К. Указ. соч. С. 34.

В это время мимо «случайно» проходил патруль красноармейцев²⁰, «остановившихся поглазеть на происходившее». Заметив патруль, Семеновы закричали: «Вот вам вместо хлеба Красная гвардия! Уберите Красную гвардию! Долой ее! Отобрать оружие!» Толпа во главе с Семеновыми пробовала разоружить красноармейцев, но они сделали залп в воздух, и толпа отхлынула. В то же время в адрес присутствовавших на собрании членов Совета послышались выкрики: «Вместо хлеба вы даете нам залпы из ружей!». Крестьяне Ульянов, Сергеев, Николай Ильич Ермолин, Александр Иванович Смешков в особенности настаивали на разоружении красногвардейцев, причем А. И. Смешков тряс за полы военного комиссара В. М. Аганичина, выкрикивая: «Сволочи! Разогнать совет! Долой хулиганов красногвардейцев, разоружить их!», а Н. И. Ермолин «заведомо ложно» кричал, что «комиссар стрелял из винтовки».

Под влиянием агитации этих лиц, и особенности студента В. Ф. Семенова толпа окружила плотным кольцом председателя Совдепа М. Н. Мехнецова, члена совдепа Пахомова и комиссара В. М. Аганичина, скомандовав последним «Руки вверх!», отобрала у них револьверы. Председатель Девятинского совдепа Евсеев заявил присутствующим, что комиссар и Пахомов разоружены и теперь бессильны. Одновременно Оленев, Семеновы и Степанов предложили тотчас же привести на собрание тот патруль, который произвел выстрелы, а также и всех вытегорских красногвардейцев и красноармейцев во главе с начальником революционного отряда Алексеем Васильевичем Звоновым, чтобы сдать оружие и передать всю исполнительную власть совета в ведение городского совета, а пока для большей успешности выполнения намеченного плана переворота, они предложили арестовать В. М. Аганичина и М. Н. Мехнецова и держать их в виде заложников. Одновременно Оленев и Семеновы пригласили к трибуне членов бывшего городского совета — председателя Воробьева и Виктора Крашке, Ивана Чудова, Лессен, Игнатия Базегского, которые, выслушав предложение Оленева и Семеновых, согласились принять оружие и организовать отряд милиции, причем организацию добровольной милиции взял на себя чиновник Степанов.

М. Н. Мехнецов и В. М. Аганичин пробовали воздействовать на толпу, указывая ей на то, что вся тяжесть сделанного ляжет на них и приказа разоружить красную гвардию они не дадут, но увещевания их имели на толпу противоположное воздействие, поскольку раздались выкрики: «Арестовать их и держать, пока не придут и не сложат оружия!» К задержанным «уже протягивали руки, чтобы разорвать их», но этот момент раздались выстрелы, подоспели крас-

---

²⁰ По данным на 23 апреля 1918 г. в Вытегре находился отряд красноармейцев численностью 10 человек, но у них имелось 178 винтовок и 6 револьверов (Сведения о численности и вооружении отрядов Красной армии в Олонецкой губернии // Борьба за установление и упрочение Советской власти в Карелии. Сборник документов и материалов. Петрозаводск, 1957. С. 218).

ногвардейцы, посланные А. В. Звоновым. Выстрелы были произведены в воздух. Толпа замерла, руки, протянутые к задержанным, опустились. Комиссар В. М. Аганичин, перескочив через упавших во время выстрелов на землю, махнул фуражкой красногвардейцам, побежал к ним и скомандовал не стрелять. За ним из толпы погнались и стреляли ему вслед. В это же время к красногвардейцу Шаганову подбежал некто Петров и, ударив его сзади, повалил на землю. На выручку Шаганову подбежал красногвардеец Бобовиков, который, выстрелив, убил Петрова. Немного времени спустя на площадь въехал автомобиль с пулеметом под командой А. В. Звонова и произвел несколько выстрелов в воздух. Вся площадь быстро опустела. Крестьяне разбежались и вернулись домой сами²¹. По некоторым данным, в ходе подавления этого выступления несколько крестьян было ранено.

В этот же день вечером комитет партии и исполком уездного Совета образовали Военно-Революционный комитет (ВРК) под председательством М. Н. Мехнецова. ВРК обнародовал приказ, в соответствии с которым в городе Вытегре объявлялось военное положение, распускался Вытегорский городской совет, усиливалась охрана почты, телеграфа и других учреждений, выключались все частные телефоны. Приказ предупреждал, что все частные лица, не сдавшие в течение 24-х часов оружие, будут предаваться ревтрибуналу, а лица, уличенные в попытках свержения Советской власти, расстреливаться на месте²².

Сразу же по ликвидации беспорядков в городе Вытегре гр. Федор Павлович Семенов и Александр Оленев скрылись, причем Оленев захватил с собою единственный протокол собрания в селе Девятинах от 2-го июня. А. Оленев скрылся, был в розыске, но с помощью Степана Курашева убежал в Финляндию (дальнейшая судьба неизвестна). 7 июня 1918 г. конфисковали его дом (с документах — «в возбуждении народных масс с целью революции»). Позже дом стали использовать как помещение народного дома, а 2-й этаж — для комитета партии коммунистов.

Определенный интерес представляет личность одного из активных участников беспорядков в Вытегре Ф. П. Семенова. Еще в период первой российской революции он получил известность как один из активных участников революционного движения в Петрозаводске в 1906 г. Владелец мясной лавки Ф. П. Семенов формально не принадлежал ни к одной партии, но был непременным участником всех антиправительственных митингов в Петрозаводске в мае-сентябре 1906 г. На митинге вечером 3 августа на Кургане (окраина Петрозаводска), созванном социал-демократами, Ф. П. Семенов выступил с речью, в которой призвал отказываться от службы в царской армии и не платить подати, повторив требования

²¹ НАРК. Ф. Р-28. Оп. 1. Д. 9/49. Л. 230.

²² Казаринова Л. К. Указ. соч. С. 34.

«Выборгского воззвания»²³. В ночь с 3 на 4 августа Ф. П. Семенов был арестован, но уже вечером 4 августа к дому губернатора на Петровской площади пришли около 600 рабочих Александровского завода и потребовали его освобождения. На Петровскую площадь прибыло около 20 полицейских стражников. Губернатор Н. В. Протасьев вынужден был вступить в переговоры с рабочими, но отказал им в освобождении Ф. П. Семенова. Тогда рабочие отправили делегацию к прокурору Петрозаводского окружного суда с тем же требованием. Чтобы не обострять обстановку, утром 5 августа Ф. П. Семенов был выпущен из тюрьмы²⁴.

В ночь с 18 на 19 сентября 1906 г. в Петрозаводске на площади перед зданием тюрьмы состоялся митинг солидарности с заключенными, на который собралось около 300 человек. Полиция нагайками дважды пыталась разогнать собравшихся, но безуспешно. Тогда около полуночи полицейские открыли огонь вверх голов и площадь опустела. В ту же ночь полиция арестовала трех активных участников беспорядков на Тюремной площади, включая и Ф. П. Семенова, которые в дальнейшем были преданы суду Петербургской судебной палаты. 24 сентября состоялось собрание рабочих Александровского завода (около 400 участников), на котором было принято решение потребовать освобождения арестованных на Тюремной площади демонстрантов. В поддержку этого требования 25 сентября на Александровском заводе началась политическая забастовка. На митинге у губернаторского дома на Петровской площади около 300 рабочих вновь потребовали освобождения арестованных товарищей. Это требование было отклонено. Вечером 27 сентября в Петрозаводск прибыли 30 драгун из Петербурга, а в ночь с 27 на 28 сентября арестовано еще около 10 рабочих. Только после этого забастовка была прекращена и 29 сентября завод возобновил работу²⁵.

Эти факты показывают, насколько популярным революционным лидером был Ф. П. Семенов в 1906 г. Но затем он перебрался в Вытегру и к 1918 г., не прекращая торговли мясом, разбогател, занявшись лесозаготовками и перевозкой грузов по Марининской системе. Весной 1918 г. решением местного совета он был обложен единовременным налогом в 12 тысяч рублей²⁶, пытался обжаловать

²³ Выборгское воззвание — обращения «Народу от народных представителей», принятое 9 июля 1906 г. в Выборге группой депутатов I Государственной Думы через 2 дня после её роспуска указом Николая II. Воззвание призывало к пассивному сопротивлению (гражданскому неповиновению) властям (не платить налоги, не ходить на военную службу и т. д.).

²⁴ *Кораблев Н. А., Петричева И. С.* Основные события рабочего и социал-демократического движения в Олонецкой губернии и в Кемском уезде Архангельской губернии в 1895–1907 годах. Петрозаводск, 1991. С. 24–25.

²⁵ *Там же.* С. 29–31.

²⁶ Вниманию Вытегорского совдепа // Известия Олонецкого губернского исполнительного комитета крестьянских, рабочих и красноармейских депутатов. 1918. № 83 (142) (от 17/4 мая).

это решение в Петрозаводске, но не нашел там поддержки²⁷. Возможно, это и заставило его встать на путь активной борьбы с советской властью.

Его активная революционная деятельность вероятно была вызвана не социальными причинами, а его психологическими особенностями. Его попытка возглавить народный протест в 1918 г. носила уже и социальный, и психологические причины. Но новая власть, в отличии от свергнутого царизма, расправлялась со своими политическими противниками более беспощадно.

По делу о вытегорских беспорядках были арестованы и отданы под суд Федор Петрович Рулев, Василий Владимирович Евсеев, Иван Степанович Чесноков, Виктор Федорович Семенов, Александр Иванович Смешнов, Николай Ильич Ермолин и Павел Алексеевич Степанов.

Олонецкий губернский революционный трибунал, заседавший в Петрозаводске 13 сентября 1918 г., признал, что «настоящее дело недостаточно полно освещено, а именно, не все участники настоящего выступления привлечены к ответственности, а также не ясна постановка дела в смысле привлечения некоторых лиц в качестве свидетелей» и принял решение: «Дело для вторичного расследования передать в Следственную комиссию при Олонецком губернском революционном трибунале».

Большую роль в расправе с вытегорскими демонстрантами сыграла заметка в газете «Известия Олонецкого губернского исполнительного комитета» от 14 сентября под названием «Час расплаты», подписанная псевдонимом «Красный». В ней говорилось:

«Контрреволюционное восстание в г. Вытегре 4 июня, руководимое попами и кулаками, совершенно бесследно прошло для вытегорских контрреволюционеров. Руководители мятежа находятся сейчас на свободе, ухмыляются “в бороду”. Все знаменитые В. Крашке, Л. Крашке, И. Чудов, Семеновы, П. Степановы, Н. Ермонен, священник С. Марков, Арбитман, Михалицын, Евсеев, Чесноков, Рулев, — все кандидаты на виселицу — все сейчас на свободе. Пора и к вытегорским контрреволюционерам применить красный террор. Довольно слов, пора к делу»²⁸.

Вероятно, эта заметка сыграла роль детонатора. Вскоре были арестованы и 25 сентября по постановлению губернской Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией «расстреляны следующие лица, участники Вытегорского

²⁷ Богданов В. «Плачущий» буржуа Известия Олонецкого губернского исполнительного комитета крестьянских, рабочих и красноармейских депутатов. 1918. № 85 (144) (от 16/9 мая).

²⁸ Час расплаты // Известия Олонецкого губернского исполнительного комитета крестьянских, рабочих и красноармейских депутатов. 1918. № 179 (от 14.09 /1.09) (подпись: Красный).

контрреволюционного восстания 4-го июня: гр. Рулев, Евсеев, Чесноков, Виктор Семенов, а также жандармский полковник фон Оглио и начальник царского сысского отделения Петров»²⁹.

Студенту В. Ф. Семенову Олонецкий губернский революционный трибунал инкриминировал «активную агитацию против Советской власти», выразившуюся в том, что 4-го июня на собрании в городе Вытегре он «возбуждал толпу против членов Вытегорского исполкома и, в частности, против председателя товарища Мехнецова, грозя кулаками и называя их “палачами”, “агитировал в толпе и, возбудив ее, прервал речь гр. Аристархова, после чего спокойный характер собрания резко изменился в худшую сторону”, “натравливал толпу на красногвардейцев и агитировал за их разоружение”, “агитировал за арест и разоружение членов Исполкома” и “был главным участником при организации нового совета и сформирования милиции взамен Красной гвардии”»³⁰.

Ф. П. Рулев обвинялся в «агитации против Советской власти, выразившейся в том, что еще на собрании в селе Девятинах он способствовал возбуждению недоверия и опасения к Советской власти, предложил собранию просить Вытегорский совет выдать замки от пулеметов», «поддерживал на собрании в Девятинах 4-го июня постановление о свободной торговле, предлагал общему собранию 4-го июня в Вытегре отобрать оружие у Красной гвардии и охватить членов Вытегорского исполкома тесным кольцом»³¹.

Против В. В. Евсеева было вынесено обвинение только в «отобрании револьверов от членов Вытегорского Исполкома Аганичина и Пахомова».

И. С. Чеснокову было предъявлено обвинение «в агитации против постановлений Советской власти, выразившейся в том, что на собрании в Девятинах, воспользовавшись продовольственными затруднениями, склонял толпу вынести желательное для него решение передать всю торговлю в частные руки, чего и достиг»³².

Присоединение В. М. фон Оглио и Н. М. Петрова к делу о «вытегорском восстании» выглядит нелогичным, оба полицейских чина навряд ли были к нему причастны, но их расстрел вполне укладывается в логику директивных документов по проведению красного террора.

По другим данным, были расстреляны Ф. Рулев, представитель совдепа Девятинской волости Евсеев, священник Рубежского прихода Н. Чесноков и Анкудинова.

Интересна реакция на события 4 июня известного поэта Николая Клюева, проживавшего в Вытегре примерно с февраля по начало августа 1918 г. Он всту-

²⁹ Известия Олонецкого губернского исполнительного комитета крестьянских, рабочих и красноармейских депутатов. 1918. № 189 (от 27.09/14.09).

³⁰ НАРК. Ф. Р-28. Оп. 1. Д. 9/49. Л. 231.

³¹ Поэт Клюев — большевик // Известия Олонецкого губернского исполнительного комитета крестьянских, рабочих и красноармейских депутатов. 1918. № 77 (136) (от 10 мая / 27 апреля).

³² НАРК. Ф. Р-28. Оп. 1. Д. 9/49. Л. 231.

пил в местную большевистскую ячейку³³ и принимал активное участие в ее деятельности, а также в культурно-массовых мероприятиях, проходивших в Вытегре в то время. В конце июля Н. А. Клюев был избран почетным председателем Вытегорской организации РКП(б)³⁴. В 1918 г. его стихи постоянно появлялись как в местной газете «Известия Вытегорского уездного совета», так и в издававшихся в Петрозаводске «Известиях Олонецкого губернского совета». Вскоре после событий 4 июня в одном из номеров «Известий Вытегорского уездного исполнительного комитета крестьянских, рабочих и красноармейских депутатов» было напечатано его стихотворение «Пусть черен дым кровавых мятежей...», посвященное председателю исполкома Вытегорского уездного Совета М. Н. Мехнецову. Оно было перепечатано 9 августа в «Известия Олонецкого губернского исполнительного комитета крестьянских, рабочих и красноармейских депутатов»³⁵. Затем это стихотворение в переработанном виде было напечатано в петроградской «Красной газете»³⁶. В конце 1918 г. в Петрограде большим тиражом вышел сборник стихов Н. А. Клюева «Медный кит», в который автор включил и стихотворение «Пусть черен дым кровавых мятежей...»³⁷. Позднее оно включалось во многие собрания стихотворений Н. А. Клюева под названием «Из “Красной газеты”»³⁸.

Мы не знаем реакции поэта Н. А. Клюева на крестьянское выступление 4 июня, но, учитывая его политическую позицию весной и летом 1918 г. и его стихи, написанные в тот период, можно считать, что все его симпатии были на стороне Советской власти. Деятельность Н. В. Клюева и его стихи, написанные в этот период отражали глубокий раскол и остроту противоречий в Вытегорском уезде на фоне глубокого продовольственного кризиса весны и лета 1918 г.

Итак, выступление крестьян в Вытегре 4 июня 1918 г., вызванное катастрофическим продовольственным положением, первоначально носило характер мирного протеста. Крестьяне пришли в Вытегру, чтобы заявить о своем положении. Показательно, что у них заранее были заготовлены плакаты с лозунгами. Это была демократическая форма выражения протеста. Показательно,

³³ Поэт Клюев — большевик // Известия Олонецкого губернского исполнительного комитета крестьянских, рабочих и красноармейских депутатов. 1918. № 77 (136) (от 10 мая / 27 апреля).

³⁴ Азадовский К. М. Жизнь Николая Клюева. Документальное повествование. СПб., 2002. С. 158–159.

³⁵ *Клюев Н. А.* Посвящается товарищу М. Мехнецову // Известия Олонецкого губернского исполнительного комитета крестьянских, рабочих и красноармейских депутатов. 1918. № 151 (210) (от 9 августа / 26 июля).

³⁶ Красная газета. 1918. № 258.

³⁷ *Клюев Н. А.* Медный кит. М., 1990 [репринт издания: Птг., 1919]. С. 45.

³⁸ Например: *Клюев Н. А.* Из «Красной газеты» // Клюев Н. А. Стихотворения и поэмы. Л., 1977. С. 364.

что и уездное большевистское руководство тоже было настроено на мирную дискуссию. Но оказавшись лицом к лицу с представителями власти, крестьяне поддались агитации экстремистов («профессиональных революционеров» вроде Ф. П. Семенова) и перешли к насильственным действиям, чем спровоцировали насилие и в отношении себя. Показательно, что к крестьянскому выступлению готовы были примкнуть представители свергнутых правящих классов (купцы, чиновники), которые хотели внести в крестьянский протест политические требования (восстановление власти городской думы и создание отряда милиции), что фактически означало свержение в Вытегре советской власти. Возможно, именно эти лица и спровоцировали крестьян на выступление, чтобы использовать его для восстановления своей власти (хотя это только гипотеза).

Если применение силы при разгоне крестьянского выступления не кажется чрезмерным, то расстрел четыре активных участников и двух непричастных к нему лиц нельзя оправдать, хотя мотивы этой жестокости вполне понятны — запугать крестьян и лишить их вожаков.

Этот расчет вполне оправдался. 5 сентября председатель Олонецкого губернского ревисполкома П. Ф. Анохин в докладе о политическом положении в Олонецкой губернии, направленном в Народный комиссариат внутренних дел дал такую оценку вытегорским событиям: «...было за все время два выступления против советской власти в городах Вытегре и Олонце, где различного рода кулаки, контрреволюционеры и темные личности, спекулируя на голоде, спровоцировали выступление части малосознательных крестьян, но эти попытки с незначительной поддержкой губернского исполкома были легко ликвидированы и больше не повторялись»³⁹.

Однако большевистское руководство и Вытегорского уезда, и Олонецкой губернии сделало выводы из происшедших в Вытегре событий. Для решения продовольственного вопроса было решено создать из вытегорских крестьян продовольственный отряд. В августе 1918 г. в Вытегорском уезде был сформирован продотряд численностью в 71 человек во главе с А. В. Звоновым⁴⁰. 24 августа отряд отбыл в Курскую губернию, где начал изымать хлеб для Вытегорского уезда. О деятельности этого отряда дает представление телеграмма: «Совдеп, Мехнецову. 5 октября. На днях отправляем 8 вагонов хлеба. А. Звонов»⁴¹.

³⁹ Борьба за установление и упрочение Советской власти в Карелии. Сборник документов и материалов. Петрозаводск, 1957. С. 299.

⁴⁰ Отношение Олонецкого губернского комиссариата продовольствия в Комиссариат продовольствия Союза коммун Северной области со сведениями о продотрядах, сформированных в губернии // Борьба за установление и упрочение Советской власти в Карелии. С. 399–400.

⁴¹ Известия Вытегорского Совета крестьянских и рабочих депутатов. 1918. № 52 (от 15 октября).

Таким образом, созданием продотряда большевистское руководство сняло недовольство крестьян Вытегорского уезда тяжелым продовольственным положением. Им дали в руки винтовки и предложили забирать хлеб у таких же крестьян Курской губернии. Эти меры успокоили Вытегорский уезд, и в годы гражданской войны его население относилось к советской власти вполне лояльно.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Клюев Николай. Посвящается товарищу М. Мехнецову // Известия Олонецкого губернского исполнительного комитета крестьянских, рабочих и красноармейских депутатов. 1918. № 151 (210) (от 9 августа / 26 июля).

Пусть черен дым кровавых мятежей
И пляшут на распятии Чехо-Словаки
Уж отточены миллионы ножей
На вас, буржуазные собаки.
Вы изгрызли душу народа,
Загадили светлый Божий сад.
Не будет ни ладьи, ни парохода
Для отплытья вашего в гнойный ад.
Керенками вымощенный проселок
Ваш лукавый, Искаротский путь
Христос отдохнет от терновых иголок,
И легко вздохнет народная грудь.
Сгинут кинематографы, проститутки,
Церковные кружки и барский шик
Будут ангелы срывать незабудки
С луговин, где был лагерь пик.
Англичанам и желтым Корейцам
Не будет запретным наш храм.
Слава мученикам и красноармейцам
И сермяжным советским властям!
Слава солнценосцам-революционерам,
Огненным большевикам и анархистам!
Братья, мы не укроемся от врагов по пещерам,
А пойдем к бессмертью по дорогам лучистым.
Русские юноши, девушки, отзовитесь!
Вспомните Разина и Перовскую Софию!
В львиную красную веру креститесь,
В гибели славьте невесту — Россию.

(Николай Клюев)

РЕЗЮМЕ

Статья посвящена одному из ранних антибольшевистских выступлений крестьян Олонецкой губернии: беспорядкам, происходившим в Вытегре 4 июня 1918 г. Они были вызваны катастрофическим положением со снабжением хлебом, сложившемся в Вытегорском уезде. Около 150 невооруженных крестьян пришли требовать хлеб у местных властей в Вытегре, но были разогнаны отрядом Красной гвардии. Один крестьянин был убит. Разгон выступления приветствовал известный поэт Н. А. Клюев, живший тогда в Вытегре. После суда было расстреляно еще четыре активных участника выступления и двое непричастных к нему офицеров полиции. Для удовлетворения требований крестьян в августе 1918 г. в Вытегорском уезде был создан продовольственный отряд (71 человек), который отправился добывать хлеб в Курскую губернию. Сочетание расстрелов крестьянских вожakov и отправки продовольственного отряда на юг успокоили Вытегорский уезд, и в годы гражданской войны местные крестьяне относились к советской власти вполне лояльно.

Ключевые слова: антибольшевистское выступление, Вытегра, Вытегорский уезд, крестьянство, красный террор, Н. А. Клюев.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Азадовский К. М.* Жизнь Николая Клюева: документальное повествование. СПб.: Изд-во журн. «Звезда», 2002. — 368 с.
2. *Буховец О. Г.* Социальные конфликты и крестьянская ментальность в Российской империи начала XX века: новые материалы, методы, результаты. М.: Мосгосархив, 1996. — 399 с.
3. *Кабанов В. В.* Крестьянское хозяйство в условиях военного коммунизма. М.: Наука, 1989. — 302 с.
4. *Казаринова Л. К.* Установление Советской власти в Вытегорском уезде (1917–1918 гг.) // Вытегра. Краеведческий альманах. Вып. 3. Вологда: Изд-во «Русь», 2005. С. 24–38.
5. *Кондрашин В. В.* Крестьянство России в гражданской войне. М.: РОССПЭН, 2009. — 575 с.
6. *Кораблев Н. А., Петричева И. С.* Основные события рабочего и социал-демократического движения в Олонецкой губернии и в Кемском уезде Архангельской губернии в 1895–1907 годах. Петрозаводск: Центральный государственный архив Карельской АССР, 1991. — 38 с.
7. *Осинова Т. В.* Российское крестьянство в революции и гражданской войне. М.: Изд-во «Стрелец», 2001. — 400 с.
8. *Павлюченков С. А.* Военный коммунизм в России: власть и массы. М.: Изд-во РКТ — История, 1997. — 270 с.
9. *Ратьковский И. С.* Красный террор и деятельность ВЧК в 1918 году. Изд. 1-е. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. — 286 с.

SUMMARY

A. M. Pashkov

Peasant Anti-Bolshevik Uprising in the Town of Vytegra on June 4, 1918

The article is devoted to one of the early anti-Bolshevik peasant revolts in Olonets province, the disorders that took place in Vytegra on June 4, 1918. These events were provoked by the disastrous situation with bread supplies, which arose in Vytegra district. Approximately 150 unarmed peasants in Vytegra gathered to demand bread from local authorities, but were dispersed by a Red Guards detachment. One peasant was killed. N.A. Klujev, a famous poet who lived in Vytegra at that time, greeted this dispersal. Four more active participants of the uprising, as well as two police officers who had not actually been involved, were put on trial and executed by shooting. To satisfy the peasant demands, a 71-strong food detachment was formed in Vytegra district and sent to procure bread in Kursk province. The combination of peasant leaders' executions and the sending of the food detachment to the Southern region appeased Vytegra district; during the Civil War, local peasants were quite favourable toward the Soviet rule.

Keywords: anti-Bolshevik uprising, Vytegra, Vytegra district, peasantry, Red Terror, N.A. Klujev.

REFERENCES

1. Azadovskii K.M. *Zhizn' Nikolaya Klyueva: dokumental'noe povestvovanie*. St. Petersburg, Izd-vo zhurn. Zvezda, 2002, 68 p.
2. Bukhovets O.G. *Sotsial'nye konflikty i krest'yanskaya mental'nost' v Rossiiskoi imperii nachala KhKh veka: novye materialy, metody, rezul'taty*. Moscow, Mosgosarkhiv, 1996, 399 p.
3. Kabanov V.V. *Krest'yanskoe khozyaistvo v usloviyakh voennogo kommunizma*. Moscow, Nauka, 1989, 302 p.
4. Kazarinova L.K. Ustanovlenie Sovetskoï vlasti v Vytegor'skom uezde (1917–1918 gg.). *Vytegra. Kraevedcheskii al'manakh*. Issue 3. Vologda, izd-vo Rus', 2005, pp. 24–38.
5. Kondrashin V.V. *Krest'yanstvo Rossii v grazhdanskoï voine*. Moscow, ROSSPEN, 2009, 575 p.
6. Korablev N.A., Petricheva I. S. *Osnovnye sobytiya rabochego i sotsial-demokraticeskogo dvizheniya v Olonetskoï gubernii i v Kemskom uezde Arkhangel'skoï gubernii v 1895–1907 godakh*. Petrozavodsk, Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Karel'skoï ASSR, 1991, 38 p.
7. Osipova T.V. *Rossiiskoe krest'yanstvo v revolyutsii i grazhdanskoï voine*. Moscow, izd-vo Strelets, 2001, 400 p.
8. Pavlyuchenkov S.A. *Voennyi kommunizm v Rossii: vlast' i massy*. Moscow, izd-vo RKT — Istoriya, 1997, 270 p.
9. Rat'kovskii I. S. *Krasnyi terror i deyatel'nost' VChK v 1918 godu*. Ed. 1. St. Peterburg, izd-vo SPbGU, 2006, 286 p.

П. В. Петров

Репрессии среди музейных работников Петергофа и музейное дело 1937 г.

Тема, о которой сейчас пойдет речь, ранее почти не освещалась в отечественной историографии, и лишь в последние годы стали всё чаще появляться публикации о музейных деятелях Петергофа, пострадавших в годы политических репрессий 1937–1938 гг.¹ Однако даже в рамках данных исследований оказалось невозможным рассказать обо всех известных музейных работниках Петергофских дворцов и парков, арестованных в период проведения в стране «большого террора». Что же касается истории так называемого «музейного дела» 1937 г., то о нем долгое время практически ничего не было известно, и лишь в 2008 г. была опубликована статья по данной теме².

Следует заметить, что первым среди сотрудников Петергофских дворцов-музеев и парков в 1937 г. был арестован заместитель директора по научной работе **Анатолий Владимирович Шеманский** — один из известнейших музейных работников того времени. К сожалению, об этой незаурядной лично-

---

¹ *Белов А. А.* Н. И. Архипов и послевоенное восстановление Петергофа // Послевоенная реставрация: век нынешний и век минувший: Сборник статей по материалам научно-практической конференции ГМЗ «Петергоф» / Проблемы сохранения культурного наследия. XXI век. I. СПб., 2010. С. 165–177. *Гейченко Т. С.* Памяти хранителя. Письма Николая Ильича Архипова Семёну Степановичу Гейченко // Михайловская Пушкиниана. Вып. 51. Материалы XIII Февральских научно-музейных чтений памяти С. С. Гейченко «Вещи имеют свою судьбу. Музейная коллекция: изучение, экспозиция, публикация» (12–14 февраля 2010). Сельцо Михайловское, 2010. С. 124–195. *Раскин А. Г., Уварова Т. В.* Возвращение имени: Николай Ильич Архипов // «Псков». 2010. № 33. С. 129–141. *Раскин А. Г., Уварова Т. В.* Услышать зов истории. Николай Ильич Архипов — историк, реставратор, музейный деятель // Россия — Франция. Взаимодействие культур. XVIII–XXI вв. Сборник материалов научной конференции. 2010 год. М., 2012. С. 277–295. *Кальницкая Е. Я.* «Музею я оставлю по себе хорошую память...». Николай Ильич Архипов: человек и директор // Дворцы и война. К 100-летию начала Первой мировой войны. Сборник статей по материалам научно-практической конференции ГМЗ «Петергоф» / Проблемы сохранения культурного наследия. XXI век. V. СПб., 2015. С. 147–161.

² *Кострова А., Бернев С.* Украденные дворцы // Невское время. 2008. 14 июля.

сти почти нет публикаций в отечественной историографии³. Он был принят на работу в Управление Петергофских дворцов-музеев 1 июня 1925 г. в качестве сотрудника-практиканта. С декабря 1925 г. он работал научным сотрудником в Ораниенбаумских дворцах-музеях, но ввиду больших способностей в музейной работе, уже в апреле 1926 г. был переведен в Управление Петергофских дворцов-музеев и парков в качестве научного сотрудника и помощника хранителя⁴.

Именно здесь, в Петергофских дворцах-музеях и парках, в полной мере раскрылся талант А. В. Шеманского как выдающегося экспозиционера и научного работника. Очень важным оказался опыт работы по разработке принципиально новой экспозиции в Нижнем дворце императора Николая II в парке Александрия. Основой для разработки новой экспозиции стала докладная записка под названием «Петергофские дворцы-музеи», составленная молодыми научными сотрудниками А. В. Шеманским и С. С. Гейченко в июле 1925 г.⁵ Результатом их совместной работы стал проект дополнительной (или тематической) экспозиции под названием «Крах самодержавия» в Нижнем дворце императора Николая II. Данный метод подачи исторического материала неоднократно обсуждался на совещаниях музейных деятелей и получил полное одобрение с их стороны.

За время своей работы в Петергофских дворцах-музеях и парках Шеманский принял непосредственное участие в создании целого ряда музейных экспозиций и подготовке выставок во дворцах-музеях. В частности, в 1927 г. была открыта экспозиция Нижнего дворца Николая II, в 1929 г. подготовлены выставки «Переворот 1762 года» и «История царских займов», в 1930 г. создан музей «Царские вагоны» в парке Александрия и подготовлена выставка «Последний рейс Николая II», в 1932 г. — выставка «Самодержавие и церковь», в 1934 г. — выставки «Война и техника» и «Бюджет царского двора», в 1935 г. — выставка «Иностранные художники в России в XVII веке», в 1936 г. — выставки «Рабочие-художники» и «Царизм и 1905 год», в 1937 г. — выставки «Садово-парковое искусство XVII–XVIII веков» и «Фонтанное искусство XVII–XVIII веков»⁶.

Значительный вклад внес Анатолий Владимирович Шеманский и в научно-публикаторскую деятельность Петергофских музеев. В период с середины 1920-х по середину 1930-х гг. он подготовил как лично, так и совместно с С. С. Гейченко, целую серию небольших путеводителей по дворцам и паркам Петергофа⁷.

³ В сентябре 2014 г. в историко-культурном музейном комплексе «Усадьба Асеевых», в Тамбове, была открыта выставка, посвященная жизни и деятельности А. В. Шеманского.

⁴ Архив ГМЗ «Петергоф». Д. 100а. Л. 205. Д. 104а. Л. 338, 372. Объединенный межведомственный архив культуры (далее — ОМАК). Ф. 34. Оп. 1. Д. 331. Л. 3.

⁵ Архив ГМЗ «Петергоф». Д. 277а. Л. 67–70.

⁶ Агеева Л., Лавров В. Хранитель: Документальное повествование. Л., 1990. С. 93–94.

⁷ Шеманский А., Гейченко С. Историко-бытовой музей XVIII века в Петергофе.

Данные издания носили научно-популярный характер и были призваны ознакомить широкие массы населения с историей императорских резиденций, а также вкратце с историей царской России XVIII–начала XX вв.

Успешная работа в Петергофе привела к быстрому продвижению Анатолия Владимировича Шеманского по служебной лестнице. В мае 1926 г. он был назначен помощником хранителя, 1 октября 1928 г. — заместителем заведующего Управлением Петергофских дворцов-музеев и парков, а с 1 января 1932 г. являлся заместителем директора по научно-методической и массовой работе⁸. Шеманский являлся бессменным помощником директора Петергофских музеев и парков по научной работе вплоть до своего ареста в июне 1937 г., и, по словам музейных сотрудников, именно он осуществлял «основное руководство научной и музейно-экскурсионной работой»⁹.

За успехи в работе Анатолий Владимирович неоднократно получал благодарности и премии от Управления дворцами и парками Ленсовета (УДПЛ). В частности, в октябре 1932 г. он был премирован «за ударную работу по организации Петергофского парка культуры и отдыха», в 1934 г. получил благодарность «за умелое и энергичное руководство организацией общегородского массового гуляния в День Конституции» и премию за образцовую подготовку к летнему сезону, а в июне и декабре 1935 г. был премирован «за лучшую подготовку летнего сезона 1935 г.» и в честь 10-летней непрерывной и творческой работы в музее. Наконец, в декабре 1935 г. Музейный отдел Наркомата просвещения РСФСР премировал А. В. Шеманского, как получившего отличную оценку по конкурсу музеев РСФСР «за лучшую работу со школой»¹⁰.

Однако в 1937 г. наступил трагический период в жизни А. В. Шеманского. Начавшийся в стране «большой террор» не обошел стороной и Петергоф. И здесь Анатолию Владимировичу выпала печальная участь стать первым из арестованных сотрудников Петергофских дворцов-музеев и парков. Немаловажную роль в его судьбе сыграли его дворянское происхождение и тесные служебные отношения с арестованным к тому времени руководством Управления дворцами и парками Ленсовета (УДПЛ)¹¹ — И. А. Бальцукевичем,

---

Большой дворец. Петергоф, 1930. *Шеманский А., Гейченко С.* Последние Романовы в Петергофе. Нижняя дача. М.-Л., 1931. *Шеманский А., Гейченко С.* Кризис самодержавия. Петергофский Коттедж Николая I. М.-Л., 1932. *Шеманский А.* Петергоф и Ораниенбаум. Л., 1933. *Шеманский А. В.* Парк Александрия и Готическая капелла. Л., 1935. *Шеманский А. В.* Александрия. Петергоф. Л., 1936.

⁸ ОМАК. Ф. 34. Оп. 1. Д. 331. Л. 3–4. Д. 319. Л. 7а, 11.

⁹ Архив Управления Федеральной службы безопасности по Санкт-Петербургу и Ленинградской области (далее — АУФСБ СПб и ЛО). Ф. арх.-след. дел. Д. П-17803. Л. 37.

¹⁰ ОМАК. Ф. 34. Оп. 1. Д. 331. Л. 4–5.

¹¹ Управление дворцами и парками Ленсовета (УДПЛ) было образовано в 1932 г. Его функциями были: организация культурного отдыха трудящихся в центральном и

Я. И. Винцем, Г. Г. Лембергом, Н. А. Гарниц¹². Уголовное дело в отношении вышеуказанных руководителей УДПЛ, а также руководителей музеев Пушкина и Павловска было возбуждено весной 1937 г. по обвинению в крупных хищениях музейных ценностей во дворцах Павловска и Детского Села (Пушкина).

В материалах 7-го уголовного дела № 21129, заведенного Управлением НКВД по Ленинградской области весной 1937 г., было указано, что «при УДПЛ существовала контрреволюционная-вредительская группа, которая ставила своей целью извращение политики ВКП(б) и Советского Правительства на культурно-идеологическом фронте перед трудящимися массами, путем протаскивания контрреволюционных троцкистских взглядов среди работников дворцов и музеев и экскурсантов по ряду исторических вопросов во всех музеях, и путем хищения государственных ценностей в Павловском дворце — Сидоровым и в Пушкинских дворцах — Беляевой и Филипповым»¹³. В состав этой «контрреволюционной вредительской группы» следствием были назначены И. А. Бальцукевич, Я. И. Винц, Г. Г. Лемберг, А. В. Сидоров, И. Р. Филиппов, Н. А. Беляева и А. В. Шеманский. Причем идейными вдохновителями этой группы, по мнению следователей УНКВД ЛО, были Н. А. Гарниц и И. М. Троцкий, которые «прививали троцкистские взгляды». Начальники УДПЛ Бальцукевич и Лемберг, пользуясь своим служебным положением, «создали обстановку, способствовавшую организации и действию контрреволюционной группы»¹⁴.

Главной составляющей данного дела стало обвинение музейных работников Пушкина (бывшего Детского Села) и Павловска в пропаже значительного числа музейных предметов из бывших императорских дворцов. В частности, серьезные нарушения в деле хранения и учета музейных ценностей, прежде всего, инкриминировались руководству Пушкинских дворцов-музеев и парков. В материалах следствия, собранных органами НКВД Ленобласти, было указано, что «в течение 1933—1936 годов по дворцам-музеям имела место недостача музейного имущества в следующем количестве предметов: а) по Пушкинским дворцам — 1 431 предмет; б) по Павловскому дворцу — 241 предмет; в) по Пе-

---

районных парках культуры и отдыха, организация экскурсионной работы в пригородных дворцах-музеях, восстановление пригородных дворцов-музеев и их эксплуатация. Было ликвидировано на основании постановления Ленсовета от 21 февраля 1938 г. Функции УДПЛ были переданы вновь образованному Управлению культурно-просветительными предприятиями Ленсовета (УКППЛ).

¹² Заведующая организационно-методическим отделом УДПЛ Гарниц была арестована в июле 1936 г., в связи с делом «Антисоветского объединенного троцкистско-зиновьевского центра».

¹³ АУФСБ СПб и ЛО. Ф. арх.-след. дел. Д. 21129. Т. 1. Л. 235.

¹⁴ Там же.

тергофским дворцам — 7 предметов»¹⁵. (В мае 1938 г. на заседании Президиума Ленсовета заведующий музейным отделом Управления культурно-просветительными предприятиями Ленсовета (УКППЛ) М. А. Легздайн указал бóльшие цифры: «...Деятельность врагов народа свелась к тому, чтобы не обращать внимание на сохранность дворцов и парков, на расхищение имущества. Нам известно, что в Екатерининском дворце расхищено 1 500 предметов, в Павловском дворце — около 500 предметов. Наша задача заключается в выявлении предметов у частных лиц и различных организаций...»¹⁶).

Однако подлинные причины подобных недостатков заключались в отсутствии четкого разграничения имущества музейного и бытового значения, отсутствии четкой системы инвентаризации и учета музейных ценностей, бесконтрольной передаче музейных предметов разным организациям и, в целом, потребительском отношении к музейному имуществу со стороны партийных и советских органов на протяжении 1920-х — 1930-х гг. Негативным образом здесь также сказалась распродажа музейного имущества за рубеж для выручки валютных средств. Однако органы следствия НКВД не стали разбираться в столь сложных причинах создавшегося положения и свели дело к банальному воровству, что, конечно, не было полной правдой. Еще одним серьезным обвинением против музейного руководства стали факты нецелевого расходования финансовых средств, когда значительные суммы тратились на увеселительные мероприятия и банкеты.

Вероятно, будучи в курсе предъявленных обвинений фигурантам «музейного дела», 1 июня 1937 г. А. В. Шеманский представил следствию подробную докладную записку о музейной работе в Петергофских дворцах-музеях и парках за период с 1925 по 1937 гг.¹⁷ В самом начале своей записки он сразу указал на полную неразбериху в системе музейного учета и хранения в 1920-х — 1930-х гг.: «Основным недостатком этого дела во всех музеях было отсутствие каких бы то ни было общих указаний и инструкций по музейной инвентаризации и ведению музейного хозяйства. Каждый отдельный музей занимался этим делом самостоятельно...»¹⁸. Далее Шеманский отметил, что в Петергофских дворцах-музеях в 1925–1926 гг. была выработана своя собственная система хранения и учета музейного имущества и инструкция по этому вопросу, главным достоинством которой была «полная инвентаризация всего имущества с достаточно подробным описанием вещей, что давало гарантии от подмены и от хищений»¹⁹. Что же касается Управления дворцов и парков Ленсовета, то для

¹⁵ АУФСБ СПб и ЛО. Ф. арх.-след. дел. Д. 21129. Т. 2. Л. 303–317. Кострова А., Бернев С. Украденные дворцы // Невское время. 2008. 14 июля.

¹⁶ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (далее — ЦГА СПб). Ф. Р–7384. Оп. 18. Д. 684. Л. 35.

¹⁷ АУФСБ СПб и ЛО. Ф. арх.-след. дел. Д. 21129. Т. 6. Л. 51–55.

¹⁸ Там же. Л. 51.

¹⁹ Там же. Л. 51.

него, по словам Шеманского, «было характерно совершенно безразличное отношение к музейному хозяйству»²⁰.

Также А. В. Шеманский дал развернутые пояснения по поводу организации научной и культурно-массовой работы в музеях Петергофа. В частности, он подчеркивал, что «Управление дворцов и парков целевыми установками музейной работы не интересовалось, не принимало их и не отменяло»²¹. Относительно «протаскивания» троцкистских установок УДПЛ при оформлении музейных экспозиций, здесь Шеманский наоборот указал, что «враждебных (троцкистских) установок в замечаниях Гарниц и Троцкого по Петергофу мы не наблюдали; наблюдали лишь многочисленные мелкие придирки принизить Петергоф (рекомендация учиться у Детского Села и Гатчины)»²². Однако подробные и объективные показания Анатолия Владимировича уже не могли повлиять в положительном смысле на его судьбу.

2 июня 1937 г. Шеманский был арестован сотрудниками отдела уголовного розыска Управления рабоче-крестьянской милиции (УРКМ) УНКВД по Ленинградской области по обвинению в совершении преступлений, предусмотренных статьями 58–7, 58–10 ч. 1 и 58–11 УК РСФСР. При аресте были конфискованы рукописи его научных трудов и написанные им книги²³. В постановлении о предъявлении обвинения от 16 июня 1937 г. говорилось: «[А. В. Шеманский] проводил в своей практической деятельности подрывную контрреволюционную вредительскую работу. На важнейшем участке массовой политической работы в экскурсиях по дворцам и издаваемых путеводителях проводил контрреволюционные троцкистские установки, извращая политическую работу в музеях в буржуазно-эстетическом направлении, и сами музеи»²⁴.

Приказом № 118 по дирекции Петергофских музеев и парков Анатолий Владимирович Шеманский с 1 августа был исключен из списка сотрудников, как арестованный органами НКВД якобы «за вредительскую работу на музейном фронте»²⁵. В ходе допросов он неоднократно заявлял, что участником контрреволюционной вредительской организации он никогда не являлся, и, более того, за всё время своей работы в системе УДПЛ он не замечал, «чтобы такая организация вообще существовала»²⁶.

Одним из поводов для обвинения А. В. Шеманского следствие избрало метод подачи исторического материала при подготовке выставок и проведении экскур-

²⁰ АУФСБ СПб и ЛО. Ф. арх.-след. дел. Д. 21129. Т. 6. Л. 52 об.

²¹ Там же. Л. 53.

²² Там же. Л. 53 об.

²³ Там же. Т. 1. Л. 220, 223–223 об. Т. 2. Л. 243–249.

²⁴ Там же. Т. 1. Л. 222–222 об.

²⁵ Там же. Д. П–17803. Л. 7 об., 19, 113. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (далее — ЦГАИПД СПб). Ф. 1728. Оп. 1. Д. 195397/7. Л. 17.

²⁶ АУФСБ СПб и ЛО. Ф. арх.-след. дел. Д. 21129. Т. 1. Л. 232–233 об.

сий в Петергофских музеях, который не устраивал партийные и советские органы власти ввиду «недостатка партийности». В частности, еще на заседании бюро Петергофского районного комитета ВКП(б) 8 сентября 1937 г. отмечалось, что музейно-массовая и экскурсионная работа в Петергофских музеях и парках были сосредоточены «на моментах эстетического порядка за счет сокращения правильных в свете марксистско-ленинских установок исторических характеристик дворянско-крепостнической эпохи»²⁷. Это обвинение было в полной мере использовано в ходе следствия для доказательства «контрреволюционной» деятельности Шеманского.

Находясь под сильнейшим давлением следствия, в ходе допроса 22 декабря 1937 г. Анатолий Владимирович был вынужден сказать, что «в своих практических и теоретических работах протаскивал взгляды врагов народа Троцкого Л. и Покровского, выразившиеся в следующем: а) пропагандируя в дополнительных экспозициях Большого Петергофского дворца взгляды Покровского на роль торгового капитала в истории России при Петре I; б) в своей печатной работе, выпущенной в 1936 г. “Петергофский парк Александрия” я дал троцкистскую оценку крестьянству в революции 1905 г., выразившуюся в следующем: “Крестьянство оказалось недостаточно революционизированным”; в) я не уделял достаточного внимания содержанию музейно-массовой работе, что приводило к ослаблению политического внимания посетителей»²⁸. Однако в период нахождения в тюрьме Шеманский имел мужество от этих показаний отказаться и заявил о том, что его признание о пребывании в контрреволюционной организации не соответствует действительности²⁹.

29 декабря 1937 г. следствие по делу Шеманского было завершено, и он был препровожден в тюрьму № 1 г. Ленинграда. Приговор Специальной коллегии Ленинградского областного суда, заседавшей 31 марта — 4 апреля 1938 г., определил наказание для всех подсудимых, которым были предъявлены следующие тяжелые обвинения: «1) уничтожение исторического материала в дворцах-музеях, создание запустения дворцов и их разрушение; 2) насаждение в дворцах-музеях контрреволюционных троцкистских кадров, выхолащивание политического содержания в экскурсионно-массовой работе и под прикрытием аполитичности пропаганда к.р. троцкистских установок; 3) дискредитация политики ВКП(б) и Советской власти на культурном фронте; 4) моральное разложение аппарата дворцов-музеев путем втягивания его в пьянки и бытовую распущенность и 5) расхищение социалистической собственности».

²⁷ ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 195397/7. Л. 1 об.

²⁸ АУФСБ СПб и ЛО. Ф. арх.-след. дел. Д. 21129. Т. 1. Л. 235–235 об.

²⁹ Там же. Т. 2. Л. 302.

Я. И. Винц получил 5 лет по ст. 109 УК РСФСР (злоупотребление властью) — так суд наказал чиновника за беспорядки, которые творились в его ведомстве. Остальным шестерым фигурантам уголовного дела: И. А. Бальцукевичу, Г. Г. Лембергу, И. Р. Филиппову, А. В. Шеманскому, Н. А. Беляевой и А. В. Сидорову — были предъявлены политические обвинения по статьям 58–7, 58–10 ч. 1 и 58–11 УК РСФСР. На суде Беляева, Сидоров и Шеманский отказались от своего признания в участии в контрреволюционной группировке. Они не побоялись заявить, что в ходе следствия на них оказывалось давление, однако суд не принял эти слова в расчет. Бальцукевич и Лемберг получили по 10 лет, Филиппову дали 12, Шеманскому — 15 лет. К самому большому сроку, 20 годам, приговорили Н. А. Беляеву и А. В. Сидорова. Все шестеро также были приговорены к конфискации имущества³⁰.

Шеманский был также приговорен к последующему поражению в правах на 5 лет, с конфискацией лично ему принадлежавшего имущества. Наказание Анатолий Владимирович должен был отбывать в Северо-восточном исправительно-трудовом лагере (СЕВВОСТЛАГ) НКВД в г. Владивостоке, куда был отправлен 8 сентября 1938 г.³¹ Однако спустя некоторое время Председатель Верховного суда СССР направил протест на приговор спецколлегии Леноблсуда. Статью 58 порекомендовали снять, а судить музейных работников лишь по статье 109 УК РСФСР, поскольку контрреволюционный заговор выглядел слишком нелепо. В итоге Сидорову и Филиппову сократили срок заключения до 10 лет, Беляевой — до 8 лет. А Шеманского, отправившего на имя председателя Верховного суда СССР И. Т. Голякова откровенное письмо, в котором он по пунктам доказал свою непричастность к контрреволюционной группировке (а ему, по сути дела, вменялось в вину лишь это), впоследствии и вовсе освободили из-под стражи³².

Арест Шеманского сыграл роковую роль в судьбе директора Петергофских дворцов-музеев и парков Н. И. Архипова. Последнему вменялись в вину тесные взаимоотношения с последним, рекомендация для вступления в ряды сочувствующих ВКП(б), а также то, что он «оказался в плену у врага народа Шеманского» и «не принял мер к его разоблачению, самоустранился от руководства научной экскурсионной работой, занимаясь главным образом хозяйственными и др. второстепенными вопросами»³³. Следует сказать, что директор Петергофских музеев и парков Н. И. Архипов старался помочь своему заместителю,

³⁰ АУФСБ СПб и ЛО. Ф. арх.-след. дел. Д. 21129. Т. 2. Л. 303–317. Кострова А., Бернев С. Украденные дворцы // Невское время. 2008. 14 июля.

³¹ АУФСБ СПб и ЛО. Ф. арх.-след. дел. Д. 21129. Т. 2. Л. 294, 303–317, 547–547 об. ОМАК. Ф. 34. Оп. 1. Д. 319. Л. 25.

³² Кострова А., Бернев С. Украденные дворцы // Невское время. 2008. 14 июля.

³³ АУФСБ СПб и ЛО. Ф. арх.-след. дел. Д. П–17803. Л. 8. ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 195397/7. Л. 1 об., 2.

передавая в течение двух месяцев (июнь–июль 1937 г.) по доверенности зарплату его жене³⁴.

Как говорилось выше, во время своего заключения Анатолий Владимирович не терял надежды на освобождение и неоднократно направлял заявления о пересмотре его дела. В результате, определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР от 9 ноября 1939 г. приговор Леноблсуда в отношении А. В. Шеманского был отменен, и дело о нем прекращено производством³⁵. В конце декабря 1939 г. он был извещен о прекращении его дела и 24 января 1940 г. выпущен на свободу из СЕВВОСТЛАГа³⁶. В июле 1940 г. Анатолий Владимирович получил новый гражданский паспорт (старый был изъят при аресте) и убыл в Ленинград³⁷.

С 16 сентября 1940 г. Анатолий Владимирович Шеманский продолжил работу в Петергофе на должности помощника директора по научно-музейной работе³⁸. Он активно занимался научной работой, составил паспорта по паркам Александрия, Собственной дачи и Пролетарскому. В 1941 г. был выпущен последний написанный им путеводитель, посвященный парку Александрия³⁹.

С началом Великой Отечественной войны, в июне 1941 г., А. В. Шеманский отправился добровольцем в действующую армию и воевал на Ленинградском фронте. 15 января 1942 г. младший лейтенант Шеманский, будучи командиром роты 320-го стрелкового полка 11-й стрелковой дивизии Ленинградского фронта, участвовал в Любанской наступательной операции и погиб в районе железнодорожной станции Погостье. Был захоронен на воинском кладбище юго-восточнее станции Погостье, в Мгинском районе Ленинградской области⁴⁰.

Еще более крупной фигурой среди музейных работников Петергофа, который пострадал от массовых политических репрессий, был директор **Николай Ильич Архипов**, возглавлявший Петергофские дворцы-музеи и парки в течение 13 лет: с 1924 по 1937 гг. Заняв вначале должность хранителя, а затем — заведующего Управлением Петергофскими дворцами-музеями и парками, Николай Ильич развернул в Петергофе комплексные ремонтно-реставрационные работы, благодаря которым удалось восстановить многие объекты. Были введены в строй фонтаны Нижнего парка, которые до этого бездействовали многие годы.

³⁴ ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 195397/7. Л. 1 об., 2, 5.

³⁵ ОМАК. Ф. 34. Оп. 1. Д. 319. Л. 25.

³⁶ АУФСБ СПб и ЛО. Ф. арх.-след. дел. Д. 21129. Т. 2. Л. 571, 621.

³⁷ ОМАК. Ф. 34. Оп. 1. Д. 319. Л. 25, 26 об.

³⁸ Там же. Л. 21.

³⁹ Александрия в Петергофе. Путеводитель. / Сост. А. Шеманский. Л., 1941.

⁴⁰ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.obd-memorial.ru/html/info.htm?id=1343606> (ЦАМО РФ. Ф. 58. Оп. 818883. Д. 150. Л. 57., Ф. 56. Оп. 12220. Д. 3. Л. 238). Российская Федерация. Книга памяти. Ленинград. 1941–1945. Т. 3. Павловск (Слуцк), Петродворец (Петергоф), Пушкин. А-Я. СПб., 1995. С. 297.

Были капитально отремонтированы Большой Петергофский дворец, Большой каскад и Морской канал. Прошли капитальный ремонт и реконструкцию Марлинский участок Нижнего парка и Верхний сад. Можно сказать, что в таком объеме и столь комплексно реставрационная деятельность в Петергофе проводилась впервые. Вторым важным направлением в деятельности Н. И. Архипова на посту директора была научно-музейная деятельность. И здесь следует отметить его стремление к серьезной научной проработке тем, связанных с созданием новых музейных экспозиций.

За время своей непрерывной 13-летней работы на посту директора Петергофских дворцов-музеев и парков Николай Ильич Архипов неоднократно поощрялся руководством за достижения в деле развития дворцово-паркового комплекса. В честь 10-летия руководства Петергофскими дворцами-музеями и парками, в 1934 г., он был награжден почетной грамотой и именными часами от Президиума Ленсовета⁴¹. Во время посещения Петергофа в июле 1933 г. генеральным секретарем ЦК ВКП(б) И. В. Сталиным, последним было высказано одобрение деятельностью Н. И. Архипова. Также свои положительные отзывы о работе Петергофских музеев оставили секретари ЦК ВКП(б) А. А. Жданов и Л. М. Каганович⁴².

Впрочем, деятельность Н. И. Архипова на посту директора Петергофских дворцов-музеев и парков протекала не столь безоблачно, как это может показаться на первый взгляд. В своей работе ему пришлось столкнуться с откровенным непониманием городскими властями Ленинграда проблем сохранения исторических памятников в их первоизданном виде. С начала 1930-х гг. Петергоф из дворцово-паркового ансамбля стал постепенно превращаться в парк культуры и отдыха. Причиной тому стало постановление Центрального Комитета ВКП(б) и Совета народных комиссаров СССР от 3 декабря 1931 г. «О жилищно-коммунальном хозяйстве Ленинграда», в котором было предписано создать в Петергофском и других пригородных дворцовых парках «*новые очаги культурного отдыха и развлечения рабочих*» и вообще стремиться к «*более рациональному использованию имеющихся крупных пригородных дворцов, парков*»⁴³. Действуя в интересах сохранения объектов Петергофа, Н. И. Архипов неоднократно вступал в конфликты с местными партийными и советскими органами власти. Это имело роковые последствия для него в дальнейшем.

В 1937 г. начинается драматический период в жизни Николая Ильича. Политические репрессии конца 1930-х гг. не обошли стороной Петергофские му-

⁴¹ ОМАК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 121. Л. 5 об.

⁴² АУФСБ СПб и ЛО. Ф. арх.-след. дел. Д. П-17803. Т. 1. Л. 122, 133. ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 195397/7. Л. 29–42. Кальницкая Е. Я. «Музею я оставлю по себе хорошую память...». Николай Ильич Архипов: человек и директор. С. 153–154.

⁴³ Интернет-ресурс: <http://www.alppp.ru/law/zakonodatelstvo-o-zhilische/zhilischnyj-fond/28/obraschenie-ck-vkpb-snk-sssr-ot-03-12-1931.html>.

зеи и парки. Первый тревожный сигнал прозвучал 17 мая 1937 г., когда на заседании бюро Петергофского райкома ВКП(б) по итогам рассмотрения вопроса о партийной работе в музее было принято решение о необходимости срочного «окоммунизирования аппарата» Управления Петергофских дворцов и парков. Более серьезные и опасные оргвыводы прозвучали 8–9 июля на очередном заседании бюро Петергофского райкома партии, когда директор Н. И. Архипов подвергся резкой критике за «совершенно неудовлетворительное состояние экскурсионной и научно-исследовательской работы в Петергофских дворцах-музеях»⁴⁴.

На заседании Бюро Петергофского райкома партии руководство Петергофских дворцов-музеев и парков было подвергнуто резкой критике за то, что «в практике проведения музейно-экскурсионной работы отсутствует политическая заостренность, четкие марксистско-ленинские установки, не уделялось почти никакого внимания к разработкам музейно-исторических тем в свете установок партии по идейно-политическому воспитанию масс», а «экскурсоводы дают большей частью описательные объяснения без исторического и социального освещения и некоторые факты освещают политически и исторически неверно»⁴⁵. Однако далее последовало еще более опасное обвинение в адрес Н. И. Архипова: «Политическая беспечность и близорукость директора Дворцов-музеев т. Архипова и руководителей партийной и профсоюзной организаций создали благоприятную обстановку для враждебной деятельности контрреволюционной вредительской группы во главе с троцкисткой Гарниц (УДПЛ), державшей ставку на ослабление научно-музейной работы»⁴⁶.

Петергофский райком ВКП(б) потребовал от директора Петергофских дворцов и парков Архипова срочно «пересмотреть содержание музейно-экскурсионной работы и обеспечить глубокое содержание и идейно-большевистскую направленность в работе», а также просмотреть все кадры дворцов-музеев и освободиться от всех, «кто не заслуживает доверия в политическом и деловом отношении». Партийная организация дворцов-музеев должна была систематически обсуждать на партсобраниях вопросы научно-исследовательской и производственной работы, развивая критику работы всех отделов дворцов-музеев и парков, а также обсуждать отдельные экспозиции и выставки⁴⁷.

Параллельно с этими тревожными событиями в июне 1937 г. органы НКВД продолжали следствие по «музейному» делу с участием руководства Управления дворцов и парков Ленсовета (УДПЛ): его начальников И. А. Бальцукевича и

⁴⁴ ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 195397/7. Л. 17–17 об, 18. АУФСБ СПб и ЛО. Ф. арх.-след. дел. Д. П–17803. Т. 1. Л. 8–8 об.

⁴⁵ АУФСБ СПб и ЛО. Ф. арх.-след. дел. Д. П–17803. Т. 1. Л. 8.

⁴⁶ Там же. Л. 8.

⁴⁷ Там же. Л. 8–8 об.

Г. Г. Лемберга, заместителя Я. И. Винца, а также бывшей заведующей научно-методическим отделом Н. А. Гарниц, арестованной еще в 1936 г.⁴⁸ Все они являлись непосредственными начальниками Николая Ильича, и это могло означать только то, что события принимают наихудший для него оборот.

Ситуация в Управлении Петергофских дворцов и парков тем временем стала крайне напряженной, поскольку в начале июня был арестован ближайший сподвижник Николая Ильича, его помощник по научной части А. В. Шеманский, а затем были произведены аресты заведующего садово-парковым отделом В. Л. Попова, дренажника того же отдела А. Н. Николаева, рабочего Мартинена⁴⁹ и других сотрудников дворцов и парков.

Развязка наступила 8 сентября 1937 г., когда на заседании бюро Петергофского райкома партии Н. И. Архипов был исключен из членов ВКП(б) с формулировкой «за связь с врагами народа — вредителями и шпионами и пособничество им» и был также поставлен вопрос о его снятии с работы. В качестве одного из важнейших, прозвучало обвинение Архипова в том, что он, работая долгое время директором Петергофских дворцов-музеев и парков, «допустил вопиющую засоренность их штата работников, окружил себя явно антисоветскими, контрреволюционными вредительскими элементами (Николаев, Попов, Шеманский арестован, Мартинен арестован, Семенов — белогвардейский офицер, Жидков — представитель церковной двадцатки, Филиппова — раскулаченная, Корешников — бывший городской, Итин — бывший заводовладелец, Муссури, Шмитц, Нейдеман, Меленчук) и пользуясь гнилой антипартийной “теорией” о якобы неспособности коммунистов работать на данном участке, не только избегал окоммунизирования аппарата, но создавал условия по вытеснению коммунистов с работы во дворцах-парках (Гаген, Куколев, Полосухина, Журавлева, Олейников), принимая меры ухищренного зажима самокритики»⁵⁰. Это было очень опасное политическое обвинение, имевшее своей целью доказать «контрреволюционность» деятельности директора Петергофских музеев и парков. Реакция Управления дворцами и парками Ленсовета была незамедлительной, и уже 10 сентября 1937 г. приказом № 118 Архипов был освобожден от занимаемой должности⁵¹.

1 октября 1937 г. Н. И. Архипов был арестован сотрудниками Петергофского районного отделения Управления госбезопасности НКВД и помещен под стражу. На его квартире был произведен обыск. Основанием для ареста являлось ложное обвинение в том, что он «использовал свое положение члена ВКП(б) и

⁴⁸ АУФСБ СПб и ЛО. Ф. арх.-след. дел. Д. П-17803. Т. 1. Л. 7, 8, 94 об-95.

⁴⁹ Там же. Л. 7, 20.

⁵⁰ Там же. Л. 7.

⁵¹ ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 195397/7. Л. 1-1 об. АУФСБ по СПб и ЛО. Ф. арх.-след. дел. Д. П-17803. Т. 1. Л. 6, 7-7 об.

директора Управления музеев и дворцов в контрреволюционных целях, окружив себя целым рядом контрреволюционных фашистско-шпионских элементов, оказывал таковым поддержку и на практике своей работы способствовал им творить контрреволюционные дела»⁵². Свою роковую роль в этом деле сыграли и ложные обвинения некоторых сотрудников музея в допущенной им недооценке роли партии в культурном строительстве⁵³.

В ходе допроса Николай Ильич отвечал, что в своей практической деятельности, как директор управления Петергофских дворцов-музеев и парков, он «не преследовал цели, направленной к срыву мероприятий партии и правительства на идеологическом фронте»⁵⁴. Под нажимом следователя он вынужден был сказать, что «контрреволюционные» установки в музейной работе в Петергофе нашли свое отражение в основном в двух моментах: «1) в вопросе экспозиций и 2) в области экскурсионной работы, что в обоих случаях строилось с показом и выпячиванием материалов эстетического плана в ущерб историческому плану». В частности, выставка по истории Александрии, организованная в Готической капелле в 1935–1936 гг., «по характеру экспозиций по существу являлась контрреволюционной. Выставка в Ольгинской половине Большого дворца организованная в 1936 г. и действующая до 1937 г. не отображала Россию, как империалистическую державу»⁵⁵.

По окончании следствия, которое проходило в Петергофском районном отделении УГБ НКВД, 18 ноября 1937 г. Николаю Ильичу было предъявлено обвинение по статьям 58–10 ч. 1 и 58–11 ч. 1 УК РСФСР⁵⁶. Поскольку Архипов не согласился с предъявленным ему обвинением, в начале 1938 г. следственное дело № 33770–37 г. было отправлено на рассмотрение прокурору Ленинградской области по специальным делам. Изучив материалы дела, прокурор пришел к выводу, что Николай Ильич Архипов является «социально-опасным лицом», а потому его дело было направлено в Особое Совещание при НКВД СССР. 13 марта следствие по делу было завершено и 8 октября 1938 г. Н. И. Архипову было предъявлено обвинительное заключение, по которому он был приговорен к 5-ти годам исправительно-трудовых лагерей по статьям 58–10 ч. 1 и 58–11 ч. 1 УК РСФСР «за контрреволюционную деятельность»⁵⁷.

Находясь в местах заключения, в 1940 г. Николай Ильич направил письма председателю Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) А. А. Андрееву, первому секретарю Ленинградского обкома и горкома ВКП(б) А. А. Жданову и

⁵² АУФСБ СПб и ЛО. Ф. арх.-след. дел. Д. П–17803. Т. 1. Л. 1, 2–2 об, 4, 5 об., 256.

⁵³ ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 195397/7. Л. 8–11. АУФСБ по СПб и ЛО. Ф. арх.-след. дел. Д. П–17803. Т. 1. Л. 7.

⁵⁴ АУФСБ СПб и ЛО. Ф. арх.-след. дел. Д. П–17803. Т. 1. Л. 94.

⁵⁵ Там же. Л. 94 об.

⁵⁶ Там же. Л. 105–106.

⁵⁷ Там же. Т. 1. Л. 109–110, 112, 113–115.

наркому внутренних дел СССР Л. П. Берия, в которых доказывал свою невиновность и просил пересмотреть дело⁵⁸. Все члены семьи Н. И. Архипова: сын Илья, сестры Зинаида, Валентина, София и Людмила — также обращались к наркому внутренних дел Л. П. Берия с ходатайствами о пересмотре его дела. Непосредственным результатом этих обращений было то, что следственное дело Архипова было направлено на доследование и в декабре 1940 — апреле 1941 гг. органы НКВД вновь произвели в Петергофе допросы свидетелей по его делу. Материалы дела были направлены в Москву для повторного рассмотрения дела⁵⁹. Однако начавшаяся вскоре Великая Отечественная война отодвинула вопрос о пересмотре судебного решения.

Во время своего заключения Николай Ильич работал на лесозаготовках, земляных и строительных работах в исправительно-трудовом лагере Соликамстроя в Молотовской области. Из-за тяжелых условий труда у Архипова случился инсульт, повлекший за собой правосторонний паралич, и лишь благодаря стараниям лагерных врачей ему удалось восстановить работоспособность. Он был освобожден из лагеря 5 октября 1942 г., проведя в местах заключения в общей сложности 5 лет⁶⁰.

После освобождения Архипову было разрешено переехать на временное жительство в селение Верхние Муллы Молотовской области, где он 16 октября устроился на работу делопроизводителем в районный промышленный комбинат. Кроме того, он выполнял обязанности секретаря заведующего личным столом и кассира. На Верхне-Муллинском райпромкомбинате Архипов проработал три года, неоднократно поощрялся за свою отличную работу. 28 октября он уволился с работы в связи с разрешением исполкома Ленгорсовета на проживание в Ленинградской области⁶¹.

Следует отметить, что сразу после своего освобождения, в декабре 1943 — октябре 1944 гг. Николай Ильич направил ряд писем в Партийную коллегию при Ленинградском областном и городском комитете ВКП(б) и в Контрольную комиссию при ЦК ВКП(б), в которых ходатайствовал о своей реабилитации и полном снятии с него ложных обвинений. Дело Архипова было рассмотрено на партийной коллегии, но в положительном решении данного вопроса ему было отказано⁶². В период с декабря 1945 по июль 1953 гг. Н. И. Архипов работал научным сотрудником в Гатчинском и Новгородском музеях, а также выполнял различные задания Государственной инспекции по охране памятников (ГИОП) Ленинграда.

⁵⁸ ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 195397/7. Л. 29–42. АУФСБ СПб и ЛО. Ф. арх.-след. дел. Д. П-17803. Т. 1. Л. 121–123, 126–126 об., 128–128 об.

⁵⁹ АУФСБ СПб и ЛО. Ф. арх.-след. дел. Д. П-17803. Т. 1. Л. 125, 145, 156–157, 189–226. ОМАК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 121. Л. 5 об.

⁶⁰ Там же. Л. 153, 256, 258.

⁶¹ Там же. Л. 259, 278.

⁶² ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 195397/7. Л. 43–58.

В июле 1953 г. Николай Ильич переехал в Ленинград и был зачислен научным сотрудником в штат ГИОП Ленинграда, где и проработал до выхода на пенсию. В это время Николай Ильич создал целую серию подробных исторических справок по архитектурным объектам Петергофа (Большой Петергофский дворец, дворец Монплеизир, Большой каскад, павильоны и фонтаны Нижнего парка)⁶³. Основой для них послужили обширные документальные материалы из фондов Центрального государственного исторического архива в Ленинграде (ЦГИАЛ)⁶⁴. За свою успешную деятельность, приказом по ГИОП от 29 апреля 1955 г. Николаю Ильичу была объявлена благодарность⁶⁵.

Совместно с научным сотрудником дворцов-музеев и парков Петродворца А. Г. Раскиным Николай Ильич подготовил к изданию несколько альбомов и книг научного и научно-популярного характера, посвященных Петродворцу⁶⁶. Но наиболее выдающимся их совместным трудом стала капитальная монография «Петродворец», изданная в 1961 г. и не потерявшая своей научной значимости до настоящего времени⁶⁷.

В соответствии с постановлением Президиума Ленинградского городского суда от 24 августа 1956 г., Архипов был полностью реабилитирован и восстановлен в партии⁶⁸. Все обвинения, выдвинутые против него в 1937 г., были признаны необоснованными. С восстановлением гражданских прав и своего доброго имени, Н. И. Архипов мог спокойно жить и трудиться, посвятив себя исключительно любимой работе. В ноябре 1957 г. он выходит на пенсию⁶⁹. Вплоть до последних дней своей жизни Архипов активно вел научно-исследовательскую работу. 6 февраля 1967 г. Николай Ильич скончался на 80-м году жизни. В газете «Вечерний Ленинград» от 8 февраля был опубликован некролог от имени Управления культуры Ленгорисполкома, Государственной инспекции по охране памятников г. Ленинграда и Дирекции дворцов-музеев и парков Петродворца. Захоронен Н. И. Архипов был на Серафимовском кладбище Ленинграда⁷⁰.

Вклад Николая Ильича Архипова и Анатолия Владимировича Шеманского в историю отечественной культуры представляется очень значительным. Вместе со своими коллегами им удалось сохранить уникальный Петергофский двор-

⁶³ Белов А. А. Н. И. Архипов и послевоенное восстановление Петергофа. С. 166, 174–175.

⁶⁴ С 1961 г. назывался ЦГИА СССР, с 1992 г. — Российский государственный исторический архив (РГИА).

⁶⁵ АУФСБ СПб и ЛО. Фонд архивно-следственных дел. Д. П–17803. Т. 1. Л. 281.

⁶⁶ Петродворец. М.–Л., 1958. Петродворец. Альбом. М.–Л., 1959. Бартоломео Карло Растрелли. 1675–1744. М.–Л., 1964. Прогулка по Петродворцу. М.–Л., 1966.

⁶⁷ Архипов Н. И., Раскин А. Г. Петродворец. М.–Л., 1961.

⁶⁸ АУФСБ СПб и ЛО. Ф. арх.-след. дел. Д. П–17803. Т. 1. Л. 296–298.

⁶⁹ Гейченко Т. С. Памяти хранителя. Письма Николая Ильича Архипова Семёну Степановичу Гейченко. С. 188.

⁷⁰ ЦГАЛИ СПб. Ф. 118. Оп. 1. Д. 209. Л. 52. Архив ГМЗ «Петергоф». Л. ф. 1. Д. 19. Л. 1.

цово-парковый ансамбль в наиболее трудный период отечественной истории: в 1920–1930 гг. Своими научными работами они внесли огромный вклад в дело сохранения, реставрации и изучения истории дворцов и парков Петергофа.

Несмотря на столь общий печальный фон рассмотренных событий и трагическую судьбу музейных деятелей Петергофа, последствия музейного дела 1937 г. имели и свою положительную сторону для музейной работы. В ходе следствия были сделаны полезные выводы относительно улучшения работы пригородных дворцов-музеев в плане организации учета и хранения музейных ценностей. 29 августа 1937 г. врио начальника Управления дворцов и парков Ленсовета Л. Б. Желдин в письме, адресованном в Президиум Ленсовета, ссылаясь на уголовное дело о хищениях в пригородных музеях, отмечал: *«После революции вовсе не производилось генеральной инвентаризации находящихся в пригородных дворцах-музеях музейных ценностей. Учет и хранение, сосредоточенные сейчас в научных частях дворцов-музеев, организованы крайне неудовлетворительно»*⁷¹. Далее делался вывод, что без организации должного учета ценностей невозможна борьба с возможными хищениями в музеях. В связи с этим, Желдин настаивал на необходимости *«провести генеральную инвентаризацию, а также заново организовать всю систему учета и хранения»*⁷².

На заседании Президиума Ленсовета 21 сентября 1937 г. было принято решение «О проведении полной инвентаризации музейных ценностей по Управлению дворцами и парками Ленсовета» (протокол № 74, п. 44). В соответствии с этим, Управлению дворцами и парками Ленсовета следовало провести все подготовительные работы по инвентаризации музейных ценностей в 1937 г., утя опыт государственных музеев (Эрмитажа, Музея Революции и других). Городскому инвентаризационному бюро необходимо было рассмотреть и проверить объем, содержание и порядок проведения работ по инвентаризации музейных ценностей по Управлению дворцами и парками Ленсовета⁷³. Вышеуказанные подготовительные работы по инвентаризации были проведены в ряде музеев (в Александровском дворце в Пушкине и во Дворце Петра I в Летнем саду) в конце 1937 — начале 1938 гг., а также разработаны инструкции и формы учетных документов⁷⁴.

22 марта 1938 г. начальник вновь созданного Управления Культурно-просветительных предприятий Ленсовета (УКППЛ) Ф. А. Лосев направил письмо руководству Ленсовета, где поставил вопрос о необходимости *«в текущем 38 году провести генеральную инвентаризацию и организовать наравне с учетом в научных частях дворцов — параллельно бухгалтерский учет музейных*

⁷¹ ЦГА СПб. Ф. Р–7384. Оп. 18. Д. 478. Л. 138.

⁷² Там же.

⁷³ Там же. Л. 132.

⁷⁴ Там же. Д. 932. Л. 73.

*ценностей»*⁷⁵. Это должно было обеспечить точный учет и контроль за сохранностью музейных ценностей и давало возможность производить ежегодную проверку наличия предметов. При этом Лосев отмечал, что Управление уже приступило к инвентаризации, но хочет получить официальное разрешение на проведение генеральной инвентаризации музейных ценностей, и просил выделить для этой цели 265 тысяч рублей⁷⁶.

Наконец, на заседании Президиума Ленсовета 14 мая 1938 г. было принято важнейшее для музеев решение «Об инвентаризации имущества и музейных ценностей дворцов Управления культурно-просветительных предприятий Ленинградского совета» (протокол № 117, п. 12). В соответствии с ним, перед УКППЛ была поставлена задача провести в 1938 г. инвентаризацию всего имущества и музейных ценностей дворцов, состоящих в ведении Управления. Плановой комиссии Ленсовета было предписано предусмотреть в эксплуатационном плане 1938 г. по дворцам и паркам дотацию в сумме 250 тысяч рублей на расходы по инвентаризации имущества дворцов⁷⁷.

В результате, в течение 1938—1939 гг. была проведена колоссальная работа по генеральной инвентаризации музейных ценностей во всех пригородных дворцах-музеях (Пушкин, Павловск, Петергоф, Гатчина), во Дворце Петра I, в Государственном музее истории (Исаакиевский собор) и Музее городского хозяйства, которая охватила 400 тысяч музейных предметов, на которые были составлены все необходимые учетные (инвентарные описи и карточки) и бухгалтерские документы⁷⁸. Таким образом, была налажена система строгого учета в государственных музеях, которая во многом сохранилась до нашего времени.

РЕЗЮМЕ

История «музейного дела» 1937 г. является малоизученной страницей отечественной историографии. Долгие годы полная информация об этих событиях была скрыта от общественности ввиду секретности документов. На основе многочисленных архивных документов автор рассмотрел драматическую историю событий, развернувшихся в связи с арестами музейных работников Петергофа, Пушкина и Павловска в 1937 г. Уголовное дело, сфабрикованное против директора Петергофских музеев и парков Николая Архипова и его заместителя Анатолия Шеманского, носило откровенно сфальсифицированный характер. В ходе следствия на арестованных музейных работников оказывалось сильное

⁷⁵ ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 18. Д. 686. Л. 188–188 об.

⁷⁶ Там же. Л. 188 об.

⁷⁷ Там же. Д. 683. Л. 21.

⁷⁸ Там же. Д. 932. Л. 71, 81–81 об.

давление и их заставляли иногда давать ложные показания. Несмотря на суровые обвинения, впоследствии многим осужденным были смягчены приговоры. Однако Николай Архипов был вынужден провести в исправительно-трудовом лагере весь свой срок и смог добиться реабилитации лишь в 1956 г. Важным следствием «музейного дела» 1937 г. стало серьезное улучшение системы музейного учета и хранения.

Ключевые слова: репрессии, 1937 г., Петергоф, «музейное дело».

ЛИТЕРАТУРА

1. Агеева Л., Лавров В. Хранитель: Документальное повествование. Л.: Советский писатель, 1990. — 336 с.
2. Архипов Н. И., Раскин А. Г. Бартоломео Карло Растрелли. 1675–1744. М.–Л.: Искусство, 1964. — 109 с.
3. Архипов Н. И., Раскин А. Г. Петродворец. М.–Л.: Искусство, 1958. — 78 с.
4. Архипов Н. И., Раскин А. Г. Петродворец. Альбом. М.–Л.: Искусство, 1959. — 40 с.
5. Архипов Н. И., Раскин А. Г. Петродворец. М.–Л.: Искусство, 1961. — 331 с.
6. Архипов Н. И., Раскин А. Г. Прогулка по Петродворцу. М.–Л.: Искусство, 1966. — 150 с.
7. Белов А. А. Н. И. Архипов и послевоенное восстановление Петергофа // Послевоенная реставрация: век нынешний и век минувший: Сборник статей по материалам научно-практической конференции ГМЗ «Петергоф» / Проблемы сохранения культурного наследия. XXI век. I. СПб.: Европейский Дом, 2010. С. 165–177.
8. Гейченко Т. С. Памяти хранителя. Письма Николая Ильича Архипова Семёну Степановичу Гейченко // Михайловская Пушкиниана. Вып. 51. Материалы XIII Февральских научно-музейных чтений памяти С. С. Гейченко «Вещи имеют свою судьбу. Музейная коллекция: изучение, экспозиция, публикация» (12–14 февраля 2010). Сельцо Михайловское: Пушкинский Заповедник, 2010. С. 124–195.
9. Кальницкая Е. Я. «Музею я оставлю по себе хорошую память...». Николай Ильич Архипов: человек и директор // Дворцы и война. К 100-летию начала Первой мировой войны. Сборник статей по материалам научно-практической конференции ГМЗ «Петергоф» / Проблемы сохранения культурного наследия. XXI век. V. СПб.: Европейский Дом, 2015. С. 147–161.
10. Кострова Анна, Бернев Станислав. Украденные дворцы // Невское время. 2008. 14 июля.
11. Раскин А. Г., Уварова Т. В. Возвращение имени: Николай Ильич Архипов // Псков. 2010. № 33. С. 129–141.
12. Раскин А. Г., Уварова Т. В. Услышать зов истории. Николай Ильич Архипов — историк, реставратор, музейный деятель // Россия — Франция. Взаимодействие культур. XVIII–XXI вв. Сборник материалов научной конференции. 2010 год. М.: б/и, 2012. С. 277–295.
13. Российская Федерация. Книга памяти. Ленинград. 1941–1945. Том 3. Павловск (Слуцк), Петродворец (Петергоф), Пушкин. А-Я. СПб.: Нотабене, 1995. — 384 с.
14. Шеманский А., Гейченко С. Историко-бытовой музей XVIII века в Петергофе. Большой дворец. Петергоф: Упр. Гос. Петергоф. муз., 1930. — 56 с.

15. Шеманский А., Гейченко С. Последние Романовы в Петергофе. Нижняя дача. М.–Л.: ОГИЗ, 1931. — 89 с.
16. Шеманский А., Гейченко С. Кризис самодержавия. Петергофский Коттедж Николая I. М.–Л.: ИЗОГИЗ, 1932. — 63 с.
17. Шеманский А. Петергоф и Ораниенбаум. Л.: Изд-во Леноблисполкома и Ленсовета, 1933. — 69 с.
18. Шеманский А. В. Парк Александрия и Готическая капелла. Л.: Упр. дворцами и парками Ленсовета, 1935. — 8 с.
19. Шеманский А. В. Александрия. Петергоф. Л.: Изд-во Леноблисполкома и Ленсовета, 1936. — 195 с.

SUMMARY

P. V. Petrov

Repression among the Museum Workers of Peterhof and the Museum Case of 1937

The history of the “museum case” of 1937 is a little-known page of the national historiography. For years, exact information on these events was concealed from the public as the documents remained classified. Based on numerous archive documents, the author presents the dramatic string of events that unfolded in the context of the arrests of staff members of Peterhof, Pushkin, and Pavlovsk museums in 1937. The criminal case fabricated against Nikolai Arkhipov, director of the Peterhof museums and parks, and his deputy Anatoly Shemansky, was blatantly framed up. During the judicial inquiry, the arrested museum workers were put under extreme pressure and occasionally forced to give false statements. Despite the severe accusations, many of the convicted were later given commuted sentences. However, Nikolai Arkhipov was forced to serve his full sentence in a labour camp and only succeeded in getting rehabilitated in the year 1956. As an important consequence of the “museum case” of 1937, the museum registration and storage system was significantly upgraded.

Keywords: repression, 1937, Peterhof, “museum case”.

REFERENCES

1. Ageeva L., Lavrov V. *Khranitel': Dokumental'noe povestvovanie*. Leningrad, Sovetskii pisatel', 1990, 336 p.
2. Arkhipov N. I., Raskin A. G. *Bartolomeo Karlo Rastrelli. 1675–1744*. Moscow–Leningrad, Iskusstvo, 1964, 109 p.
3. Arkhipov N. I., Raskin A. G. *Petrodvorets. Al'bom*. Moscow–Leningrad, Iskusstvo, 1959, 40 p.
4. Arkhipov N. I., Raskin A. G. *Petrodvorets*. Moscow–Leningrad, Iskusstvo, 1958, 78 p.
5. Arkhipov N. I., Raskin A. G. *Petrodvorets*. Moscow–Leningrad, Iskusstvo, 1961, 331 p.

6. Arkhipov N.I., Raskin A.G. *Progulka po Petrodvortsu*. Moscow–Leningrad, Iskusstvo, 1966, 150 p.
7. Belov A.A. N.I. Arkhipov i poslevoennoe vosstanovlenie Petergofa. Poslevoennaya restavratsiya: vek nyneshnii i vek minuvshii: Sbornik statei po materialam nauchno-prakticheskoi konferentsii GMZ “Petergof”. *Problemy sokhraneniya kul’turnogo naslediya. XXI vek. I*. St. Peterburg, Evropeiskii Dom, 2010, pp. 165–177.
8. Geichenko T.S. Pamyati khranitel’ya. Pis’ma Nikolaya II’icha Arkhipova Semenu Stepanovichu Geichenko. Mikhailovskaya Pushkiniana. Issue 51. *Materialy XIII Fevral’skikh nauchno-muzeinykh chtenii pamyati S. S. Geichenko “Veshchi imeyut svoyu sud’bu. Muzeinaya kolleksiya: izuchenie, ekspozitsiya, publikatsii”* (12–14 fevralya 2010). Sel’tso Mikhailovskoe: Pushkinskii Zapovednik, 2010, pp. 124–195.
9. Kal’nitskaya E. Ya. “Muzeyu ya ostavlyu po sebe khoroshuyu pamyat’...”. Nikolai II’ich Arkhipov: chelovek i direktor. Dvortsy i voina. K 100-letiyu nachala Pervoi mirovoi voiny. Sbornik statei po materialam nauchno-prakticheskoi konferentsii GMZ “Petergof”. *Problemy sokhraneniya kul’turnogo naslediya. XXI vek. V*. St. Peterburg, Evropeiskii Dom, 2015, pp. 147–161.
10. Kostrova Anna, Bernev Stanislav. Ukradennye dvortsy. *Nevskoe vremya*. 2008, 14 jul.
11. Raskin A. G., Uvarova T. V. Uslyshat’ zov istorii. Nikolai II’ich Arkhipov — istorik, restavrator, muzeinyi deyatel’. *Rossiya — Frantsiya. Vzaimodeistvie kul’tur. XVIII–XXI vv.* Sbornik materialov nauchnoi konferentsii. 2010 god. Moscow, B.i, 2012, pp. 277–295.
12. Raskin A. G., Uvarova T. V. Vozvrashchenie imeni: Nikolai II’ich Arkhipo. *Pskov*. 2010, no. 33, pp. 129–141.

А. А. Плеханов

К вопросу о финских концентрационных лагерях
для советских военнопленных 1941–1944 гг.
(по материалам ГА РФ)

Вопрос о финских концентрационных лагерях для советских военнопленных на временно оккупированной территории Карело-Финской ССР и территории Финляндии напрямую связан с проблемой репрессий на Севере России, поскольку большая часть населения республики подверглась именно репрессиям (подавлению), насилию и наказаниям за то, что они были русскими, были советскими гражданами. В отношении них проводился неприкрытый геноцид.

Для установления и расследования злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников, а также причиненного ими ущерба гражданам, коллективным хозяйствам (колхозам), общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР Указом Президиума Верховного Совета СССР от 2 ноября 1942 г. была образована Чрезвычайная Государственная комиссия¹. На нее были возложены сбор документальных данных, их проверка и подготовка материалов о злодеяниях нацистских преступников, ущербе, причиненном советским гражданам, колхозам и государству в результате оккупации части советской территории армиями Германии и ее союзников.

С этой целью ЧГК проводила учет фактов убийств и насилий оккупантов над беззащитными людьми, а также учет ущерба, причиненного вторжением и действиями гитлеровских захватчиков и их союзников.

Сообщения ЧГК фигурировали на Нюрнбергском процессе в качестве документальных свидетельств обвинения.

Комиссия ликвидирована распоряжением Совета Министров СССР от 9 июня 1951 г., на основании которого документы, картотека, фотоальбомы в составе её архива были переданы в тогда еще Центральный государственный архив Октябрьской революции СССР (ныне Государственный архив Российской Федерации). Материалы этой комиссии и составляют основу данной статьи.

---

¹ ГА РФ. Р-7021. Оп. 95. Д. 271. Л. 2.

В Северную Карелию финские и немецкие войска вторглись 1 июля 1941 г. В ходе наступления им удалось с боями продвинуться на 75–150 км и в течение июля-августа оккупировать приграничные районы КФССР: Ведлозерский, Калевальский, Куркийокский, Питкяранский, Ребольский, Ругозерский, Сортавальский, Суоярвский. В августе-сентябре захватчики были остановлены на всех направлениях и дальше продвинуться не смогли. Из 26 районов (в том числе три городских) полностью подвергся оккупации 21 район, в том числе три городских. Из общей площади в 161 тысяча кв. км врагом было оккупировано 128 тысяч кв. км, или 79,3% территории республики².

Общий ущерб, причиненный гражданам, коллективным хозяйствам, общественным организациям, госпредприятиям и учреждениям КФССР оценивался в 3 998 453,7 тысяч рублей³.

«Но есть ещё на войне страшное место, — писал один русский генерал, — страшное и большое — плен»⁴. На Карельском фронте с 23 августа по 10 октября 1941 г. безвозвратные потери (убитые, пленные и пропавшие без вести) составили 29 856 человек⁵.

История советских военнопленных в годы Великой Отечественной войны долгое время оставалась вне поля зрения исследователей и широкой общественности. Эта тема была закрытой для печати. А ведь речь шла о миллионах советских солдат и офицеров, оказавшихся в руках немецких захватчиков и их союзников. И дело еще в том, что по советским законам военнопленные не рассматривались как участники войны. Немцы и финны не распространяли на них положения Женевской конвенции, поскольку СССР ее не подписал. Правовое положение военнопленных и нормы питания были определены только в конце 1943 г.

За «сдачу в плен врагу, не вызванную боевой обстановкой», полагался расстрел. Более того, в соответствии с приказом № 270, отданным 16 августа 1941 г. Ставкой Верховного Главного Командования, сдающихся в плен следовало «считать злостными дезертирами, семьи которых подлежат аресту как семьи нарушивших присягу и предавших Родину дезертиров»⁶.

Стремясь к массовому уничтожению советских военнопленных, финские власти обрекали красноармейцев на вымирание от голода, тифа и дизентерии, не оказывая им никакой медицинской помощи.

² ГА РФ. Ф. Р-7021, Оп. 95. Д. 271. Л. 1–2.

³ Там же. Д. 289. Л. 8.

⁴ Краснов П. Н. Тихие подвижники. Венок на могилу неизвестного солдата Императорской Российской армии. М., 1992. С. 30.

⁵ Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. Новейшее справочное издание / Г. Ф. Кривошеев, В. М. Андронников, П. Д. Буриков, В. В. Гуркин. М., 2014. С. 82.

⁶ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Т. 2. Кн. I. Начало. 22 июня 1941 — 31 августа 1941 года. М.: Изд-во «Русь». 2000. С. 485.

С первых дней финскими властями на временно оккупированной территории было образовано «Военное управление Восточной Карелией», которое возглавлял Командующий военными властями Карелии. С 1941 г. по 1942 г. — полковник Коотилайнен, с 1942 г. по конец 1943 г. — генерал-майор Аррауори, а в 1944 г. его сменил полковник Палохеймо.

На всей оккупированной территории была создана сеть концлагерей для советских военнопленных и гражданских лиц. Только в Петрозаводске, создано 6 лагерей, в которые было заключено без различия пола и возраста свыше 20–25 тысяч человек из 85 тысяч населения города.

Управление всеми лагерями объединялись в общий, так называемый «Главный штаб концентрационных лагерей», переименованный в начале лета 1944 г. в «Главный штаб переселенческих лагерей», располагавшийся в Петрозаводске в трехэтажном особняке на набережной р. Лососинки. С лета 1942 г. им руководил первоначально майор, а затем подполковник, швед Рольф Шильд, в ведении которого находились порядок заключения в лагерь, нормы питания, режим и прочее. Непосредственно им и назначались коменданты и начальники лагерей. Штаб состоял из русского, общего, военного отделов, отдела по обеспечению. Начальником отдела по рабочей силе являлся лейтенант Вейконен. Примерно раз в два месяца Шильд объезжал лагерь с инспекционными проверками.

Автомат, резиновая палка, дубинка и плетка являлись главными средствами насаждения порядка в финских концентрационных лагерях, руководимых подполковником Р. Шильдом и его подручными комендантами лагерей.

Начальник лагеря № 1 лейтенант Салонен говорил, обращаясь к советским военнопленным: «Вы большевистская зараза, нам приказано вас уничтожить». Или: «Стрелять вас не положено, но голодной смертью вас следует умерщвлять всех»⁷.

В лагерях унижалось человеческое достоинство. Администрации лагерей военнопленных не считали за людей, особенно военнопленных русской национальности. Офицеры и солдаты, воспитанные в духе ненависти к русским заявляли: «Когда на свете будут уничтожены крысы и русские, тогда будет хорошо жить... Одинаково бей русских, хотя он и не сделал ничего плохого, но он в будущем плохое сделает. Русские такой породы, его хоть в масле жарь, а он, русский останется русским, поэтому всех русских надо бить и уничтожать»⁸.

Вот лишь одно из многочисленных свидетельств политики, которую проводила финская администрация в отношении советских военнопленных, показания красноармейца Ш. Е. Конашевского, который прошел за 18 месяцев пребывания в плену пять финских лагерей: «После Сальмского лагеря мне пришлось

⁷ ГА РФ. Ф. Р–7021. Оп. 95. Д. 304. Л. 102.

⁸ Там же. Д. 317. Л. 23–24.

побывать: в Пяткяранском, “Картонные домики”, Лахтинском и в местечке Мустио. В Пяткяранском пленные жили в брезентовых палатках на берегу озера.

Во всех лагерях было варварское обращение с военнопленными. Их морили голодом. На сутки выдавали 150 гр. гнилого хлеба. Работали по 18 часов в сутки, на работу вгоняли босых и раненых. Пленных, которые в силу истощения не могли выходить на работу, жестоко избивали. За весь 18-ти месячный период времени ни одного раза не водили в баню. Белье никогда не сменялось, вследствие чего у военнопленных было бесчисленное количество вшей. Вместо оказания медпомощи военнопленных подвергали избиению. С ними обращались как со скотом. К примеру, в лагере “Картонные домики” для военнопленных на территории не было даже воды и их как скот выгоняли каждое утро для питья воды на озеро. Тех, которые двигались медленно, подгоняли дубинкой и кричали как на скотину»⁹.

В Олонецком лагере № 17 советских военнопленных, которые по мнению финских надзирателей, плохо работали, существовало такое наказание: их ставили на высокий пень с вытянутыми руками и заставляли стоять в таком положении от 30 минут до полутора часов. В зимнее время такие пытки приводили к обмороживанию конечностей, обмороку и простудным заболеваниям.

Финская администрация и охрана лагеря не только пытала, истязала и морила голодом советских военнопленных, но и расстреливала за малейшую провинность.

Так, бывший военнопленный того же лагеря красноармеец Белан рассказал, как в сентябре 1941 г. финский часовой, охранявший лагерь, из автомата застрелил советского военнопленного за то, что тот близко подошел к проволочным заграждениям. За это убийство бывший в то время комендантом лагеря лейтенант Алапиес присвоил палачу звание капрала¹⁰.

В результате расстрелов, плохого питания, антисанитарии, отсутствия медицинской помощи и варварского обращения 29% советских военнопленных, находившихся в финском плену, погибло¹¹.

Из показаний военнопленного солдата 3 роты, 15 отдельного пехотного батальона, приданного 23 пехотному полку, 5 пехотной дивизии финской армии Эро Пелконен, который с 4 ноября 1942 г. по 27 апреля 1944 г. служил в лагере № 17: «Смертность была очень высокой, особенно в 1942 г. я смотрел журнал учета умерших военнопленных в лазарете лагеря. В нем было более 700 фамилий раненых. Журнал велся только с 4 марта 1942 г. до этого никакого учета не было. Более 600 человек из них погибло в 1942 г. почти все от голода и истощения. Однако в журнале отмечались далеко не все погибшие пленные, их число было

---

⁹ ГА РФ. Ф. Р-7021. Оп. 95. Д. 317. Л. 23–24.

¹⁰ Там же. Д. 304. Л. 76.

¹¹ Там же. Л. 51.

значительно выше. Так, в этом журнале вовсе не отмечались военнопленные, умершие где-нибудь на работе или же вообще погибшие не в стенах лазарета, сколько было таких, не знаю. Не отмечались в журнале также расстрелянные финнами военнопленные»¹².

В таких же невыносимых условиях содержались советские военнопленные и в других лагерях, например в Семчигора, Медвежьегорске, где значительное число попавших в плен бойцов и младших командиров Красной армии умерли от истязаний и истощения¹³.

При исследовании проблемы финских концлагерей в период временной оккупации Карело-Финской ССР в 1941–1944 гг. возникает ряд вопросов.

Во-первых, общее число финских лагерей для советских военнопленных как на территории оккупированной КФСР, так и самой Финляндии. На основе анализа документов, находящихся в хранилищах ГА РФ эта цифра составила 61 лагерь на оккупированной территории КФСР и 15 на территории Финляндии. (Приложение 1). По данным национального архива Финляндии, их было 35, а московский исследователь С. Н. Ключник, не разделяя лагеря по месту расположения, приводит общую цифру — 49 концентрационных лагерей на территории Финляндии, на оккупированных территориях Карело-Финской ССР и Ленинградской области РСФСР¹⁴.

А как быть с лагерями, которые носили смешанный характер и где содержались как военнопленные, так и гражданское население? К какой категории их отнести? Таких в КФСР было, по крайней мере, два: лагерь в селе Ильинский погост¹⁵ и лагерь в деревне Видлице¹⁶.

И как быть с лагерями уничтожения, которые наверняка не значатся ни в одном из списков архивов Финляндии? Примером может служить так называемый «Лапландлагерь», обнаруженный случайно разведкой 67-й стрелковой дивизии 7 армии 27 сентября 1944 г. на западном берегу р. Нарускай-оки, севернее Куола-Ярви.

Территория лагеря занимала 3 га и была обнесена двумя рядами колючей проволоки высотой до 2 метров. Заключенные содержались в землянках, и, судя по их количеству, в лагере могло содержаться от 150 до 200 человек. Отдельно за колючей проволокой находились помещения для проживания персонала. Нигде в районе лагеря не обнаружено ни лесоразработок, ни дорожного строительства или следов каких-либо других работ, что указывало на то, что «Лапландлагерь» был специально предназначен для истребления советских военнопленных. Найдены и места истязаний: «дерево пыток» с цепями; пепелища костров с обу-

¹² ГА РФ. Ф. Р-7021. Оп. 95. Д. 304. Л. 215.

¹³ Там же. Д. 200. Л. 22.

¹⁴ Ключник С. Н. Несколько ложек несъедобной каши. Финская разведка и советские военнопленные в годы Великой Отечественной войны // Родина. 2008. № 9. С. 97–101.

¹⁵ ГА РФ. Ф. Р-7021. Оп. 95. Д. 304. Л. 101.

¹⁶ Там же. Д. 318. Л. 79.

пленными человеческими костями; на берегу реки, камни с обрывками веревок, которые немцы использовали при утоплении живых советских военнопленных; обломки стола с электропроводкой и стула, сиденье которого сплетено из колючей проволоки. В болоте, расположенном в 200 метрах севернее лагеря, обнаружены трупы 17 зверски замученных советских бойцов и офицеров¹⁷.

Во-вторых, общее количество военнопленных убитых и замученных в финских концлагерях. Проблема состоит в том, что в число 3 миллиона 400 тысяч советских военнопленных, оказавшихся в плену в первые месяцы войны, входили и гражданские лица, отступавшие вместе с частями Красной армии¹⁸. Более того, красноармейская книжка — документ, который свидетельствовал о принадлежности военнослужащего к той или иной воинской части или подразделению, была введена приказом НКО № 171 только 20 апреля 1940 г., и до начала Великой Отечественной войны этот образец не успел поступить в Красную армию. И лишь 7 октября 1941 г. приказом НКО СССР для военного времени был введен новый образец красноармейской книжки с фотографией. Т.е. в первые месяцы войны у пленных отсутствовали какие-либо документы, на основании которых можно было бы определить его отношение к воинской службе.

Затрудняет подсчет и то обстоятельство, что финские оккупанты не всегда фиксировали умерших на тяжелых физических работах, от побоев и издевательств, убитых в результате расстрелов за территориями лагерей. Количество захоронений советских военнопленных около концентрационных лагерей часто не соответствовало количеству надмогильных знаков.

Так, комиссия в составе: предателя Карахаева, зам. председателя Олонецкого райисполкома Герасимова, заслуженного врача КФССР Студитова, главного патологоанатома Карельского фронта, подполковника медслужбы, д. м. н. Ариель, главного судмедэксперта КФ майора медслужбы Павловского, помощника главного судмедэксперта КФ старшего лейтенанта Борисова и лейтенанта медслужбы Комаровой 18–19 июля 1944 г. произвела эксгумацию и исследование трупов, обнаруженных на кладбище возле лагеря № 17. Оно находилось на расстоянии 50–60 метров на юго-восток и обнесено колючей проволокой. Кресты из досок расположены правильными рядами вплотную друг к другу. На крестах указаны фамилия, инициалы и номер военнопленного. На части крестов, а также на длинных досках, заменяющих кресты, только номера¹⁹.

В ряде подписанных могил трупы отсутствовали, и наоборот комиссия установила, что трупы захоронены в ямах, как на территории так называемого клад-

¹⁷ ГА РФ. Ф. Р-7021. Оп. 95. Д. 301. Л. 1–7.

¹⁸ Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. Новейшее справочное издание / Г.Ф. Кривошеев, В.М. Андронников, П.Д. Буриков, В.В. Гуркин. М. 2014. С. 180.

¹⁹ ГА РФ. Ф. Р-7021. Оп. 95. Д. 304. Л. 78.

бища, так и вне его, причем эти места не были обозначены ни крестами, ни другими надмогильными знаками.

Судмедэкспертиза установила, что трупы захоранивались без гробов, без верхнего платья и без белья. По позам трупов видно, что захоронение производилось беспорядочно, часть в полусидящем, часть в полусогнутом положении. Глубина могил от 0,35 до 1,2 метра.

Комиссия подсчитала, что в Олонецком лагере № 17 финские захватчики истребили свыше 700 военнопленных²⁰.

По материалам Республиканской чрезвычайной государственной комиссии, выводы которой основывались на официальных документах — актах о злодеяниях, протоколах эксгумации трупов военнопленных, немецко-фашистские захватчики и их сообщники убили и замучили 8028 мирных советских граждан, 3600 военнопленных, угнали в рабство 142 человека²¹ (Приложение 2).

Между тем начальник административного отдела Союзной контрольной комиссии в Финляндии Стырнов направил докладную записку № 737/6 Сталину И. В., Молотову В. М. и Маленкову Г. М., а 22 июня 1945 г. — наркому внутренних дел Берия Л. П., в которой указывалось, что работа по контролю за выполнением условий соглашения о перемирии в основном завершена. В ней приводятся следующие данные. Общее число советских военнопленных, находившихся в финских лагерях составило 63503 человека²². В период с 15 октября по 3 ноября 1944 г. в Советский Союз направлено 41 402 человека, после этого еще 963 бежавших из лагерей после перемирия из-за боязни ответственности за преступления против Родины, совершенные ими в финском плену. Судьба остальных 21 138 человек, по предварительным данным, определилась так:

1) умерло от болезней и истощения, а также расстреляно по произволу финской администрации и по приговорам военных судов 18 422 человека;

2) бежало из лагерей, а также укрываются различными способами из-за нежелания возвращаться в СССР 1037 человек;

3) в числе пропавших без вести (судьба их не выяснена) 1 679 человек²³.

Как мы видим, число погибших в финском плену по справке Республиканской ЧГК и адмтдела Союзной контрольной комиссии в Финляндии отличается в разы! Как же нам относиться к этим цифрам? Республиканская ЧГК было напрямую заинтересована в получении объективных данных, но цифры, содержащиеся в итоговой справке, были подсчитаны лишь на основе 79 официальных актов, в которые не вошли все советские военнопленные, умершие от болезней и истощения, а также расстрелянные по произволу финской администрации и по

²⁰ ГА РФ. Ф. Р-7021. Оп. 95. Д. 304. Л. 79 об.

²¹ Там же. Д. 289. Л. 5.

²² Там же. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 97. Л. 49.

²³ Там же. Л. 50.

приговорах военных судов. Представляются более объективными данные административного отдела Союзной контрольной комиссии в Финляндии.

Подтверждением этому могут служить данные о количестве погибших советских военнопленных в финских лагерях. Если взять Олонекский лагерь № 17, то, как видим, комиссия сделала вывод о 700 погибших военнопленных, допустим, что еще какое-то количество смертей не было зафиксировано. Только в лагере № 7 на полуострове Ханко от голода и побоев умерло 1 529 советских военнопленных²⁴.

Таким образом, вопрос о финских концентрационных лагерях для советских военнопленных как на временно оккупированной территории КФССР, так и территории Финляндии, требует самого пристального внимания и дальнейшего комплексного изучения российскими и зарубежным исследователями.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Список лагерей для советских военнопленных. 1941–1944 гг.*

На временно оккупированной территории КФССР

1. Лагерь № 2, Олонекского р-на. (Ф. Р–7021. Оп. 95. Д. 308, Л. 61).
2. Лагерь № 5, г. Петрозаводск, ул. Льва Толстого (до 700 военнопленных). В марте 1942 г. переведен в поселок Томицы в 8 км от г. Петрозаводска, в помещения бывшего Сулажгорского кирпичного завода. (Ф. Р–7021. Оп. 95. Д. 304. Л. 69, 119).
3. Лагерь № 6, г. Выборг. (Ф. Р–7021. Оп. 95. Д. 299. Л. 23; Д. 308, Л. 54, 63; Ф. Р–9526. Оп. 1. Д. 4. Л. 122). Отд. «Раута-Корпи» № 2 в 18 км от Выборга. (Ф. Р–9526. Оп. 1. Д. 4. Л. 111–112, 118, 125, 132, 132, 137).
4. Лагерь № 7, на полуостр. Ханко (Ф. Р–7021. Оп. 95. Д. 308. Л. 52, 53, 63 об., 64, 96).
5. Лагерь № 9, близ г. Кеми. (Ф. Р–7021. Оп. 95. Д. 308. Л. 53–55, 63 об.; Ф. Р–9526. Оп. 1. Д. 4. Л. 114).
6. Лагерь № 10, Вярцелле. (Ф. Р–7021. Оп. 95. Д. 308. Л. 54, 63 об., 111).
7. Лагерь № 14, г. Соргавала. Здание бывшей духовной семинарии. (Ф. Р–7021. Оп. 95. Д. 300. Л. 10; Д. 308, Л. 52; 55, 63, 64; Ф. Р–9526. Оп. 1. Д. 4. Л. 111, 133–133 об.); под-лагерь Латвисури. (Ф. Р–7021. Оп. 95. Д. 308. Л. 60–111).

²⁴ ГА РФ. Ф. Р–7021. Оп. 95. Д. 304. Л. 96–98.

* Список составлен автором. Основание: ГА РФ. Ф. Р–7021. Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, коллективным хозяйствам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР и Ф. Р–9526. Управление уполномоченного СМ СССР по делам репатриации. (Акты о злодеяниях, показания бывших военнопленных, узников финских лагерей, протоколы допросов пленных финских военнослужащих. Поскольку записи велись со слов опрашиваемых, то возможны расхождения в названиях населенных пунктов).

8. Лагерь № 15 на ст. Перкьярви. (Ф. Р–7021. Оп. 95. Д. 304. Л. 2).
- Лагерь № 16. Саркьярви (Ф. Р–7021. Оп. 95. Д. 308. Л. 62 об., 63).
9. Лагерь № 16, селе Киришюрви (Ф. Р–7021. Оп. 95. Д. 304. Л. 17).
10. Лагерь № 7, В ½ км от г. Олонец. (Ф. Р–7021. Оп. 95. Д. 317. Л. 10, 20–32; Д. 200, Л. 19–22; Д. 304. Л. 190, 191, 270–27; Ф. Р–9526. Оп. 1. Д. 4. Л. 115, 134–134 об., 135, 149).
11. Лагерь № 21/6 в Сяркуярви. (Ф. Р–9526. Оп. 1. Д. 4. Л. 107, 116, 127).
12. Лагерь № 22, Терийоки. (Ф. Р–9526. Оп. 1. Д. 4. Л. 117, 146; Ф. Р–7021. Оп. 95. Д. 308. Л. 61 об.).
13. Лагерь № 23, Кямьяра. (Ф. Р–9526. Оп. 1. Д. 4. Л. 117, 146). Отделения: «Оривеси», «Култала», «Рогола», «Ленгипохья». (Ф. Р–9526. Оп. 1. Д. 4. Л. 7, 13, Д. 308, Л. 108).
14. Лагерь № 24, м. Саволина. (Ф. Р–7021. Оп. 95. Д. 308. Л. 53 об., 54, 111).
15. Лагерь № 25, в 28 км от Райвола. (Ф. Р–9526. Оп. 1. Д. 4. Л. 112–113, 138).
16. Лагерь № 26, ст. Перкьярви. (Ф. Р–7021. Оп. 95. Д. 308. Л. 52, 111).
17. Лагерь № 26/32, Куопалами. (Ф. Р–7021. Оп. 95. Д. 308. Л. 62, 111).
18. Лагерь № 31, г. Медвежьегорск (до 300 чел.). (Ф. Р–9526. Оп. 1. Д. 4. Л. 113–114, 139; Ф. Р–7021. Оп. 95. Д. 308. Л. 63, 64 об., 110).
19. Лагерь № 32, Каяни. (Ф. Р–9526, Оп. 1. Д. 4. Л. 109, 129; Д. 308, Л. 53).
20. Лагерь № 40 в деревне Вожана. (Ф. Р–9526. Оп. 1. Д. 4. Л. 113, 140).
21. Лагерь № 42 близ Олонца, деревня Тулокси. (Ф. Р–7021. Оп. 95. Д. 308. Л. 62, 63 об., 111).
22. Лагерь № 52/806, г. Кондопога. (Ф. Р–7021. Оп. 95. Д. 308. Л. 4, 60, 62 об., 64, 111).
23. Лагерь № 57 (Ф. Р–7021. Оп. 95. Д. 308. Л. 63 об.).
24. Лагерь № 61 (Ф. Р–7021. Оп. 95. Д. 308. Л. 53).
25. Лагерь № 62/8072, деревня Пидма, между ж/д ст. Такори и деревней Воробьево. (Ф. Р–7021. Оп. 95. Д. 308. Л. 7, 55, 60–111).
26. Лагерь № 63/8073, деревня Конева Гора. (Ф. Р–7021. Оп. 95. Д. 308, Л. 52, 60).
27. Лагерь Ламлевала, г. Сеноке. (Ф. Р–7021. Оп. 95. Д. 308. Л. 60, 61 об., 101).
28. Лагерь № 64, деревня Заозерье. (Ф. Р–9526. Оп. 1. Д. 4. Л. 118).
29. Лагерь № 66, ст. Пай. (Ф. Р–7021. Оп. 95. Д. 308. Л. 61 об., 109).
30. Лагерь № 71, деревня 2-я Кумса. (Ф. Р–7021. Оп. 95. Д. 308. Л. 60–111).
31. Лагерь № 72, деревня Ахвеламби. Медвежьегорский район. (Ф. Р–9526. Оп. 1. Д. 4. Л. 118, 125).
32. Лагерь № 75, Юстярви. (Ф. Р–7021. Оп. 95. Д. 308. Л. 63).
33. Лагерь № 76, деревня Топорная гора. (Ф. Р–7021. Оп. 95. Д. 308. Л. 62 об.).
34. Лагерь № 87, ст. Пяжево. (Ф. Р–7021. Оп. 95. Д. 308, Л. 61, 63 об.).
35. Лагерь № 113, г. Петрозаводск. (Ф. Р–7021. Оп. 95. Д. 308, Л. 56 об.).
36. Лагерь № 5593. (Ф. Р–7021. Оп. 95. Д. 308. Л. 52).
37. Лагерь № 5594, Юнта-Сариипа. (Ф. Р–7021. Оп. 95. Д. 308. Л. 53).
38. Лагерь в Алакурти. (Ф. Р–7021. Оп. 95. Д. 300. Л. 2).
39. Лагерь г. Алонен. (Ф. Р–7021. Оп. 95. Д. 308. Л. 60 об., 111).
40. Лагерь Антреа. (Ф. Р–7021. Оп. 95. Д. 304. Л. 11).
41. Лагерь в деревне Видлице (120 человек). (Ф. Р–7021. Оп. 95. Д. 318. Л. 79).
42. Лагерь Ворновали. (Ф. Р–7021. Оп. 95. Д. 308. Л. 61 об.).
43. Лагерь в селе Ильинский погост. (Ф. Р–7021. Оп. 95. Д. 304. Л. 101).
44. Лагерь в г. Каяки. (Ф. Р–7021. Оп. 95. Д. 308. Л. 51–111).
45. Лагерь около г. Кемиярви. (Ф. Р–7021, Оп. 95. Д. 299. Л. 2).

46. Лагерь около Кестеньги. (Ф. Р-7021. Оп. 95. Д. 299. Л. 13).
47. Пересыльный лагерь Кирнихови. (Ф. Р-7021. Оп. 95. Д. 308. Л. 55, 56).
48. Лагерь ст. Койвисто. (Ф. Р-7021. Оп. 95. Д. 308. Л. 55, 60-111).
49. Лагерь ст. Комяри. (Ф. Р-7021. Оп. 95. Д. 308. Л. 60, 64).
50. Лагерь Конноярви. (Ф. Р-7021. Оп. 95. Д. 308. Л. 62).
51. Лагерь у села Коркела. (Ф. Р-7021. Оп. 95. Д. 308. Л. 51, 62об., 111).
52. Лагерь ст. Лайнесово. (Ф. Р-7021. Оп. 95. Д. 308, Л. 61 об.).
53. Пересыльный лагерь Лахти-Ярви в Килияшвору. (Ф. Р-7021. Оп. 95. Д. 299. Л. 2; Ф. Р-7021. Оп. 95. Д. 300. Л. 8; Ф. Р-7021. Оп. 95. Д. 304. Л. 48; Ф. Р-7021. Оп. 95. Д. 308. Л. 52, 53).
54. Лагерь недалеко от Петсамо. (Ф. Р-7021. Оп. 95. Д. 300. Л. 2; Ф. Р-9526. Оп. 1. Д. 4. Л. 116).
55. Лагерь близ г. Питкяранта. (Ф. Р-7021. Оп. 95. Д. 299. Л. 6, 23; Ф. Р-7021. Оп. 95. Д. 304. Л. 48).
56. Лагерь на ст. Пуовила. (Ф. Р-7021. Оп. 95. Д. 304. Л. 15).
57. Лагерь на ст. Салло в 6 км от норвежской и шведской границы. (Ф. Р-7021. Оп. 95. Д. 299. Л. 2).
58. Лагерь г. Сальми. (Ф. Р-7021. Оп. 95. Д. 304. Л. 48).
59. Лагерь г. Святозерск. (Ф. Р-7021. Оп. 95. Д. 304. Л. 69).
60. Лагерь в Тампере, (150-200 чел.) (Ф.Р-9526. Оп.1. Д.4. Л.143).
61. Лагерь на р. Шуе под Петрозаводском. (Ф. Р-7021. Оп. 95. Д. 298. Л. 13-14, 15).

На территории Финляндии

1. Лагерь № 1, ст. Лейпохья (Пейпохья). Офицерский. (Ф. Р-9526. Оп. 1. Д. 4. Л. 109-110, 131).
2. Лагерь № 2, м. Наарярви. (Ф. Р-9526. Оп. 1. Д. 4. Л. 125 об., 126, 130; Ф. Р-9526. Оп. 1. Д. 308. Л. 53, 53 об., 60).
3. Лагерь-изолятор № 3, Сююспакая, затем в Вааза. (Ф. Р-9526. Оп. 1. Д. 4. Л. 108-109, 128; 7021. Д. 304. Л. 29).
4. Лагерь № 9 на острове Айос около г. Кеми. (Ф. Р-7021. Оп. 95. Д. 308. Л. 95).
5. Лагерь № 24. Вооса. (Ф. Р-7021. Оп. 95. Д. 308. Л. 61 об., 64 об.).
6. Лагерь № 91 в районе Холосино, (Юнтусранга), впоследствии стал частью лагеря Халкипера (200-225 чел.). (Ф. Р-9526. Оп. 1. Д. 4. Л. 107, 116, 127, 145-145 об.; Ф. Р-7021. Оп. 95. Д. 308. Л. 109).
7. Лагерь м. Мустио (Ф. Р-7021. Оп. 95. Д. 299. Л. 23; Ф. Р-7021. Оп. 95. Д. 300. Л. 7-9).
8. Лагерь в Ямясанкески. (Ф. Р-9526. Оп. 1. Д. 4. Л. 118).
9. «Лапландлагерь» на западном берегу р. Нарускойоки, сев. Куоляярви.(Ф. Р-7021. Оп. 95. Д. 301. Л. 1-7).
10. Гельсингфорская центральная тюрьма. (Ф. Р-7021. Оп. 95. Д. 308. Л. 62, 111).
11. Центральная тюрьма Рахимяки. (Ф. Р-7021. Оп. 95. Д. 308. Л. 63 об., 111).
12. Центральная тюрьма Киннасваари. (Кондосваари, деревня Киндасово). (Ф. Р-7021. Оп. 95. Д. 308. Л. 62, 63, 64, 111).
13. Пересыльный лагерь Карникови. (Ф. Р-7021. Оп. 95. Д. 308. Л. 53 об., 111).
14. Лагерь Тушнема (Тушнена). Завод Суоми минералы. (Ф. Р-7021. Оп. 95. Д. 308, Л. 62).
15. Лагерь Сяккярви. (Ф. Р-7021. Оп. 95. Д. 308, Л. 109).

*Приложение 2***Злодеяния немецко-фашистских захватчиков и их сообщников***

№№ Пп	Наименование районов	Кол-во актов	Убито, замучено мирных граждан	Убито, замучено военно-пленных	Угнано в немецкое рабство
1.	г. Петрозаводск	1	7 000	–	–
2.	Заонежский район	14	22	3	1
3.	Шелтозерский район	13	6	5	141
4.	Кондопожский район	2	5	886	–
5.	Медвежьегорский район	10	101	209	–
6.	Петровский район	1	46	–	–
7.	Сегозерский район	2	6	–	–
8.	Лоухский район	5	46	17	–
9.	Олонецкий район	31	796	2 080	–
	ВСЕГО:	79	8 028	3 200	142

*Ответственный секретарь
Республиканской комиссии Бояринов*

РЕЗЮМЕ

Автор обращается к теме содержания советских военнопленных в финских концентрационных лагерях, к общему числу погибших в этом плену. На основе документов Государственного архива Российской Федерации производит подсчет количества лагерей на временно оккупированной территории Карело-Финской ССР и территории Финляндии.

* ГА РФ. Ф. Р-7021. Оп. 95. Д. 133. Л. 1.

Ключевые слова: Чрезвычайная государственная комиссия, концентрационные лагеря, военнопленные, репрессии, плен, безвозвратные потери, финская администрация, эксгумация.

ЛИТЕРАТУРА

1. Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. Новейшее справочное издание / Г. Ф. Кривошеев, В. М. Андронников, П. Д. Буриков, В. В. Гуркин. М.: Вече, 2014. — 624 с.
2. *Ключник С. Н.* Несколько ложек несъедобной каши. Финская разведка и советские военнопленные в годы Великой Отечественной войны // *Родина*. 2008. № 9. С. 97–101.
3. *Краснов П. Н.* Тихие подвижники. Венок на могилу неизвестного солдата Императорской Российской армии. М.: Страстной бульвар, 1992. — 302 с.
4. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Т. 2. Кн. I. Начало. 22 июня 1941 — 31 августа 1941 года. М.: Изд-во «Русь». 2000. — 587 с.

SUMMARY

A. A. Plekhanov

On the topic of the Finnish concentration camps for Soviet POWs (1941–1944). (Based on the Materials of the State Archive of the Russian Federation)

The author addresses the issue of Soviet prisoners of war in Finnish concentration camps and the total number of those who died while imprisoned there. Analyzing the documents available at the State Archive of the Russian Federation, the author estimates the number of camps in the temporarily occupied territory of the Karelian-Finnish SSR and the territory of Finland.

Keywords: Extraordinary State Commission, concentration camps, prisoners of war, repression, imprisonment, irrecoverable losses, Finnish administration, exhumation.

REFERENCES

1. *Klyuchnik S. N.* Neskol'ko lozhek nes'edobnoi kashi. Finskaya razvedka i sovetskie voennoplennyye v gody Velikoi Otechestvennoi voiny. *Rodina*. 2008, no. 9, pp. 97–101.
2. *Krasnov P. N.* *Tikhie podvizhniki. Venok na mogilu neizvestnogo soldata Imperatorskoi Rossiiskoi armii.* Moscow, Strastnoi bul'var, 1992, 302 p.

А. М. Плеханов

Соловецкий лагерь особого назначения (1923–1928 гг.)

Во второй половине декабря 1923 г. на Соловецком острове произошли события, оказавшиеся в центре внимания не только советского руководства, но и зарубежной печати.

Ввиду отдаленности острова от материка, всё внимание администрации лагеря для политзаключенных было обращено лишь на принятие мер внешней охраны, предупреждения побегов и возможности для них продолжать свою антибольшевистскую работу путем поддержания связей с внешним миром. Внутренний же режим не имел в себе ничего тюремного: неплохое питание и полная свобода как в помещении, так и на части острова, отведенной для политзаключенных, никакого физического труда, более того, желающие могли свободно заниматься рыбной ловлей и другими делами. К тому же полная свобода умственных занятий и развлечений: работали различные кружки, ставились спектакли, внутренним распорядком жизни заведовал выборный староста, без какого-либо вмешательства администрации.

Поводом к столкновению политзаключенных с охраной лагеря 19 декабря 1923 г. послужило распоряжение о прекращении подачи электроэнергии с 12 часов ночи. Это вызвало демонстрацию политзаключенных во дворе, не приведшую ни к каким роковым последствиям. Но в 6 часов вечера произошла вторая демонстрация, во время которой лагерники обращались с красноармейской охраной грубо, вели себя вызывающе, но охранникам, даже стоявшим на постах и подвергавшимся оскорблениям, строго запрещалось применять оружие.

Несмотря на то, что повторилось массовое неподчинение политзаключенных, администрация лагеря в лице Ногтева и Эйхманса не решилась добиться выполнения своего распоряжения силой, тем более, что у заключенных имелись топоры, ножи и палки, а количество красноармейцев было незначительно (21 против 180). Поэтому было дано распоряжение взять политзаключенных «на испуг» пальбой вверх. Но после первого залпа они пришли в еще большее возбуждение и, уверенные, что в них стрелять не будут, продолжали оскорблять красноармейцев. Тогда охрана применила оружие. Прозвучал второй залп, демонстрация прекратилась, и политзаключенные, забрав раненых, удалились в

свои помещения. Как оказалось, один был убит на месте и 7 человек тяжело ранены, причем 6 умерли от ран.

Это случилось в декабре 1923 г. Завершался третий год нэпа. Страна еще не пришла в себя после кровопролитной Гражданской войны, и в памяти населения сохранились события недавнего времени. Об этом писал в своем стихотворении «Родные картинки» один из поэтов тех лет, эсер-максималист И. Жуковский-Жук: «Иностранцы, интервенты, \ Заморские черти, \ Эполеты, позументы \ И вагоны смерти. \ Комячейки, чрезвычайки, \ Госполитохранина, \ Плетки, шомпола, нагайки, \ Пытки, атаманы»¹.

После проведенной реформы ВЧК и образования ГПУ, а затем ОГПУ были внесены изменения в карательную политику советской власти, в том числе и в содержание арестованных и заключенных в тюрьмах и лагерях. И она шла по линии ужесточения. Но до 1921 г. этот режим был относительно либеральным и во многом зависел от администрации и от категории арестованных или отбывавших наказание. В распоряжении ГУМЗ НКВД № 50 начальникам губернских и областных управлений местами заключения от 12 февраля 1923 г. отмечалось: «По имеющимся в Главном управлении местами заключения имеют место следующие недопустимые явления: приговоренные к лишению свободы со строгой изоляцией или без таковой за т.н. экономическую контрреволюцию в обход установленного законом режима пользуются благодаря своим средствам и связям, разного рода привилегиями, часто, например, проживая под видом больных в больницах, устраивают себе командировки, отпуска и т. п. ...»².

В белоэмигрантских изданиях звучали признания о том, что во многих тюрьмах работали библиотеки и даже своего рода школы с регулярными занятиями и штатом преподавателей, читались лекции по научным и политическим вопросам, устраивались дискуссии. К услугам арестантов всегда были врачи, им была разрешена переписка, получение посылок и денег, заключение браков. В той же Бутырской тюрьме камеры были открыты в течение всего дня, заключенные проводили собрания и диспуты, ставили спектакли.

К политическим заключенным режим содержания, по мнению председателя ВЧК, должен был быть несколько иным, отличаться от содержания уголовников. 30 декабря 1920 г. Ф. Э. Дзержинский подписал приказ, в котором отмечалось, что по поступающим в ВЧК сведениям «арестованные по политическим делам члены разных антисоветских партий часто содержатся в весьма плохих условиях, отношение к ним администрации мест заключения некорректное и зачастую даже грубое». Поэтому ВЧК указывает, что эти категории лиц должны рассма-

¹ Жуковский-Жук И. Цветы крови. Сборник стихотворений. Благовещенск, 1922. С. 105.

² Ежемесячный журнал «Власть советов» — орган НКВД. 1923 г. №№ 5–6 (20 марта 1923 г.) С. 42.

триваться не как наказуемые, а как временно, в интересах революции, изолируемые от общества, и условия их содержания не должны иметь карательного характера³.

Казалось бы, всё ясно: сам председатель ВЧК дал четкую установку на смягчение лагерного и тюремного режимов для членов так называемых антисоветских партий. Но в большинстве мест в их положении мало что изменилось. Поэтому в адрес ВЧК, СНК и ЦК РКП(б) поступали жалобы на жесткость тюремного режима. Так, 1 июля 1921 г. в письме в ЦК РКП(б) и СНК члены ЦК ПСР М. Веденяпин, С. Морозов, А. Гоц и др. и члены ЦК РСДРП В. Николаевский, С. Ежов и Я. Цедербаум утверждали, что «тюремный режим хуже режима царского времени: сидят без предъявления обвинения, нет прогулок, голодный паек, многие больны».

После этих протестов власти вынуждены были идти не некоторые уступки в смягчении тюремного и лагерного режима. 20 апреля 1923 г. Президиум ВЦИК, обсудив заявление эсеров, содержащихся во внутренней тюрьме ГПУ, о голодовке, постановил: «Разрешить ГПУ увеличение прогулок и участить свидания для заключенных с.-р.». Но в то же время «перевести в другие тюрьмы некоторых из числа заключенных по усмотрению ГПУ; в представлении же общении заключенных между собой — в просьбе отказать»⁴.

Органами власти были приняты дополнительные меры по регламентации содержания осужденных не только под нажимом общественного мнения. Обратимся к приказу № 200 от 14 мая 1923 г., подписанному наркомом внутренних дел А. Белобородовым, наркомом юстиции Д. Курским, зам. председателя ОГПУ И. Уншлихтом и начальником Главного управления мест заключения Е. Ширвиндом и направленному всем губернским отделам ОГПУ. В нем для сведения и исполнения был объявлен циркуляр ГУМЗ об образовании междуведомственной комиссии для проверки охраны мест заключения. Вместе с тем было предложено:

«1. Образовать комиссии в составе начальника губотдела ГПУ, заведующего отдела управления, начальника губернских мест заключения и представителя прокуратуры. Комиссии работают под руководством начальником губотделов ГПУ.

2. Комиссиям произвести неожиданную проверку состояния охраны мест заключения. Проверить: политическую благонадежность состава администрации и охраны (боеспособность и дисциплина охраны; прочность мест за-

³ Центральный архив ФСБ России. (далее — ЦА ФСБ России). Ф. 66. Оп. 1–Т. Д. 28. Л. 91.

⁴ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГА РФ). Ф. 1235. Оп. 3. Д. 20. Л. 200.

ключения в смысле возможности побегов из таковых, оборудование, связь с ближайшими частями войск, губотделами и пр.).

3. По результатам ревизии немедленно принять меры по установлению крепкой охраны мест заключения...

5. Комиссии считаются постоянными и впредь осмотры мест заключения производить систематически, не реже одного раза в месяц»⁵.

И после Гражданской войны в тюрьмах и лагерях находились десятки тысяч людей не за совершенные преступления, а в качестве заложников, лишь за то, что они не были рабочими и крестьянами или придерживались иных политических взглядов. Советская власть направляла в концлагеря и в тюрьмы участников крестьянских восстаний и за принадлежность к «антисоветским» партиям. Поэтому тюрьмы и лагеря были переполнены. И актуальной задачей после Гражданской войны стала разгрузка тюрем и лагерей. Были затребованы все списки политзаключенных, следователям поручалось в трехдневный срок пересмотреть все дела и подготовить заключения, в которых указать: кто может быть освобожден, а если нет для этого оснований, то почему. В Таганской и Лефортовской тюрьмах для политзаключенных ввести новый режим. Новый режим был введен и в Бутырской тюрьме.

13 декабря 1921 г. Дзержинский отдал распоряжение Ягоде и Самсонову: «Не должно быть общения коридора с коридором; двери с коридора и на двор должны быть заперты, прогулок по коридору и скопищ не должно быть; камеры могут быть открыты только для пользования уборной и т. д... Интеллигентов никоим образом не сажать вместе на одном коридоре с рабочими и крестьянами. Рабочих держать отдельно. При тюрьме вести институт ответственных следователей, разбирающихся в людях и программах партии — для личного ознакомления с заключенными и приема всех жалоб и заявлений»⁶.

Много легенд ходит о внутренней тюрьме ВЧК, которую образовали в 1920 г. в доме № 2 на Лубянской площади. Она размещалась на двух этажах внутренней части здания. При реконструкции тюрьму надстроили еще на четыре этажа. Размеры камер тюрьмы составляли в основном семь шагов в длину и три в ширину. В них стояло по четыре железные кровати. Устроить прогулочные дворики во дворе-колодце как старой, так и новой тюрьмы было невозможно: не было места. Поэтому шесть прогулочных двориков с высокими стенами располагались на крыше нового здания. Никаких «расстрельных» подвалов и собственного крематория, как настаивает многолетняя легенда, там не имелось. Фактически это не была тюрьма, а следственный изолятор. Арестованных содержали здесь недолго, лишь для допросов и только по серьезным делам. Затем их переводили в другие тюрьмы, главным образом, в Лефортовскую и Бутырскую.

⁵ ЦА ФСБ России. Ф. 6. Оп. 1. Д. 122. Л. 148.

⁶ Там же. Ф. 1. Оп. 5. Д. 88. Л. 61–61 об.

Вместе с тем началось строительство специальных лагерей для политзаключенных. Эти лагеря перестали называть концентрационными. 21 сентября 1922 г. Политбюро ЦК РКП(б) заслушало доклады Дзержинского и Крыленко «О местах лишения свободы». На Север, в Архангельскую губернию, продолжали направляться члены оппозиционных большевикам политических партий, о чем свидетельствует, в частности, решение Политбюро ЦК РКП (б) от 9 марта 1923 г., которое после обсуждения доклада И. С. Уншлихта «О бандитизме» предоставило ГПУ право «ссылки в Архангельск и заключения в Архангельский концлагерь: а) подпольщиков анархистов и левых эсеров; б) всех уголовников-рецидивистов». Там же, с 18 января 1923 г., отдельно от других осужденных, содержались осужденные сотрудники органов безопасности. В их числе на три года была определена, бывшая машинистка Милиционного полка 9-го Донского дивизиона Н. И. Попова, избалованная в том, что, «состоя в вышеуказанной должности и одновременно являясь осведомителем особого отдела дивизии, разглашала методы работы органов ГПУ»⁷. 5 сентября 1923 г. Ф. Э. Дзержинский предложил В. Р. Менжинскому: «Политических из Соловок следует увезти в другие места еще в этом году»⁸. Однако 2 октября 1923 г. СНК РСФСР принял иное решение:

«1. Организовать Соловецкий лагерь принудительных работ особого назначения и двух пересыльно-распределительных пунктов в Архангельске и Кемии.

2. Организацию и управление лагерем и пер.-распр. пунктами возложить на ОГПУ

3. Все угодья, здания, живой и мертвый инвентарь, ранее принадлежавший бывшему Соловецкому монастырю, а равно Пертоминскому лагерю и пересыльно-распределительному пункту, передать безвозмездно ОГПУ.

4. Одновременно передать в пользу ОГПУ находящуюся на Соловецких островах радиостанцию.

5. Обязать ОГПУ немедленно приступить к организации труда заключенных для использования сельскохозяйственных, рыбных, лесных и пр. промыслов и предприятий»⁹.

Следует отметить, что Соловецкому лагерю уделялось повышенное внимание. Так, 21 сентября 1922 г. Политбюро ЦК РКП(б) заслушало доклады Дзержинского и Крыленко «О местах лишения свободы». И в последующие годы вопрос о положении в нем обсуждался на заседаниях Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) 5 января и 10 апреля 1924 г., 8 и 27 января, 27 апреля 1925 г.

⁷ ЦА ФСБ России. Ф. 66. Оп. 1–Т. Д. 81. Л. 25 об.

⁸ Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 154. Л. 32.

⁹ ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 6. Д. 7. Л. 85.

15 декабря 1923 г. приказом зампреда ОГПУ Г. Г. Ягоды начался общий перевод заключенных северных лагерей принудительных работ и управления лагерями из г. Архангельска, Холмогор и Пертоминска на остров Соловки¹⁰. Хотя эта мера применялась и ранее. Так, 1 сентября 1923 г. приказом тройки ГПУ на Соловки на три года был направлен бывший секретный сотрудник губернского отдела ГПУ по Илецкому уезду Оренбургской губернии И. П. Розанов «за совершение преступления, выразившегося в даче вымышленных сведений о существовании контрреволюционной организации в доме принудительных работ с целью скорейшего освобождения себя из тюрьмы, следствием чего являлся арест 39 человек¹¹.

Прибывавшие в Соловецкий концлагерь размещались в сборных барках, снабжались теплыми зимними одеялами. Сотрудники ОГПУ приступили к «организации их трудового воспитания».

Стремясь избежать повторения событий 1923 г., на Соловках работала комиссия ЦИК СССР, которая в заключении от 19 декабря 1923 г. отметила, что «в действиях администрации Соловецких лагерей не усматривается состава преступления, но вместе с тем комиссия нашла необходимым предложить ОГПУ:

а) Поставить на вид начальнику северных лагерей Ногтеву и его заместителю Эйхмансу недопустимость их отсутствия на месте происшествия, в момент, когда возможно было ожидать сопротивления политзаключенных и вытекающих отсюда осложнений.

б) Розенталя, как несоответствующего своему назначению из-за “мягкости характера”, освободить от занимаемой должности во избежание повторения подобных происшествий.

в) Предложить ОГПУ установить в Соловецком лагере для политзаключенных строгий лагерный режим с определенной лестницей наказаний за нарушение установленных правил»¹².

5 января 1924 г. решением Политбюро ЦК РКП(б) была создана комиссия ЦИКа СССР в составе А. П. Смирнова, Р. П. Катаняна и Коростелева по положению дел в Соловецком лагере.

А 9 января 1924 г. Президиума ЦИК СССР обсудил вопрос «о происшествии в Соловецком лагере особого назначения». После чего совместным решением Политбюро ЦК РКП(б) и Президиума ЦИК СССР была образована комиссия ЦИКа СССР для расследования декабрьских 1923 г. событий на Соловках, в которую вошли. А. П. Смирнов, член Президиума ЦКК ВКП(б) Коростелев и Р. П. Ката-

¹⁰ ЦА ФСБ России. Ф. 6. Оп. 1. Д. 122. Л. 412.

¹¹ Там же. Ф. 66. Оп. 1–Т. Д. 81. Л. 25 об.

¹² Там же. Ф. 2. Оп. 2. Д. 90. Л. 7, 17–18.

нян. Председателем комиссии назначен Александр Петрович Смирнов, член компартии с 1896 г., за революционную работу неоднократно арестовывался и ссылался царским правительством. В 1924 г. он был наркомом земледелия РСФСР, одновременно являлся генеральным секретарем Крестьянского Интернационала.

Ф. Э. Дзержинский хорошо знал А. П. Смирнова и старался предвосхитить решение комиссии. Он поучил В. Р. Менжинскому, чтобы Г. И. Бокий доложил «о всем деле Смирнову с тем, чтобы уклон дела никоим образом не был против нас, но, наоборот, против эсеров». Помимо этого, немедленно составить сообщение через НКВД Н. Н. Раковскому¹³.

12 февраля 1924 г. состоялось заседания комиссии ЦИК СССР. Сообщение «О существующем режиме лагеря» сделал А. Бокий. В постановляющей части было отмечено, что комиссия в процессе работы обнаружила отсутствие в ОГПУ точно регламентированного положения о режиме в Соловецком концлагере. Судя по докладу Бокия видно, что никаких следов и в канцелярии лагеря документов, определяющих лагерный режим, не было, кроме материалов о некоторых правах заключенных и то лишь выработанных ревизионной комиссией, направленной в свое время ОГПУ¹⁴.

И после завершения разбирательства и несколько смягченного лагерного режима поток жалоб в органы власти не уменьшился. 8 августа 1924 г. глава Советского правительства А. И. Рыков писал Г. Г. Ягоде: «В последнее время я получаю ряд заявлений о порядках, существующих в концентрационных лагерях...»¹⁵.

Заключенные заявляли протесты большей частью на необъективное разбирательство. Заграница их поддержала. Много было публикаций на эту тему прежде всего в меньшевистском «Социалистическом вестнике» и эсеровской газете «Революционной Россия».

Под нажимом зарубежных средств массовой информации политическое руководство страны решило вернуться к событиям на Соловках.

3 июля 1924 г. Ф. Э. Дзержинский поручил Г. Г. Ягоде подготовить данные для доклада В. Р. Менжинскому: «За границей поднята бешеная кампания против Соловков. Если верить т. Лозовскому, и против нашего режима с требованием амнистии и прекращения преследований. Каковы размеры этой агитации по нашим данным или мы проспали? П/б передало этот вопрос на рассмотрение комиссии в составе Чичерин, Лозовский, Менжинский. Подготовьте материалы. При сем телеграмма протеста против ареста Рубинчика. Прошу прислать проект ответа за мою подписью на запрос Догадова,

¹³ Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 76. Оп. 3. Д. 49. Л. 126.

¹⁴ ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 2. Д. 125. Л. 7.

¹⁵ Там же. Д. 91. Л. 209.

составленный так, чтобы Догадов мог его передать протестующим или присоединить проект ответа»¹⁶.

Политбюро создало специальную комиссию в составе Г. В. Чичерина, Лозовского и В. Р. Менжинского для противодействия зарубежной пропаганде.

«1. Решительно отказаться от попыток превращения режима концлагеря в тюремный режим.

2. Ограничение прогулки по времени внутри проволоки д[олжно] б[ыть] отменено...

4. Возвратить систему свиданий с родными, установленную комиссией ГПУ осенью 1923 г., т. е. приезжающие на свидание живут в течение недели в корпусе у заключенных.

5. Прекратить недопустимые издевательства и оскорбления, практикуемые для определения партийной принадлежности вновь прибывших заключенных...

8. Освобождение в срок лиц, окончивших заключение в концлагере...

10. Предоставить право заключенным социалистам и анархистам производить необходимые улучшения их положения работы (огороды, ловля рыбы, собирание ягод) вне проволоки лагеря, часов ночи.

11. Отменить запрет пользоваться электрическим светом позже 12-ти на личным составом»¹⁷.

Приказ ОГПУ от 18 октября 1924 г.: «... ввиду разбросанности Соловецких лагерей особого назначения и затруднительности их охраны, численность личного состава 95-го особого дивизиона увеличить до 630 человек. Именовать “Соловецкий особый полк войск ОГПУ”»¹⁸.

В октябре 1924 г. Политбюро ЦК создало еще одну, специальную комиссию, в которую вошли Г. В. Чичерин, Лозовский, В. Р. Менжинский для противодействия зарубежной пропаганде.

16 июня 1925 г. состоялось следующее постановление СНК СССР за подписью А. И. Рыкова: «Во изменение постановления СНК СССР от 2 октября 1923 г. об организации концентрационного Соловецкого северного лагеря особого назначения, СНК СССР по предложению ОГПУ постановил:

«1. Прекратить впредь содержание в Соловецком концентрационном лагере особого назначения осужденных за политические преступления членов антисоветских партий (ПСР, ПЛС, меньшевиков и анархистов).

¹⁶ ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 2. Д. 2. Л. 82.

¹⁷ Там же. Оп. 4. Д. 298. Л. 52–53.

¹⁸ Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 131. Л. 240.

2. Членов антисоветских партий, заключенных в выше поименованном лагере перевести в подведомственные ОГПУ места лишения свободы на материке.

3. Впредь таких лиц направлять для отбывания срока заключения в подведомственные ОГПУ места лишения свобод на материке на тот же срок.

4. Крайним сроком исполнения считать 1 августа 1925 г.»¹⁹.

Однако лагерь продолжал существовать. 22 октября 1925 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление о высылке «паразитических элементов из Москвы и других крупных городов страны». Оно было законодательно оформлено постановлением СНК СССР. После завершения операции Г.Г. Ягода сообщил в ЦК партии: «Согласно постановления СНК СССР о высылке паразитического элемента из Москвы — ОГПУ в ноябре месяце была проведена операция, коей изъято 2 400 человек, из коих 1 237 мужчин и 535 женщин, как более зловредные, были приговорены и направлены в Соловецкий концлагерь на сроки от 1 года до 3 лет», а также к различным срокам наказания, как-то: к высылке в Сибирь, в Нарымский край, Среднюю Азию, на родину под надзор милиции и трудовые исправительные дома — 628 человек. А приказом начальника административно-организационного управления ОГПУ Воронцова от 24 октября 1925 г. о том, что «все лица, осужденные коллегией, особым совещанием при коллегии ОГПУ и тройками к заключению в Соловецкий концлагерь и задержанных от высылки по предложению ОГПУ направляются туда через Кемский пересыльный пункт»²⁰.

В 1925 г. общее количество только заключенных на Соловках: за политические преступления составило 502 человека, из них: анархистов — 65, меньшевиков — 200, правых эсеров — 120, левых эсеров — 24, прочих партий — 23, попов — 70²¹.

20 мая 1926 г. приказом ОГПУ из состава войск ПП ОГПУ Ленинградского округа был изъят и включен в состав дивизии ОСНАЗ ОГПУ Соловецкий особый полк. Он стал именоваться «4-й полк дивизии ОСНАЗ»²². 14 июня 1928 г. нач. специального отдела ОГПУ Г. Бокий, ввиду досрочного освобождения части заключенных по амнистии и нехватке рабочей силы, велел направить из Белоруссии в Соловки заключенных с большим сроком, вполне здоровых, в количестве от 1 000 до 1 500 человек²³.

Таким образом, события в Соловецком лагере политзаключенных в 1923–1928 гг. показали одно из направлений карательной политики партии больше-

¹⁹ ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 3. Д. 88. Л. 128.

²⁰ Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 150. Л. 287.

²¹ Там же. Ф. 2. Оп. 3. Д. 12. Л. 78.

²² Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 154. Л. 106.

²³ Там же. Ф. 2. Оп. 6. Д. 45. Л. 7.

виков по отношению к членам революционно-демократических партий. Четко прослеживается ужесточение лагерного режима и нарушение прав осужденных. Несмотря на желание руководства ОГПУ упразднить Соловецкий лагерь особого назначения, но он не только был оставлен, а стал одним из главных мест заключения противников партии большевиков.

РЕЗЮМЕ

Статья посвящена событиям в Соловецком лагере особого назначения в 1923–1928 гг. Он был создан для содержания преимущественно политических противников власти большевиков и осужденных за преступления бывших сотрудников органов и войск ГПУ–ОГПУ. Автор показал ужесточение лагерного режима и борьбу заключенных за свои права.

Ключевые слова: лагерь специального назначения, большевики, сотрудники ГПУ–ОГПУ, политические заключенные, тюрьма, советская власть, НКВД.

ЛИТЕРАТУРА

1. Власть советов». 1923 г. № 5–6. 20 марта 1923 г.
2. Жуковский-Жук И. Цветы крови. Сборник стихотворений. Благовещенск, 1922. — 205 с.

SUMMARY

A. M. Plekhanov

Solovki Special Purpose Camp (1923–1928)

The article is devoted to the events that took place in the Solovki Special Purpose Camp in 1923–1928. The camp was created mainly to hold political opponents of the Bolshevik power and former staff of GPU–OGPU bodies and troops sentenced for crimes. The author describes the camp regime stiffening and the prisoners fighting for their rights.

Keywords: special purpose camp, Bolsheviks, GPU–OGPU staff, political prisoners, prison, Soviet regime, People's Commissariat for Internal Affairs (NKVD).

О. Ю. Ренухова

Пограничный режим в Карелии в 1920-х гг.

История становления пограничного режима на рубежах советского государства остается одной из малоизученных исследовательских тем в историографии. С началом создания погранологии¹ в отечественных исследованиях по истории пограничной службы России середины 1990-х гг. был предпринят анализ эволюции содержания пограничного режима и новой концепции охраны государственной границы СССР в работах В. И. Боярского² и В. И. Бурдужука³. В исследовании В. И. Боярского сделан вывод о преемственности системы обеспечения безопасности пограничной охраны России⁴. Боярский В. И. отмечал, что в советский период была создана «классическая формула оптимального функционирования пограничных структур»⁵. Автор впервые написал об особой роли специальной государственной программы, предоставляющей льготы населению приграничья за активное содействие пограничным войскам⁶. Во второй половине 1990-х гг., изучая преобразования советской пограничной службы, В. И. Бурдужук сделал вывод об утверждении в 1921 г. новой концепции охраны государственной границы РСФСР, в которой на первый план выдвинулась защита военно-политических интересов государства. Исследование истории становления концепции охраны государственной границы советского государства было продолжено в

---

¹ В 1993 г. в научный и практический оборот введено понятие «погранология», обозначающее новую научную дисциплину (науку), изучающую характер, законы и закономерности такого социально-политического явления как обеспечение и защита интересов личности, общества и государства в пограничных пространствах (*Боярский В. И.* Наука о регулятивной функции государственной границы: основные теоретические и практические выводы, вытекающие из анализа истории пограничной мысли [Электронный ресурс]. Электронное научное издание Альманах Пространство и Время. 2013. № 1. Т. 3. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/> (дата обращения: 23.12.2015).

² *Боярский В. И.* Основные этапы, противоречия и тенденции развития пограничной службы России (XIV–XX вв.) // *Вестник границы России.* 1996. № 5. С. 34–45.

³ *Там же.* С. 77–84.

⁴ *Там же.* С. 40–41.

⁵ *Там же.* С. 45.

⁶ *Там же.* С. 45.

2000-х гг. Е. Л. Ежуковым⁷. В отличие от В. И. Бурдужука, автор делает акцент на политической характеристике концепции охраны государственной границы советского государства. Концепция политической охраны государственной границы, разработанная в рамках погранологии, наряду с другими факторами, открыла возможности обоснования динамики пограничной полосы⁸ и принятия комплекса мер по обеспечению пограничного режима. На рубеже 1990–2000 г. вклад в изучение истории становления пограничного режима внесли междисциплинарные исследования. В рамках изучения правового и экономического взаимодействия сопредельных стран постсоветского пространства, исследователи ввели деление пограничной полосы на уровни⁹, позволяющие показать изменение пограничного режима по мере удаления от государственной границы. Были опубликованы исследования, рассматривающие понятие и роль приграничных территорий в обеспечении безопасности государства, правовые аспекты установления пограничных зон и пограничных режимов в России. Отметим, что история пограничных полос и режимов не являлась основным предметом исследования для авторов, специалистов в области права, рассматривавших формирование системы пограничных полос и советского пограничного режима в 1920–1930-х гг. исключительно в историко-правовом контексте¹⁰. В том же ключе исследован режим чрезвычайного (военного) положения в работе Д. А. Никонова, определившего особенности и этапы формирования отечественного чрезвычайного законодательства в 1920–1941-е гг.¹¹

⁷ Ежуков Е. Л. Становление концепции защиты и охраны границ советского государства // *Власть*. 2008. № 12. С. 104–107; *Он же*. Концепция охраны границ советского государства: монография / Пограничная акад. Федеральной службы безопасности России. Москва, 2010.

⁸ См. Репухова О. Ю. Формирование системы пограничных полос в Карелии в 1920-х гг. // *Армия и общество*. 2014. № 2. С. 123–129; *Она же*. Система пограничных полос в Карелии в 1930-х годах // *В мире научных открытий*. 2014. № 11.8 (59). С. 3216–3228; *Она же*. Пространственно-территориальная мобилизационная подготовка в Карелии в 1920–1930-х годах: научное электронное издание. Петрозаводск, 2016.

⁹ Гранберг А. Г. Межрегиональное экономическое сотрудничество сопредельных стран // *Регионы в системе внешнеэкономических связей Российской Федерации* / Под ред. С. Г. Горшенина: Оренбург, 1998. С. 30–41.

¹⁰ Винниченко А. Г. Правовое регулирование пограничного режима в Российской Федерации. Дис. канд. юр. наук: 20.02.03. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.disscat.com> (дата обращения: 14.02.2015); Хондожко В. Э. Теоретико-правовые аспекты установления пограничных зон и пограничных режимов в Российской Федерации: Автореферат канд. дис...канд. юр. наук: 20.02.03. Москва, 2002. 281 с.; Панфилова М. Р. Понятие земель пограничных территорий: правовой и исторический аспекты // *Вестник ОГУ*. 2004. № 7. С. 14–18.

¹¹ Никонов Д. А. Отечественное чрезвычайное военное законодательство: 1920–1941 гг. (историко-правовое исследование). Автореферат канд. дис...канд. юр. наук: 12.01.01. Санкт-Петербург, 2006. [Электронный ресурс]. URL: http://www.iua.net/1_old-masp/modules.php?go=page&name=Pages&pid=116 (дата обращения: 09.06.2015).

Современные исследования считают объектом регулирования пограничного режима, как разновидности внутригосударственного правового режима, систему внутригосударственных отношений в сфере обеспечения безопасности, которые не подлежат урегулированию международным правом¹². Пограничный режим выделяется из общей массы правовых режимов по признаку принадлежности к государственному управлению, так как устанавливается преимущественно нормами административного права на строго ограниченном участке государственного управления, являясь с правовой точки зрения административно-правовым¹³. Как административно-правовому, пограничному режиму присуще такое правовое воздействие, которое осуществляется на властно-императивных началах, создавая тем самым отношения подчинения¹⁴. Пограничный режим представляет собой процесс воздействия государства на отношения в пограничной сфере при помощи комплекса правовых средств с целью создания необходимых условий для обеспечения охраны государственной границы и является основой в создании необходимых условий для ее охраны¹⁵. Таким образом, пограничный режим, являясь внутригосударственной прерогативой с целью обеспечения безопасности государства, рассматривается как комплекс административно-правовых средств, применимых на определенном участке государственного управления.

В содержание пограничного режима дореволюционной России были последовательно включены системы таможенной и политической защиты интересов государства. Введение в России протекционистского таможенного тарифа в XVIII в. привело к росту контрабандной торговли в приграничных территориях и усилению, в связи с этим, с начала XIX в., в концепции защиты и охраны государственной границы Российской империи от военных вторжений коммерческой составляющей¹⁶. Со второй половины XIX в. в связи с ростом революционного движения, проникновением из западных стран идей марксизма и анархизма, на российской государственной границе дополнительно был организован политический контроль жандармских органов¹⁷. В 1871 г. в 14 таможенных учреждениях западной границы были введены жандармские пропускные пункты, призванные защитить устои монархии, не допускать в Россию крамолу. В 1914 г. они действовали в 56 таможенных учреждениях. В результате, пограничный режим дореволюционной России был нацелен на создание благоприятных условий для обеспечения войсковой, экономической и политической безопасности страны.

¹² Хондожко В. Э. Указ. соч. С. 18.

¹³ Там же. С. 19–20.

¹⁴ Там же. С. 20.

¹⁵ Винниченко А. Г. Указ. соч.

¹⁶ Ежуков Е. Л. Исторические концепции охраны границ Российского государства // Военно-исторический журнал. 2012. № 7. С. 16–17.

¹⁷ Боярский В. И. Основные этапы, противоречия и тенденции развития пограничной службы России (XIV–XX вв.) // Вестник границы России. 1996. № 5. С. 40.

В особый вид режима он не выделялся, а входил отдельными положениями в режим границы, в таможенный режим¹⁸.

Принятая советским государством концепция политической охраны государственной границы¹⁹, сопряженная с представлениями о будущей войне для СССР как «комбинации» войны с внешними и внутренними противниками²⁰, привела к выделению пограничного режима как особого административно-правового режима. В исторической реальности советский пограничный режим включал в себя все группы режимов, выделяемых по степени их принадлежности к обеспечению внешней и внутренней безопасности государства²¹. Пограничный режим представлял собой динамическую систему правил, ограничений, мероприятий реализуемых для достижения целей безопасности советского государства, включая в себя, административно-правовые средства, ограничивавшие въезд (проход) в СССР и выезд из него, режим в пунктах пропуска через государственную границу, временное пребывание, передвижение советских граждан и транспортных средств, проживание и передвижение иностранных граждан, хозяйственную, промысловую и другую деятельность в советской пограничной полосе. В советский пограничный режим были вовлечены административно-правовые средства разрешительной системы, относящейся, как правило, к компетенции правоохранительных органов (паспортный режим, режим регистрации) и к экономической сфере (таможенное регулирование). В осуществлении контроля за соблюдением пограничного режима пересекались функции различных государственных органов (органов государственной безопасности, пограничной охраны, таможенной службы, правоохранительных органов). Логика советской концепции политической охра-

¹⁸ Винниченко А. Г. Указ. соч.

¹⁹ Ежуков Е. Л. Становление концепции защиты и охраны границ советского государства // Власть. 2008. № 12. С. 104–107.

²⁰ Реформа в Красной Армии. Документы и материалы. 1923–1928 гг. / сост. В. А. Арцыбашев, Д. И. Борисов и др. В 2 кн. Кн. I. [Электронный ресурс]. URL: <https://lib.rus.ec> (дата обращения: 10.07.2015).

²¹ Хондошко В. Э. различает 5 групп административно-правовых режимов по степени их принадлежности к обеспечению внешней и внутренней безопасности государства: 1. режимы, нацеленные преимущественно на обеспечение государственной безопасности вообще и на границе в частности (режим выезда, режим границы, пограничный, режим в пунктах пропуска); 2. режимы, в равной степени преследующие интересы государственной безопасности и охраны общественного порядка (режим проживания, передвижения на территории государства иностранных граждан и лиц без гражданства); 3. режим, устанавливаемый в целях охраны общественного порядка (паспортный режим, режим регистрации, порядок проведения массовых мероприятий); 4. режимы, способствующие достижению целей иных отраслей управления (например, таможенный режим); 5. режимы, поддержания обороноспособности страны, государственной безопасности, общественного порядка в условиях наступления исключительных обстоятельств (режимы чрезвычайного положения, военного положения) (Хондошко В. Э. Указ. соч. С. 23–24).

ны государственной границы ведущее значение в реализации пограничного режима отводила органам государственной безопасности. Концепция политической охраны государственной границы определила содержание пограничного режима, нацеленного на обеспечение государственной безопасности приграничных территорий, в виде системы требований в отношении жителей этих территорий. При том условии, что советской военной доктриной на жителей приграничных территорий, как «особую категории советского населения»²², возлагалась роль обеспечения тыла обороняющейся армии, реализация этих требований происходила, помимо специальной социально-экономической политики в приграничных территориях²³, через административно-репрессивные меры.

Обеспечивая внутреннюю и внешнюю безопасность, пограничный режим в Карелии в течение 1920-х гг. формировал в пограничной полосе пространство, имеющее внешнюю (государственную) и внутреннюю границу (разграничительную линию с тыловыми территориями государства), в пределах которого допустимо было проживание лояльной советской власти категории жителей приграничья. Как динамическая система, пограничный режим в Карелии в 1920-х гг. коррелировался с внешнеполитическими угрозами, внутриэкономическими факторами, необходимостью проведения репатриационной политики²⁴. Если в течение 1920–1921 гг. советское законодательство регламентировало правила пограничного режима, нацеленные преимущественно на обеспечение внешней государственной безопасности вообще и на границе в частности²⁵, то с начала

²² Романова И. «Зона»: Беларусь 1930-х годов с советской стороны границы // Спадчына. 2001. № 1–2. С. 111–134.

²³ См.: Егоров А. М. Псковские пограничные районы в 1920–30-е годы: исторические уроки развития. Автореф. дис. на соиск. учен. степ. к.ист.н. Спец. 07.00.02. Санкт-Петербург, 1998. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dissercat.com/content> (дата обращения: 14.03.2015); Нэх В. Ф. Пограничная политика Советского государства (1917–1941 гг.). М., 2006.

²⁴ Вопрос о репатриации беженцев стоял особенно остро поскольку в ходе событий интервенции, гражданской войны и карельского восстания отток населения из Карелии составил около 6% численности жителей (См. Ренухова О. Ю. Репатриация беженцев в Карелию в 1920-х гг. в контексте мобилизационной подготовки // В мире научных открытий 2015. № 7.9 (67). С. 3243–3253).

²⁵ В течение 1920–1921 гг. было введено в действие ряд нормативных документов по обеспечению государственной безопасности на границе: инструкция об охране государственной границы от 17 июня 1920 г. (Из «Инструкции об охране государственной границы», утвержденной заместителем председателя ВЧК В.Р. Менжинским // Пограничные войска СССР. 1918–1928: Сборник документов и материалов. Москва, 1973. С. 164.), Тартуский мирный договор 14 октября 1920 г. (Описание государственной границы РСФСР и Финляндии согласно Мирного договора от 14 октября 1920 г. // ГА РФ Ф. Р–5677. Оп. 2. Д. 265. Л. 407), инструкция по охране границ РСФСР от 15 февраля 1921 г. (Из приказа командования войсками ВЧК республики с объявлением «Инструкции ВЧК, охраняющим границы РСФСР» // Пограничные войска СССР. 1918–1928: Сборник документов и материалов. Москва, 1973. С. 170–171), Положение об охране границы РСФСР от 10 июля 1921 г.

1922 г., вводя ограничения пограничного режима, власть предпринимает меры по обеспечению государственных интересов и в пределах системы пограничных полос²⁶. После стабилизации на советско-финляндской границе на рубеже 1926–1927 гг. усилия органов государственной безопасности были сконцентрированы на обеспечении пограничного режима в пределах пограничной полосы.

Ужесточению пограничного режима в Карелии способствовало длительное сохранение на ее территории действия военного положения. Оно было введено в условиях начавшегося карельского восстания 10 октября 1921 г. на основе декрета «О местностях, объявленных на военном положении»²⁷ на всей территории Карельской Трудовой Коммуны (КТК)²⁸. Согласно действовавшему на тот момент чрезвычайному законодательству 20 декабря 1921 г. территория КТК, Мурманской губернии и трех волостей Архангельской губернии была подчинена образованному Временному военно-революционному комитету (ВВРК)²⁹. На подконтрольной ВВРК территории были введены ограничение на свободное перемещение граждан, запрет на пребывание лиц, которые «по классовому признаку могут создавать угрозу... делу обороны страны»³⁰, проведена реквизиция имущества, необходимого для ведения военных действий³¹. Ограничения военного положения коснулись военно-гражданской и информационно-коммуникационной инфраструктуры. Осадное положение было введено в Петрозаводске³². Была усилена охрана телеграфных линий, железнодорожных путей³³.

²⁶ В том числе и в не примыкающей к государственной границе полосе отвода железной дороги (составлявшей не менее 32 км поперечной полосы железной дороги) и других запретных зонах. Контроль за соблюдением режима в полосе отвода железнодорожного полотна осуществляли созданные в октябре 1922 г. транспортные войска ГПУ (Приказ № 262/ 445 от 19.10.1922 об объявлении временного положения о службе транспортных войск ГПУ / РГВА. Ф. 32032 Оп. 1. Д. 14. Л. 51).

²⁷ Декрет ВЦИК и СТО РСФСР «О местностях, объявленных на военном положении», утвержденный ВЦИК и СТО РСФСР 4 ноября 1920 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://istmat.info/node/42760> (дата обращения: 12.05.2015).

²⁸ Почто-телеграмма № 39 ОП Областному Военному комиссариату КТК // НА РК Ф. П–3. Оп. 1. Д. 86. Л. 53.

²⁹ Бутвило А. И. Карельская Трудовая Коммуна. Петрозаводск, 2011. С. 151.

³⁰ Декрет ВЦИК и СТО РСФСР «О местностях, объявленных на военном положении», утвержденный ВЦИК и СТО РСФСР 4 ноября 1920 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://istmat.info/node/42760> (дата обращения: 12.05.2015).

³¹ Бутвило А. И. Указ. соч. С. 151.

³² Там же. С. 151.

³³ Охрана МЖД осуществлялась по особой инструкции о военном положении на железных дорогах в пределах 32-км полосы отвода вдоль трассы (Декрет ВЦИК и СТО РСФСР «О местностях, объявленных на военном положении», утвержденный ВЦИК и СТО РСФСР 4 ноября 1920 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://istmat.info/node/42760>. (дата обращения: 12.05.2015); НА РК Ф. Р–690. Оп. 1. Д. 3. Т. II. Л. 474; Архив УФСБ по РК, Ф. 1. Оп. 5. Пор. 3. Л. 63).

В отличие от Белорусской ССР и Украинской ССР, где военное положение, введенное в связи с советско-польской войной, было отменено в 1922 г.³⁴, в КТК, несмотря на завершение военной операции по подавлению восстания, было принято решение о сохранении военного положения, подтвержденное постановлением ВЦИК РСФСР 16 июня 1922 г.³⁵. В советском чрезвычайном законодательстве этого времени не был предусмотрен механизм отмены военного положения, позволяло использовать данный режим без его конкретных ограничений временными рамками³⁶. Сохранение военного положения позволило апробировать в КТК режим, в котором приоритетными были решения военных, а не гражданских задач. Только после реорганизация пограничной охраны в Карелии к середине апреля 1924 г., позволившей сконцентрировать в пограничных округах кадровые соединения³⁷, последовала отмена военного положения в целом на территории Карелии³⁸. С 17 июня 1924 г. его действие было оставлено в пределах 27-км полосы Олонгской, Тихтозерской, Вокнаволоцкой и Кондожской Ухтинского района, Кимасозерской, Ребольской, Поросоозерской, Мяндусельгской, Спасопреображенской и Сямозерской пограничных волостей Олонецкого уезда³⁹. В июле 1924 г. действие военного положения было расширено на 27-км полосу Видлицкой, Туломозерской и Ведлозерской пограничных волостей Олонецкого уезда⁴⁰. В результате, зона действия военного положения была сохранена в карельских пограничных волостях в 27-км полосе от линии государственной границы, где дислоцировались пограничные отряды. Она покрыла собой пределы 22-км пограничной полосы от Олонгской до Ведлозерской волости и составила более 44 тысяч кв. км или около 30% площади республики⁴¹. После проведенной ГПУ АКССР по Пограничной охране осенью 1924 г. разбивки пограничных участков согласно новой дислокации частей пограничной охраны⁴², в результате которой передовые заставы были расположены на расстоянии до 35 км от государственной границы, 27-км зона военного положения в Ухтинском

³⁴ Вероятно, это было связано с образованием СССР и вхождением в его состав БССР и УССР в декабре 1922 г.

³⁵ Почто-телеграмма № 39 ОП Областному Военному комиссариату КТК // НА РК Ф. П–3. Оп. 1. Д. 86. Л. 53.

³⁶ Никонов Д. А. Указ. соч.

³⁷ Внеочередное донесение ГПУ АКССР // НА РК Ф. П–3. Оп. 1 Д. 494. Т. I. Л. 87.

³⁸ Архив УФСБ РФ по РК. Ф. 1. Оп. 5. Пор. 3. Л. 33.

³⁹ Там же. Ф. 1. Оп. 5. Пор. 3. Л. 33 об.

⁴⁰ Выписка из протокола № 34 заседания президиума ЦИК АКССР 5 июля 1924 г. // НА РК Ф. Р–690. Оп. 1. Д. 3. Т. II. Л. 474; Архив УФСБ по РК. Ф. 1. Оп. 5. Пор. 3. Л. 63.

⁴¹ Кроме того, военное положение не отменили и в 32-км поперечной полосе отвода Мурманской железной дороги (Выписка из протокола № 34 заседания президиума ЦИК АКССР 5 июля 1924 г. // НА РК Ф. Р–690. Оп. 1. Д. 3. Т. II. Л. 474; Архив УФСБ по РК. Ф. 1. Оп. 5. Пор. 3. Л. 63).

⁴² Архив УФСБ РФ по РК. Ф. 1. Оп. 5. Пор. 3. Д. 42. Л. 60–63.

районе оказалась заключена между 7,5-км пограничной полосой и линией пограничной охраны ГПУ⁴³.

На остальной территории Ухтинского района вместо военного, было введено «исключительное положение», как мера перехода к нормальному порядку в местности, бывшей на военном положении⁴⁴. Оно действовало на территории площадью более 26 тысяч кв. км. (84% площади территории Ухтинского района). Понятие «исключительное положение» было предусмотрено еще в практике действия чрезвычайного законодательства дореволюционной России для защиты государственного и общественного строя от угрожающих его существованию посягательств. Сущность исключительного положения заключалась в приостановке гарантий гражданской свободы. Ключевым элементом исключительного положения являлась замена юрисдикции общих судов военной юрисдикцией⁴⁵. В условиях исключительного положения 1924 г., правила которого регламентировались главой II Положения о чрезвычайных мерах охраны революционного порядка⁴⁶, власть в районе была сосредоточена не в революционном военном комитете, как при военном положении, а в президиуме исполнительного комитета. Президиум райисполкома имел право принимать постановления по предметам, относящимся к охране государственного порядка и безопасности, высылать за пределы района лиц, признанных опасными для общественного порядка⁴⁷. Военное и исключительное положения⁴⁸ позволяли в пограничной полосе осуществлять правоограничительные и репрессивные меры, включая привлечение к уголовной ответственности за действия, не признанные преступлениями уголовным законодательством того времени⁴⁹. Возможности для этого были обеспечены оперативным взаимодействием таможенных органов и ГПУ⁵⁰ тем, что милиция и уголовный розыск находились в оперативном подчинении ГПУ, которое Президиум ЦИК СССР наделил особыми полномочиями, предоставив право использования вооруженной силы милиции, оперативных материалов милиции

⁴³ На участке Олонецкого пограничного отряда передовые заставы располагались на расстоянии до 18 км от линии государственной границы.

⁴⁴ Декрет ВЦИК СНК РСФСР от 8 марта 1923 г. Положением о чрезвычайных мерах охраны революционного порядка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.economics.kiev.ua> (дата обращения: 5.12.2015).

⁴⁵ Дьяченко И. Л. Конституционные вопросы государственного управления в условиях военного положения. Ростов-на-Дону, 2000. С. 16.

⁴⁶ Декрет ВЦИК СНК РСФСР от 8 марта 1923 г. Положение о чрезвычайных мерах охраны революционного порядка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.economics.kiev.ua> (дата обращения: 5.12.2015).

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Никонов Д. А. Указ. соч.

⁵⁰ Циркуляр по Таможенному ведомству от 24 ноября 1923 г. № 229768/с // НА РК Ф. Р-791. Оп. 1. Д. 2. Л. 67.

и уголовного розыска в борьбе с бандитизмом⁵¹. Обе формы чрезвычайных мер охраны порядка (военное и исключительно положение), введенные в Карелии в июне — июле 1924 г., ограничивались законодательством на период до трех месяцев и могли быть продлены по инициативе НКВД и РВС РСФСР⁵². Но такой инициативы не последовало.

Заключенное после подавления восстания Соглашение между Россией и Финляндией о мероприятиях, обеспечивающих неприкосновенность границы от 1 июня 1922 г.⁵³ определило основные ограничения пограничного режима, введенного советской стороной в пограничной полосе. В текст Соглашения были заложены возможности ограничения доступа в пограничную полосу для граждан, которые не являлись их постоянными жителями. В условиях начавшегося возвращения населения в Карелию территориальным органам ГПУ было дано распоряжение «не проводить пока арестов активистов немедленно» при переходе границы, чтобы «не затормозить массовое возвращение беженцев»⁵⁴. Тем не менее к октябрю 1922 г. было произведено 1165 арестов. Основная часть арестов была проведена во время военных действий по подавлению карельского восстания — 801 человек. С марта по июль было арестовано 308 человека, с августа по октябрь — 56⁵⁵. Из 1165 арестованных было освобождено из-под ареста 762 человека, т. е. 65%. И только 373 дела на арестованных было передано в народные суды и военный трибунал. 3 человека умерло⁵⁶. Судьба 27 человек по источникам не прослеживается. Если учесть, что к сентябрю 1922 г. в пограничные районы КТК прибыло 2490 беженца⁵⁷, то в течение месяца половина из них, 1165 (47%), была подвергнута аресту. К 15% вернувшихся были применены карательные санкции.

Последовательно ограничивался доступ в пределы пограничной полосы из внутренних районов страны. Декретом ВЦИК РСФСР «О предоставлении всем гражданам беспрепятственного передвижения по всей территории РСФСР» от 24 января 1922 г. был введен запрет на въезд в пограничные пункты и за них до линии государственной границы, т. е. 7,5-км полосы. В условиях активной дея-

⁵¹ Уткин Н. И. 1923–1926 годы: становление милицейской системы в Карелии // Материалы II Межрегиональной научно-практической конференции, посвященной 85-летию образования Министерства внутренних дел по Республике Карелия (4–5 сентября 2008 г.) Петрозаводск, 2008. С. 21.

⁵² Там же.

⁵³ Соглашение между Россией и Финляндией о мероприятиях, обеспечивающих неприкосновенность границы. [Электронный ресурс]. URL: heninen.net/sopimus/1922p.htm. (дата обращения: 17.04.2014).

⁵⁴ Архив УФСБ РФ по РК СПО П–К–1. Л. 5, 25.

⁵⁵ Там же. Л. 25.

⁵⁶ Там же. Л. 25.

⁵⁷ КАРЦИК. Сведения о карельских беженцах // НА РК Ф. Р–689. Оп. 1. Д. 601.

тельности иностранных разведывательных служб⁵⁸, размаха контрабандной торговли в приграничье⁵⁹ и напряженной внешнеполитической обстановки в 1923 г., ГПУ при НКВД РСФСР, разрабатывая пограничное законодательство СССР, впервые соотнесло правила пограничного режима с системой пограничных полос. В «Инструкции службы охраны государственной границы пограничными войсками ГПУ», введенной 28 марта 1923 г., были предусмотрены действия пограничных войск ГПУ во всех сложившихся к этому времени подуровнях системы пограничных полос. Доступ населения в систему пограничного микроуровня был ограничен по мере приближения к линии государственной границы: 4-ая полоса, непосредственно прилегающая к пограничной линии или к берегу пограничного озера или реки, предоставлялась в исключительное ведение пограничной охраны. Посторонним лицам доступ разрешался в эту полосу лишь в неизбежных случаях для пользования пограничными водами, берегами рек и озер и прочими угодьями с соблюдением правил, установленных пограничной охраной⁶⁰. В пределах 7,5-км и 16-км полосы любой гражданин мог быть остановлен пограничными органами ГПУ для выяснения личности⁶¹. В пределах 16-км полосы доступ посторонним лицам, не жителям данного участка полосы, был возможен только при наличии разрешительных документов⁶². В пределах 22-км полосы пограничные органы ГПУ могли подвергнуть обыску, проверке документов, осмотреть вещи и транспорт любого гражданина, подозреваемого в контрабанде или незаконном пересечении границы⁶³, произвести обыск в жилых и нежилых помещениях, выемки, обнаруженных контрабандных товаров⁶⁴. Пересечение линии государственной границы, въезд в пределы СССР и выезд был разрешен только через таможенные приграничные учреждения или через пограничные пропускные пункты. К этому времени в пределах Петрозаводского

⁵⁸ *Килин Ю. М.* Рецензия на кн.: Elfvengren E., Laidinen E. P. Vakoilua itärajan takana. Yleisesikunnan tiedustelu Neuvosto-Karjalassa 1918–1939. Minerva Kustannus Oy, 2012. 384 s. // *Studia Humanitatis Borealis*. 2013. № 1. С. 166–173.

⁵⁹ *Терентьев Е. М.* Деятельность государственных органов по усилению охраны государственной границы СССР в 1924–1928 гг. // *Вестник Военного университета*. 2007. № 4(12). С. 119–123; *Мусаев В. И.* Контрабанда в российско-финляндском приграничье как экономическая и политическая проблема (1920–30-е гг.) // *Межкультурные взаимодействия в полиэтничном пространстве пограничного региона: сборник материалов международной научной конференции*. Петрозаводск, 2005. С. 106–111; *Мозохин О. Б.* Деятельность ГПУ–ОГПУ по обеспечению экономической безопасности советского государства (1922–1934 гг.) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dissers.ru> (дата обращения: 12.10.2014).

⁶⁰ Приказ ГПУ АКССР // *Архив УФСБ РФ по РК*. Оп. 4. Пор. 2. Книга секретных приказов по Карельскому областному отделу Госполитуправления. Л. 98.

⁶¹ *Там же*.

⁶² *Там же*. Л. 100.

⁶³ *Там же*. Л. 99.

⁶⁴ *Там же*. Л. 100.

таможенного участка Петроградского таможенного округа действовало 5 таможен и 9 таможенных постов⁶⁵. На государственной границе действовало 12 пограничных постов⁶⁶. Введенные правила пересечения государственной границы, перемещения в пределах системы пограничной полосы должны были обеспечить государственную безопасность как военно-политическую, так и экономическую. Указанные правила пограничного режима были закреплены в «Положении об охране границ СССР», утвержденном 7 сентября 1923 г. ЦИК СССР⁶⁷.

Коррелируя пограничный режим с необходимостью проведения репатриации беженцев в Карелию, власть регламентировала места проживания репатриантов, вводила запрет на репатриацию и оставляла за собой возможности применения административно-репрессивных мер на территориях массовой репатриации. Только после законодательного оформления правил пограничного режима и системы пограничных полос с марта 1923 г. особая комиссия КТК начала готовить проведение амнистии участникам карельского восстания 1921–1922 гг. Постановлением ВЦИК РСФСР амнистия была объявлена с 1 мая 1923 г. всем лицам, покинувшим родные волости в 1921–1922 гг.⁶⁸ Репатрианты должны были въехать в СССР до 1 января 1926 г. В тоже время комиссией КТК были составлены списки из 502 граждан участников бандитизма, не подлежащих амнистированию⁶⁹. В результате проведения репатриационной политики советского государства в Карелию к 1926 г. включительно удалось вернуть около 57% беженцев (около 8000 человек). Около 77% репатриантов советская власть позволила вернуться в те уезды Карелии, которые входили в пограничную зону. Вернувшиеся в 27-км пограничную полосу Олонгской, Тихтозерской, Вокнаволоцкой и Кондокской волостей Ухтинского района репатрианты оказывались на территории действия военного положения. Вернувшиеся в другие волости Ухтинского района попадали на территорию действия «исключительного положения».

Военное и исключительное положение были основанием для применения паспортного режима в пограничной полосе в начале 1920-х гг. Если в тыловых районах страны паспорта выдавались на основе Инструкции о порядке выдачи паспортов и временных свидетельств, объявленной приказом Главного Управле-

⁶⁵ Ретухова О. Ю. Карельская таможня в 1920-х годах // Научный электронный журнал Carelica. 2014. № 2(12). С. 20–33.

⁶⁶ Органы безопасности Карелии: исторические очерки, воспоминания, биографии / авт.-сост. К. Ф. Белоусов, А. М. Беляев, С. Г. Веригин. Петрозаводск, 2008. С. 67.

⁶⁷ Положение об охране границ СССР от 7 сентября 1923 г. // ГА РФ Ф. 3316. Оп. 16А. Д. 28. Л. 1–10.

⁶⁸ Постановление ВЦИК РСФСР № 166 303 сл. от 30 апреля 1923 г. // НА РК Ф. Р–689. Оп. 1. Д. 1/6. Л. 51.

⁶⁹ Протокол № 2 от 10 апреля 1923 г. Особой комиссии по установлении лиц — участников бандитизма, не подлежащих амнистированию // НА РК Ф. Р–689. Оп. 1. Д. 1/6. Л. 18.

ния Советской рабоче-крестьянской милиции НКВД от 1 ноября 1920 г, только лицам, желавшим их получить. Необходимость документов, удостоверяющих личность у граждан, находящихся в пределах пограничной полосы, была обусловлена возможностью их проверки пограничными войсками и органами ГПУ на основании действующего «Положения об охране границ СССР»⁷⁰. Более того, наличие у гражданина документов не предполагало свободного перемещения в пределах пограничной полосы. А предъявление документов, выданных Ухтинским Укомом РКП(б) или Ухтинским исполком, согласно дополнений, внесенных в Инструкцию пограничным постам ГПУ АКССР об урегулировании порядка перехода государственной границы политическими эмигрантами в ноябре 1923 г., могло быть основанием для задержания⁷¹.

Летом 1923 г. НКВД РСФСР разработал проект постановления ВЦИК и СНК РСФСР о едином удостоверении личности, которое планировали ввести с 1 января 1924 г.⁷² Но Инструкцию о порядке введения единого удостоверения личности долго не согласовывал Президиум ВЦИК, и поэтому начало ее введения было установлено с 1 апреля 1924 г.⁷³ На территории АКССР согласно постановления Президиума ВЦИК и СНК РСФСР взамен прежних паспортов и других документов милиция (или Волостные исполнительные комитеты) начали выдавать новые удостоверения личности с 1 апреля 1924 г.⁷⁴ В тексте Инструкции о порядке введения единого удостоверения личности был предусмотренны способы выяснения личности: во-первых, документ выдавался на короткий срок от одного года до трех лет, во-вторых, милиция (или Волисполком) могли отказать в выдаче гражданину удостоверения личности, если предъявленный им документ вызывал сомнение в его подлинности, законности или ему не принадлежал⁷⁵. Оба условия позволяли отслеживать законность пребывания гражданина на территории РСФСР, в том числе и в пограничной полосе.

⁷⁰ Приказ ГПУ АКССР // Архив УФСБ РФ по РК. Оп. 4. Пор. 2. Книга секретных приказов по Карельскому областному отделу Госполитуправления. Л. 99.

⁷¹ Докладная записка об изменении п. 7. параграфа 2 приказа ГПУ АКССР № 335/109-с и Инструкции погранпостам // НА РК Ф. П-3. Оп. 1. Д. 248. Л. 127.

⁷² Постановления ВЦИК и СНК РСФСР о едином удостоверении личности // ГА РФ Ф. 3316. Оп. 16. Д. 99. Л. 72.

⁷³ Постановление Президиума ВЦИК и СНК РСФСР // ГА РФ Ф. 3316. Оп. 16. Д. 99. Л. 70–71.

⁷⁴ Бланк нового удостоверения личности содержал сведения о фамилии, имени и отчестве гражданина, дату его рождения, место постоянного жительства, род занятий, отношение к прохождению военной службы, семейное положение, место для фотокарточки (вклеивать его было не обязательно), подпись владельца, место для регистрации, номер удостоверения, срок его действия, подписи, печать, информацию о том, на основании какого документа, где, кем и когда было выдано удостоверение личности (См.: ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 16. Д. 99. Л. 63–65).

⁷⁵ Инструкция по проведению в жизнь постановления ВЦИК и СНК РСФСР «Об удостоверениях личности» // ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 16. Д. 99. Л. 57, 60.

Летом 1925 г. постановлением Президиума ЦИК СССР регулирование вопросов въезда в СССР и выезда из СССР граждан были изъяты из ведения НКВД⁷⁶ и переданы НКВД⁷⁷. Для жителей пограничной полосы в постановлении предполагалась выдача разрешений на краткосрочный переход государственной границы СССР по соглашению с соседним государством. В действующем советско-финляндском соглашении 1922 г. такого порядка не было предусмотрено. Осенью 1923 г. между республиканской и центральной властью безрезультатно обсуждалась возможность разрешения населению приграничных волостей Карелии, привычного к трудовому отходничеству и страдающего, особенно зимой, из-за товарного дефицита и безработицы, легального перехода границы⁷⁸. Но в силу действовавших военного и исключительного положения легальные краткосрочные переходы жителей карельской пограничной полосы были недопустимы.

Более того, по инициативе органов ГПУ летом 1925 г. были пересмотрены в сторону увеличения разграничительные линии пограничной полосы и введены ограничения на передвижение местного населения в 4-м и 500-м пограничной полосе⁷⁹. Новая линия 7,5-км пограничной полосы⁸⁰ была сдвинута на восток, заменив прежнюю линию запретных населенных пунктов, установленную 24 марта 1924 г. приказом ОГПУ, и расширив зону действия пограничного режима в приграничье республики. Для проезда в запретную зону въезжающие должны были руководствоваться 22 статьей «Положения об охране границ СССР» 1923 г., регулировавшей прежде въезд в 16-км полосу, т. е. для въезда необхо-

---

⁷⁶ В ведении Наркомата иностранных дел осталась выдача дипломатических, служебных паспортов и виз на выезд за границу (См.: Положение о въезде в пределы Союза Советских Социалистических Республик и о выезде из пределов Союза Советских Социалистических Республик, утвержденное Постановлением ЦИК СССР, СНК СССР от 05 июня 1925 г.) [Электронный ресурс]. URL: <http://ppt.ru/newstext.phtml?id=36955> (дата обращения: 12.12.2015).

⁷⁷ Положение о въезде в пределы Союза Советских Социалистических Республик и о выезде из пределов Союза Советских Социалистических Республик, утвержденное Постановлением ЦИК СССР, СНК СССР от 05 июня 1925 г.) [Электронный ресурс]. URL: <http://ppt.ru/newstext.phtml?id=36955> (дата обращения: 12.12.2015).

⁷⁸ Выписка из протокола заседания СНК АКССР № 14 от 15 октября 1923 г. // НАРК Ф. П–3. Оп. 1. Д. 230. Л. 25.

⁷⁹ Протокол заседания КАРЦИК № 29 от 1 августа 1925 г. // НА РК Ф. Р–689. Оп. 1. Д. 136. Л. 2–3.

⁸⁰ В постановлении Президиума КАРЦИКа от 1 августа 1925 г. было установлено, что отчет 7,5-км пограничной полосы следует проводить от линии передовых пограничных застав, был уточнен перечень населенных пунктов в Олонецком уезде, входящих в 7,5-км запретную полосу. Глубина 7,5-км полосы была увеличена на 2 км. Тем же решением внешнюю границу 22-км полосы таможенного контроля в Олонецком уезде ограничили по линии от село Ведлозеро — Тулокса. В результате максимальная точка 22-км полосы здесь находилась примерно в 50 км от линии государственной границы.

димы были разрешительные документы⁸¹. В пределах новой линии 22-км полосы распространялось действие 17 статьи «Положения об охране границ СССР» 1923 г., согласно которой органы ГПУ имели право обыскивать подозреваемых и осматривать их документы, вещи, повозки⁸². Пограничные 4-м и 500-м полосы были оставлены без изменений, но передвижение в них с «целью рационализации охраны... пограничной полосы»⁸³ допускалось только в исключительных случаях даже для жителей пограничной полосы. Решением Президиума ЦИК АКССР органы ГПУ республики были обязаны проинформировать местное население о запрете передвижения в пунктах 4-м и 500-м пограничных полос⁸⁴. Для въезда в пределы указанной пограничной полосы с января 1926 г. требовалось получение специального разрешения, о чем было принято постановление ЦИК и СНК АКССР⁸⁵.

С принятием 15 июня 1927 г. ЦИК и СНК СССР нового «Положения об охране государственных границ Союза СССР»⁸⁶ органы государственной безопасности получили полномочия о не допуске в пограничную полосу микроуровня посторонних лиц и ограничении передвижения в ней местных жителей. Если прежде, в 1923–1925 гг., население в исключительных случаях могло находиться в пределах 4-м и 500-м пограничной полосы, то с 1927 г. доступ местных жителей в пространство между линией государственной границы и линией расположения пограничных застав, от которой определялись 7,5-км и 22-км полосы, был возможен только с разрешения ОГПУ. Более того, выполняя постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 20 декабря 1927 г. об обеспечении режима безопасности непосредственно на территории прилегающей к государственной границе, ЦИК и СНК АКССР изъясил земли в пределах 4-м полосы из права пользования всех частных лиц, земельных обществ, государственных предприятий и организаций и передана в пользование пограничной охране⁸⁷. Доступ населения в 4-м пограничную полосу был полностью закрыт.

В «Положении об охране государственных границ Союза СССР» 1927 г. было введено понятие контрольно-пропускного пункта и его назначение. Соот-

⁸¹ Протокол заседания КАРЦИК № 29 от 1 августа 1925 г. // НА РК Ф. Р-689. Оп. 1. Д. 136. Л. 3.

⁸² Там же.

⁸³ Там же.

⁸⁴ Протокол заседания Президиума ЦИК АКССР № 45 от 21 ноября 1925 г. // НА РК Ф. Р-689. Оп. 1. Д. 136. Л. 21.

⁸⁵ Постановление ЦИК и СНК АКССР // НА РК Р-690. Оп. 1. Д. 101. Л. 321.

⁸⁶ Постановление ЦИК и СНК СССР «Положение об охране государственных границ Союза СССР» [Электронный ресурс]. URL: <http://istmat.info/node/22789> (дата обращения: 13.11.2013).

⁸⁷ Протокол заседания ЦИК и СНК АКССР № 99 от 7 сентября 1928 г. // НА РК Ф. Р-690 Оп. 1. Д. 101. Л. 319.

ветственно на основе предписания начальника Управления пограничной охраны ПП ОГПУ в Ленинградском Военном округе, ГПУ АКССР разработало проект списка запретных пунктов 7,5-км полосы в Карелии, который был утвержден Президиумом ЦИК АКССР 16 июля 1927 г.⁸⁸ В приложении к протоколу заседания Президиума ЦИК АКССР 7,5-км полоса была определена как «запретная по въезду погранзона без соответствующих на то разрешений органов ОГПУ»⁸⁹. Дислокация контрольно-пропускных пунктов ОГПУ по проверке документов лиц, въезжающих в запретную пограничную полосу, была установлена по дорогам: Кемь — Ухта, Парандово — Реболы, Петрозаводск — Спасская Губа, Медвежья Гора — Поросозеро, Петрозаводск — Пряжа, Лодейное Поле — Олонек, Петрозаводск — Сямозеро, Лоухи — Кестеньга⁹⁰. Инструкция о порядке въезда в запретную пограничную полосу РСФСР была утверждена ВЦИК и СНК РСФСР 28 июля 1927 г.⁹¹ На ее основе карельское руководство разработало проект постановления ЦИК и СНК АКССР «О порядке выдачи разрешений на въезд в пограничную полосу» и утвердило его 14 сентября 1928 г.⁹² Въезд в пределы «запретной погранзоны» был предусмотрен по разрешению органов пограничной охраны ОГПУ, в местах, где их не было, по разрешению губернских (окружных) отделов ОГПУ. Лица, получившие разрешение, по прибытии в населенные пункты обязаны были регистрироваться в ближайшем органе пограничной охраны, которым делалась соответствующая отметка на разрешении⁹³. Контроль и проверка документов в пределах «запретной» пограничной полосы осуществлялась органами пограничной охраны ОГПУ, а на путях сообщений — контрольно-пропускными пунктами ОГПУ⁹⁴ и транспортными органами ОГПУ. Учитывая, что в 1928 г. Карелия была исключена из списка территорий угрожаемой зоны, кроме 10% ее территории, карельское руководство предусмотрело выдачу разрешений на въезд в «запретную» зону рабочих, направляемых государственными предприятиями⁹⁵. По этому поводу СНК АКССР 22 сентября

⁸⁸ Секретное приложение к протоколу заседания Президиума ЦИК АКССР № 13 от 16 июля 1927 г. // НА РК Ф. Р-689. Оп. 1. Д. 24/ 288. Л. 42.

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ Дислокация контрольно-пропускных пунктов по проверке документов лиц, въезжающих в запретную пограничную полосу АКССР // НА РК Ф. Р-690. Оп. 10. Д. 41. Л. 81.

⁹¹ Хондожко В. Э. Указ. соч. С. 90.

⁹² Постановление ЦИК и СНК АКССР № 99/3 / СНК КАРЦИК от 14 сентября 1928 г. // НА РК Ф. Р-690. Оп. 1. Д. 101. Л. 320–321.

⁹³ Постановление ЦИК и СНК АКССР № 99/3 / СНК КАРЦИК от 14 сентября 1928 г. // НА РК Ф. Р-690. Оп. 1. Д. 101. Л. 320–321.

⁹⁴ Деятельность контрольно-пропускных пунктов и их режим регламентировался июньским 1927 г. Положением о контрольно-пропускных пунктах ОГПУ (Хондожко В. Э. Указ. соч. С. 91).

⁹⁵ Постановление ЦИК и СНК АКССР № 99/3 / СНК КАРЦИК от 14 сентября 1928 г. // НА РК Ф. Р-690. Оп. 1. Д. 101. Л. 321.

1928 г. было принято специальное постановление, обязывающее учреждения и наркоматы республики своевременно заказывать и получать в ГПУ АКССР пропуска для служащих и рабочих, направляемых в «запретную» пограничную полосу⁹⁶.

Таким образом, в Карелии с момента введения военного положения органы государственной безопасности и вооруженные силы советского государства поддерживали пограничный режим в пределах пограничной полосы, т.е. введение ограничений пограничного режима в интересах обеспечения внутренней безопасности советского государства в карельском пограничье произошло раньше, чем такие шаги были предприняты в приграничных территориях страны⁹⁷. Пограничный режим в Карелии в первой половине 1920-х гг. коррелировался с необходимостью проведения репатриационной политики. Особенностью этого процесса было то, что большинство участников карельского восстания возвращались в населенные пункты, расположенные в пределах пограничной полосы. По мере снижения репатриационного потока с середины 1920-х гг. ужесточались ограничения доступа в пограничную полосу. Содержание пограничного режима наполнялось правилами и ограничениями, призванными противостоять внутренним угрозам безопасности в пределах этого пространства. В Карелии его содержание усугублялось действием чрезвычайного положения.

РЕЗЮМЕ

В статье проанализированы изменения пограничного режима в Карелии в связи с введением военного и исключительного положения и динамикой пограничной полосы в 1920-х гг.

Ключевые слова: пограничная полоса, пограничный режим, военное положение, исключительное положение, репатриация.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Боярский В. И.* Наука о регулятивной функции государственной границы: основные теоретические и практические выводы, вытекающие из анализа истории пограничной мысли [Электронный ресурс] Электронное научное издание Альманах Пространство и Время. 2013. № 1. Т. 3. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/> (дата обращения: 23.12.2015).

⁹⁶ Письмо помощника начальника ГПУ АКССР Чарского Н.Г. председателю СНК АКССР // НА РК Ф. Р-690. Оп. 1. Д. 156. Л. 54.

⁹⁷ Если учитывать, что военное положение в Карелии было введено в октябре 1921 г., а Декрет ВЦИК РСФСР «О предоставлении всем гражданам беспрепятственного передвижения по всей территории РСФСР» был принят от 24 января 1922 г.

2. *Боярский В. И.* Основные этапы, противоречия и тенденции развития пограничной службы России (XIV–XX вв.) // Вестник границы России. 1996. № 5. С. 34–45.
3. *Бутвило А. И.* Карельская Трудовая Коммуна. / А. И. Бутвило. Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2011. — 235 с.
4. *Бурдужук В. И.* Погранслужба в структуре исполнительной власти советского государства (1917–1939) // Вестник границы России. 1996. № 5. С. 77–84.
5. *Винниченко А. Г.* Правовое регулирование пограничного режима в Российской Федерации. Дис. канд. юр. наук: 20.02.03. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dissercat.com> (дата обращения: 14.02.2015).
6. *Гранберг А. Г.* Межрегиональное экономическое сотрудничество сопредельных стран // Регионы в системе внешнеэкономических связей Российской Федерации / Под ред. С. Г. Горшенина: Оренбург, 1998. С. 30–41.
7. *Дьяченко И. Л.* Конституционные вопросы государственного управления в условиях военного положения. Ростов-на-Дону: СКАГС, 2000. — 250 с.
8. *Егоров А. М.* Псковские пограничные районы в 1920–30-е годы: исторические уроки развития. Автореф. дис. на соиск. учен. степ. к.ист.н. Спец. 07.00.02. Санкт-Петербург, 1998. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dissercat.com/content> (дата обращения: 14.03.2015).
9. *Ежуков Е. Л.* Становление концепции защиты и охраны границ советского государства // Власть. 2008. № 12. С. 104–107.
10. *Ежуков Е. Л.* Исторические концепции охраны границ Российского государства // Военно-исторический журнал. 2012. № 7. С. 16–17.
11. *Ежуков Е. Л.* Концепция охраны границ советского государства: монография / Пограничная акад. Федеральной службы безопасности России. Москва, 2010. — 103 с.
12. *Килин Ю. М.* Рецензия на кн.: Elfvengren E., Laidinen E. P. Vakoilua itärajan takana. Yleisesikunnan tiedustelu Neuvosto-Karjalassa 1918–1939. Minerva Kustannus Oy, 2012. 384 s. // Studia Humanitatis Borealis. 2013. № 1. С. 166–173.
13. *Мозохин О. Б.* Деятельность ГПУ–ОГПУ по обеспечению экономической безопасности советского государства (1922–1934 гг.) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dissers.ru> (дата обращения: 12.10.2014).
14. *Мусаев В. И.* Контрабанда в российско-финляндском пограничье как экономическая и политическая проблема (1920–30-е гг.) // Межкультурные взаимодействия в полиэтничном пространстве пограничного региона: Сборник материалов международной научной конференции. Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2005. С. 106–111.
15. *Никонов Д. А.* Отечественное чрезвычайное военное законодательство: 1920–1941 гг. (историко-правовое исследование). Автореферат канд.дис...канд.юр.наук: 12.01.01. Санкт-Петербург, 2006. [Электронный ресурс]. URL: http://www.iaaj.net/1_oldmasp/modules.php?go=page&name=Pages&pid=116 (дата обращения: 09.06.2015).
16. *Нэх В. Ф.* Пограничная политика Советского государства (1917–1941 гг.) Москва: Моск. погранич. ин-т Федер. службы безопасности Рос. Федерации, 2006. — 246 с.
17. Органы безопасности Карелии: исторические очерки, воспоминания, биографии / авт.-сост. К. Ф. Белоусов, А. М. Беляев, С. Г. Веригин. Петрозаводск: Скандинавия, 2008. — 432 с.
18. *Панфилова М. Р.* Понятие земель пограничных территорий: правовой и исторический аспекты // Вестник ОГУ. 2004. № 7. С. 14–18.

19. Репухова О. Ю. Формирование системы пограничных полос в Карелии в 1920-х гг. // Армия и общество. 2014. № 2. С. 123–129.
20. Репухова О. Ю. Репатриация беженцев в Карелию в 1920-х гг. в контексте мобилизационной подготовки // В мире научных открытий 2015. № 7.9 (67). С. 3243–3253.
21. Репухова О. Ю. Система пограничных полос в Карелии в 1930-х годах // В мире научных открытий. 2014. № 11.8 (59). С. 3216–3228.
22. Репухова О. Ю. Пространственно-территориальная мобилизационная подготовка в Карелии в 1920–1930-х годах: научное электронное издание. Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2016. — 85 с.
23. Репухова О. Ю. Карельская таможня в 1920-х годах // Научный электронный журнал Carelica. 2014. № 2(12). С. 20–33.
24. Романова И. «Зона»: Беларусь 1930-х годов с советской стороны границы // Спадчына. 2001. № 1–2. С. 111–134.
25. Терентьев Е. М. Деятельность государственных органов по усилению охраны государственной границы СССР в 1924–1928 гг. // Вестник Военного университета. 2007. № 4(12). С. 119–123.
26. Хондожко В. Э. Теоретико-правовые аспекты установления пограничных зон и пограничных режимов в Российской Федерации: Автореферат канд. дис...канд. Юр. наук: 20.02.03. Москва, 2002. — 281 с.
27. Уткин Н. И. 1923–1926 годы: становление милицейской системы в Карелии // Материалы II Межрегиональной научно-практической конференции, посвященной 85-летию образования Министерства внутренних дел по Республике Карелия (4–5 сентября 2008 г.). Петрозаводск, 2008. С. 19–26.

SUMMARY

O. Yu. Repuchova

Boundary Regime in Karelia in the 1920s

The article analyses the changes in the boundary regime of Karelia in connection with the introduction of martial and emergency law and the dynamics of the borderland in the 1920s.

Keywords: borderland, boundary regime, martial law, emergency law, repatriation.

REFERENCES

1. Boyarskii V.I. Nauka o regul'yativnoi funktsii gosudarstvennoi granitsy: osnovnye teoreticheskie i prakticheskie vyvody, vytekeyushchie iz analiza istorii pogranichnoi mysli. *Elektronnoe nauchnoe izdanie Al'manakh Prostranstvo i Vremya*. 2013, no. 1, vol. 3. URL: available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/> (accessed: 23.12.2015).
2. Boyarskii V.I. Osnovnye etapy, protivorechiya i tendentsii razvitiya pogranichnoi sluzhby Rossii (XIV–XX vv.). *Vestnik granitsy Rossii*. 1996, no. 5, pp. 34–45.
3. Burduzhuk V.I. Pogransluzhba v strukture ispolnitel'noi vlasti sovetskogo gosudarstva (1917–1939). *Vestnik granitsy Rossii*. 1996, no. 5, pp. 77–84.

4. Butvilo A.I. *Karel'skaya Trudovaya Kommuna*. Petrozavodsk, izdatel'stvo PetrGU, 2011, 235 p.
5. D'yachenko I.L. *Konstitutsionnye voprosy gosudarstvennogo upravleniya v usloviyakh voennogo polozheniya*. Rostov-na-Donu, SKAGS, 2000, 250 p.
6. Egorov A.M. *Pskovskie pogrannichnye raiony v 1920–30-e gody: istoricheskie uroki razvitiya*. Cand. history sci. diss. Abstr. Sankt-Peterburg, 1998. URL: available at: <http://www.dissercat.com/content> (accessed: 14.03.2015).
7. Ezhukov E.L. Istoricheskie kontseptsii okhrany granits Rossiiskogo gosudarstva. *Voенно-istoricheskii zhurnal*. 2012, no. 7, pp. 16–17.
8. Ezhukov E.L. *Kontseptsiya okhrany granits sovetskogo gosudarstva: monografiya*. Pogrannichnaya akad. Federal'noi sluzhby bezopasnosti Rossii. Moskva, 2010, 103 p.
9. Ezhukov E.L. Stanovlenie kontseptsii zashchity i okhrany granits sovetskogo gosudarstva. *Vlast'*. 2008, no. 12, pp. 104–107.
10. Granberg A.G. Mezhhregional'noe ekonomicheskoe sotrudnichestvo sopredel'nykh stran. *Regiony v sisteme vneshneekonomicheskikh svyazei Rossiiskoi Federatsii*. Orenburg, 1998, pp. 30–41.
11. Khondozhko V.E. *Teoretiko-pravovye aspekty ustanovleniya pogrannichnykh zon i pogrannichnykh rezhimov v Rossiiskoi Federatsii*: Cand.yur. sci. diss. Abstr. Moskva, 2002, 281 p.
12. Kilin Yu.M. *Retsenziya na kn.: Elfvengren E., Laidinen E. P. Vakoilua itärajan takana. Yleisesikunnan tiedustelu Neuvosto-Karjalassa 1918–1939. Minerva Kustannus Oy, 2012. 384 s. Studia Humanitatis Borealis, 2013, no. 1, pp. 166–173.*
13. Mozokhin O.B. *Deyatel'nost' GPU–OGPU po obespecheniyu ekonomicheskoi bezopasnosti sovetskogo gosudarstva (1922–1934 gg.)* URL: available at: <http://www.dissers.ru> (accessed: 12.10.2014).
14. Musaev V.I. Kontrabanda v rossiisko-finlyandskom pogrannich'e kak ekonomicheskaya i politicheskaya problema (1920–30-ee gg.). *Mezhkul'turnye vzaimodeistviya v polietnichnom prostranstve pogrannichnogo regiona: Sbornik materialov mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*. Petrozavodsk: izdatel'stvo PetrGU, 2005, pp. 106–111.
15. Nekh V.F. *Pogrannichnaya politika Sovetskogo gosudarstva (1917–1941 gg.)* Moskva, Mosk. pogrannich. in-t Feder. sluzhby bezopasnosti Ros. Federatsii, 2006, 246 p.
16. Nikonov D.A. *Otechestvennoe chrezvychainoe voенное zakonodatel'stvo: 1920–1941 gg. (istoriko-pravovoe issledovanie)*. Cand.yur. sci. diss. Abstr. Sankt-Peterburg, 2006. URL: available at: http://www.iuaj.net/1_oldmasp/modules.php?go=page&name=Pages&pid=116 (accessed: 09.06.2015).
17. Panfilova M.R. Ponyatie zemel' pogrannichnykh territorii: pravovoi i istoricheskii aspekty. *Vestnik OGU*. 2004, no. 7, pp. 14–18.
18. Repukhova O.Yu. Formirovanie sistemy pogrannichnykh polos v Karelii v 1920-kh gg. *Armiya i obshchestvo*. 2014, no. 2, pp. 123–129.
19. Repukhova O.Yu. Karel'skaya tamozhnya v 1920-kh godakh. *Nauchnyi elektronnyi zhurnal Carelica*. 2014, no. 2(12), pp. 20–33.
20. Repukhova O.Yu. *Prostranstvenno-territorial'naya mobilizatsionnaya podgotovka v Karelii v 1920–1930-kh godakh: nauchnoe elektronnoe izdanie*. Petrozavodsk, izdatel'stvo PetrGU, 2016, 85 p.
21. Repukhova O.Yu. Repatriatsiya bezhentsev v Kareliyu v 1920-kh gg. v kontekste mobilizatsionnoi podgotovki. *V mire nauchnykh otkrytii*. 2015, no. 7.9 (67), pp. 3243–3253.

22. Repukhova O. Yu. Sistema pogranichnykh polos v Karelii v 1930-kh godakh. *V mire nauchnykh otkrytii*. 2014, no. 11.8 (59), pp. 3216–3228.
23. Romanova I. “Zona”: Belarus’ 1930-kh godov s sovetsoi storony granitsy. *Spadchyna*. 2001, no. 1–2, pp. 111–134.
24. Terent’ev E. M. Deyatel’nost’ gosudarstvennykh organov po usileniyu okhrany gosudarstvennoi granitsy SSSR v 1924–1928 gg. *Vestnik Voennogo universiteta*. 2007, no. 4(12), pp. 119–123.
25. Utkin N. I. 1923–1926 gody: stanovlenie militseiskoi sistemy v Karelii. *Materialy II Mezhhregional’noi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 85-letiyu obrazovaniya Ministerstva vnutrennikh del po Respublike Kareliya (4–5 sentyabrya 2008 g.)*. Petrozavodsk, 2008, pp. 19–26.
26. Vinnichenko A. G. *Pravovoe regulirovanie pogranichnogo rezhima v Rossiiskoi Federatsii*. Dis. kand. iur. nauk: 20.02.03. URL: available at: <http://www.disserscat.com> (accessed: 14.02.2015).

Г. В. Смирнов

Соловки. Реконструкция памяти

ПРЕДИСЛОВИЕ

Четверть века назад, неожиданно сложившиеся обстоятельства забрасывают автора данной статьи на острова Соловецкого архипелага. Это было время, когда на островах царил хаос... До возобновления монастыря еще должно были пройти некоторое время. Помнится, как магазин, расположенный на территории российской национальной святыни, бойко отоваривал водкой очередную партию отдыхающих. Но через весь этот сумбур повсеместно от феноменальной красоты северного ландшафта просто захватывало дух. Эмоциональный удар от этого первого знакомства со святыми местами был настолько оглушитель, что реальное осмысление случившегося на островах стало приходить только спустя некоторое время.

Минуло десять лет, и вдруг (а может и не вдруг) в 2003 г., я внутренне ощутил пронзительную потребность и даже острую необходимость опять вступить на соловецкую землю. Как будто заповедные острова снова позвали к себе... Разбросал все дела, и в путь. И, вот, новая встреча. И снова ощущение мощного воздействия от увиденного и услышанного. Но это была уже другая встреча. И к ней автор был уже гораздо более подготовлен, чем раньше. По возвращении домой, переведя дух, я стал активно погружаться в соловецкую тематику. Передо мной на этом пути встало много острых вопросов, на которые хотелось найти ответы.

Этот путь был наполнен изучением исторических записок, духовных писаний, воспоминаний, литературных трудов, а также живым общением с такими же «осоловелыми», как и сам. Соловки не отпускали... И каждый год, как появлялась возможность, мчался на Соловки. Конечно же, с фотоаппаратом.

Постепенно пришло осознание и понимание такого уникального явления в отечественной истории как Русский Север, или «Северная Фиваида», как ее называют в исторической литературе. Совершенно очевиден факт, что многие столетия одним из наиболее значимых для России исторических, духовных, православных центров являлся Русский Север в целом и Соловки в частности, явившие всему миру уникальный духовный опыт.

Студеные Соловки

Но Соловки — это еще и нечеловеческие испытания. Соловецкий лагерь особого назначения — это страшное черное пятно в истории России. Десятки тысяч замученных и расстрелянных людей, сломанные судьбы, растоптанные души. Об этом свидетельствуют и сами бывшие заключенные Соловецкого лагеря, и архивные документы, и массовые захоронения. Ведь по приблизительным оценкам, в Соловецком лагере погибло около сорока тысяч заключенных. Трагический смысл аббревиатуры последнего названия — СТОН — отразил условия содержания заключенных. Изошренные издевательства, пытки, физическое уничтожение тысяч людей придали самому слову Соловки зловещее звучание.

Вскоре возникло желание поделиться увиденным, познанным, прочувствованным на Соловках. Формой выражения своих мыслей и чувств была выбрана мобильная выставочная фотоэкспозиция, как одна из наиболее универсальных и убедительных для сохранения исторической памяти.

«Память истории священна» — так определил свое отношение к ней Д. С. Лихачев, и он же развивая эту мысль, писал: «Память противостоит уничтожающей силе времени. Память — преодоление времени, преодоление пространства. Память — основа совести и нравственности, память — основа культуры. Хранить память, беречь память — это наш нравственный долг перед самим собой и перед потомками. Память наше богатство». Именно реконструкция памяти — вот одна из главных задач реализации просветительского проекта, посвященного Соловкам. Безусловно, цель важна, но не менее важен путь ее реализации. Хочется в

Свет надежды

Фрагмент выставочной экспозиции

рамках этой статьи поделиться некоторыми вехами на этом пути: своими удивительными встречами, открытиями на тернистых дорогах многолетней реализации соловецкого проекта.

НАЧАЛО

На подлете к Соловкам отчетливо видно, что очертания Соловецкого Кремля символично напоминают корабль... И вот наша фотовыставка о Соловках как корабль под парусами просветительства двинулся в дальние странствия. Сначала по выставочным залам в Москве — Дом Кино, Центр «Преодоление», Центр документального кино, Представительство ООН, Дипломатическая Академия МИД России, Государственная Дума РФ, Кремлевский Дворец Съездов... Потом десятки российских городов — Нижний Новгород, Кострома, Ярославль, Иваново, Казань, Коломна, Волгоград, Владимир, Ставрополье... В 2007 г. состоялся памятный и весьма значимое событие — участие выставкой и издательским проектом в Программе патриаршего визита Алексея II во Францию, организованным Фондом единства православных народов. Торжественное открытие соловецкой фотовыставки, а также презентация фотоальбома состоялись в Страсбурге, а также в Париже, Лионе, Ницце. Интерес к проекту был настолько серьезным, что в ответ на просьбы французов решено было оставить выставку в стране, чтобы вернуться туда снова. Через два года совместно с потрясающим французом Максимом Жеди

Открытие фотовыставки о Соловках. Париж, 2010

Бывшее здание УСЛОН как напоминание о страшных страницах прошлого

Соловецкие камеры пропитаны ужасом

Свидетели страшного прошлого

лягиным, президентом Ассоциации «Обо всём русском во Франции», было организовано восемь выставок во Франции: в Париже, Лионе, Ницце, Гавре, Тулузе. И несколько десятков тысяч французов через соловецкий фотопроjekt прикоснулись к некоторым потрясающим страницам российской истории. А потом — Германия, Израиль, Великобритания, Испания, Куба, Панама... И везде выставка встречала самый пристальный интерес огромного количества людей к фоторассказу об истории Соловков. Часто вспоминаю об удивительных встречах в ходе реализации соловецкого просветительского проекта, помогающего осознать и по-новому понять разные исторические события.

ОТЕЦ ПАВЕЛ ФЛОРЕНСКИЙ

Знакомство с Флоренским, внуком гениального русского мыслителя, произошло в Губкинском нефтехимическом институте. Друзья-дизайнеры из этого института, с которыми в очередной раз обсуждали проект будущей выставочной экспозиции, вдруг вспомнили о профессоре Павле Васильевиче Флоренском, который преподавал в их институте. Через минуту мы уже звонили на кафедру, а через десять минут жали друг другу руки и горячо обсуждали различные соловецкие сюжеты. Внук о. Павла Флоренского, Павел Васильевич, оказался весьма интересной личностью. Знакомство и общение продолжалось и в дальнейшем. А потом были выставки, на которых он неизменно выступал

Фото из личного дела заключенного П. А. Флоренского

с рассказами о своем гениальном деде. И сегодня мы часто перезваниваемся и общаемся, когда надо посоветоваться по тому или иному вопросу. До сих пор помню, как однажды при подготовке к издательскому проекту Павел Васильевич, отвечая на мои вопросы, молча достал огромную коробку с письмами своего деда, поставил передо мной и сказал, указывая на пожелтевшие конверты с соловецкими штампами: «Читай! Здесь ты найдешь ответы на свои вопросы». И я с волнением растворялся в каллиграфически исписанных страницах писем соловецкого узника.

А потом Павел Васильевич инициировал грандиозный проект «Письма о Павла Флоренского и его друзей с Соловков». При встрече Флоренский предложил поучаствовать в своем издательском проекте соловецкими фотографиями. «Хочется, чтобы книги были пропитаны духом Соловков. И Ваши фотонаблюдения должны нам в этом помочь». Кстати, этот замечательный проект уже реализован: недавно в свет вышел четвертый, завершающий четвертый том писем.

Павел Васильевич способствовал моему погружению в мир своего гениального деда через книги, общение, обсуждения... И когда в Париже состоялся фотопроjekt о Соловках, Павел Васильевич опять был рядом и опять на торжественном открытии выставки звучала потрясающая по силе и эмоциональному накалу

Филипповская пустынь. Здесь работал заключенный о. Павел Флоренский

его речь. Часто перечитываю письма о. Павла Флоренского... Весьма памяты такие строки из его соловецких писем: «Соловки остаются свидетельством перевозданной красоты и гармонии природы и сферы бытия человека. Отдаленные от остального мира естественной суровой природной границей Русского Севера, Соловецкие острова поистине воплощают в себе то заветное место и смысл исконного монашества — нести свою спасительную миссию и молитву о мире вдали от мира. За свою подвижническую жизнь монастырь явил миру великий сонм святых заступников и угодников Божиих, для которых высшим смыслом является служение Богу и людям, стяжание милосердия и кротости, твердости в вере и смирения».

В Соловецкий лагерь о. Павел Флоренский был отправлен в конце лета 1934 г., где занимался проблемой добычи йода и агар-агара из морских водорослей. В весьма непростых условиях им было сделано более 10 запатентованных научных открытий и изобретений. В феврале 1935 г. Флоренский пишет родственникам в письме о месте своего соловецкого сидения: «... Место называется Филипповским скитом. В XVI в. здесь жил Филипп Колычев, впоследствии митрополит Московский, которого удушил Малюта Скуратов. Находясь на Соловках, Филипп проявил большую энергию и хозяйственность: соорудил систе-

Выступление П. В. Флоренского, внука о. Павла Флоренского. Париж, 2010

му каналов между бесчисленными здешними озерами, механизировал разные предприятия...».

О. Павел Флоренский постоянно возвращался в своих мыслях к деду, матери, отцу, жене, детям, пытался восстановить летопись рода, использовать ее для самопознания.

А 8 декабря 1937 г., по некоторым свидетельствам, его расстреляли. Это одно из самых тяжких и гнусных преступлений XX в. против гениальных ученых. Памятны пророческие слова Флоренского незадолго до его гибели: «Ясно, свет устроен так что давать миру можно не иначе как расплачиваясь за него страданиями и гонениями...».

Полная реабилитация священника Павла Флоренского была осуществлена спустя 60 лет.

КАМЕНЬ ДМИТРИЯ ЛИХАЧЕВА

В один из приездов на Соловки, при встрече с сотрудницей музея Ольгой Бочкаревой услышал от нее удивительный рассказ о камне Дмитрия Лихачева. Она поведала интересную историю, как они искали этот камень, и в конце концов нашли его. После ее приблизительного описания этого места мы с моим

Соловки. Следы прошлого на камне Д. С. Лихачева

соловецким приятелем Андреем Корольковым двинулись в этом направлении и после долгих поисков нашли его. Действительно, пробравшись через заросли по болотистой местности, в распадке между двумя холмами, неподалеку от озера увидели огромный сероватый валун, усыпанный осенними листьями. На нем мы разглядели краткое послание заключенных соловецкого лагеря нам, ныне живущим. Ведь наверняка они думали тогда о нас, будущих поколениях. Затем в письмах Дмитрия Сергеевича Лихачева, нашего известного общественного деятеля, нашел такие строки:

«... в 1931 году появился Владимир Юльянович Короленко... В сущности, знали мы о нем только два факта: что приходился он писателю В. Г. Короленко двоюродным братом и что был он по профессии юристом... У Владимира Юльяновича приговором был расстрел с заменой десятью годами... Мы решили увековечить свое пребывание на Соловках. Короленко достал молоток и зубило, и мы отправились в лес по Муксалминской дороге искать подходящий камень, чтобы выбить наши фамилии. Камень нашли направо от дороги. Местность была холмистая. Холмы были длинные, и между длинными холмами тянулось длинное узкое озеро. На самой высокой точке одного из холмов лежал валун... Работа была тяжелой. Были мы там дважды. Успели выбить: “Корол” и “Лихач” — величина букв примерно с ладонь... Когда в последний раз я вернулся в Кремль,

я узнал, что меня вызывают на этап... Очень жалел, что не удалось нам добить наших фамилий, и просил закончить работу Владимира Юльяновича. Впоследствии он сообщил мне через кого-то на Медвежью Гору, что надпись закончил»¹. Заключенный Владимир Короленко был расстрелян в лагере в 1937 г.

ПАМЯТНЫЕ ВСТРЕЧИ

На открытии парижской выставки о Соловках ко мне подошли два человека. Одного из них, Александра Александровича Трубецкого, известного общественного деятеля, я узнал сразу. А второй был в церковном одеянии. Он сразу с большим вниманием стал расспрашивать о моих поездках на Соловки. Он сразу расположил к себе удивительно добрым и заинтересованным взглядом... Мы познакомились. Это был Михаил Георгиевич Осоргин, священник русской православной церкви, настоятель храма святых Константина и Елены в Клямаре под Парижем. Потом я узнал потрясающую историю его рождения. Оказывается мать Михаила Осоргина, урожденная княжна Александра Голицына, добилась свидания с мужем, который сидел в лагере на Соловках зимой

*Автор с о. Михаилом (Осоргиным) и А. А. Трубецким
на открытии выставки о Соловках. Париж, 2010 г.*

¹ Лихачев Д. С. Воспоминания. СПб., 2000. С. 374–375.

*Вручение Патриархом Алексеем II фотоальбома «Соловки» Председателю ПАСЕ
Рене Ван дер Линдену. Страсбург, 2007*

1928 г... Вскоре после этого соловецкого свидания он был расстрелян. Вот воспоминания дочери о. Михаила Осоргина:

— Бабушка приехала к супругу Георгию на Соловки, — рассказывает Александра Михайловна (дочь) историю своей семьи, — они пробыли вместе две недели, она вернулась и стала ждать ребенка, и в июне 1929 г. родился мой папа — Михаил. «Я не встречался с отцом при жизни, но вот где был зачат, туда я хочу вернуться, я хочу быть соединен и плотью и душой со своим отцом», — говорил папа.

Александр Александрович Трубецкой писал в своих воспоминаниях: «Мама сумела выехать из России с двумя детьми и с другими родственниками в 1931 г. Затем она вышла замуж за князя Александра Евгеньевича Трубецкого, моего отца. Он был однополчанином ее убитого первого мужа. Я родился уже после войны, в 1947 г.».

А архимандрит Тихон (Шевкунов) после его смерти сказал, что протоиерей Михаил был один из самых поразительных священников русского зарубежья: «Судьба его совершенно неординарна. И само служение было особым. Он очень многое сделал и для православных во Франции и в Италии. Он сохранял такие традиции, которые, надо сказать, никому кроме него не доверены. Например, это касается значительной части наследия отца Киприана Керна». Но самое главное, по его мнению, протоиерей Михаил «был необычайно духовной высоты человек, необычайной честности и высочайшей веры».

Соловки, о. Анзер. «Распятая береза»

*Жертва Соловков —
великомученик о. Петр (Зверев)*

РАСПЯТАЯ БЕРЕЗА

Неоднократно слышал от соловчан рассказ о том, как на Соловках были уничтожены все кресты, а на горе Голгофе вблизи храма Распятия Господня выросла береза в форме креста. В один из своих приездов на Соловки на Анзере увидел эту березу. Потом узнал, что в бывшем Голгофо- Распятском анзерском скиту в лагерный период располагался медицинский изолятор. Умерших заключенных весной сваливали в одну братскую могилу на склоне горы Голгофа. Таким образом, получается, что вся гора — это одна сплошная братская могила. Зимой 1928 г. на Соловках была страшная эпидемия тифа, за эту зиму от тифа умерло более 3 000 человек, среди них был архиепископ Воронежский Петр (Зверев). В 1999 г. специальная комиссия обрела его мощи и обнаружила массовые захоронения на горе Голгофа совсем неподалеку от березы в форме креста.

ПАТРИАРХ ВО ФРАНЦИИ. СЕН ЖЕНЕВЬЕВ ДЕ БУА

Весьма памятен и фотопроект об истории Соловков, представленный во Франции во время патриаршего визита Алексея II в 2007 г. Проект был организован Международным Фондом Единства православных народов. Тогда в рамках орга-

низованной Фондом программы в Страсбурге состоялось торжественное открытие выставки, а через несколько дней на русском кладбище Сен Женевьев де Буа под Парижем поминальная панихида об упокоении соотечественников, скончавшихся вдали от родины. Патриарх сказал тогда: «Перед их могилами мы живо вспоминаем трагедию русского народа в XX в., когда брат восстал на брата и сын против отца. Многие русские люди были рассеяны тогда по земному шару».

Эпилог

Мы живем в непростое, весьма противоречивое время, когда у многих людей, особенно молодежи, размыты нравственные ориентиры... Весьма примечательно в этой связи, что память как «бестелесная духовная субстанция» становится отчетливой силой, особенно во времена предельных испытаний. Совершенно очевидно, что человеку необходимо ощущать себя в истории, понимать свое значение, оставить о себе добрую память. Память о культурных явлениях в истории государства и в целом, в мире, необходимое условие нравственной жизни, духовной оседлости, национальной идентичности, привязанности к родным местам и патриотизма. Именно эти принципы считаю основой своей многолетней просветительской деятельности.

РЕЗЮМЕ

В статье на примере истории Соловков анализируется современное проявление одной из форм общественного сознания — исторической памяти, которая включает в себя реальные события ГУЛАГовского и соловецкого прошлого. Исследование и анализ основываются на изучении материальных объектов, а также писем, дневников и воспоминаний. Активными инструментами исследований выступают фотографическая визуализация и коммуникация.

Ключевые слова: историческая память, национальная идентичность, просветительство, фотографическая визуализация, традиция, связь поколений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лихачев Д. С. Память истории священна. М., 1986.
2. Лихачев Д. С. Воспоминания. СПб., 2000.

SUMMARY

G. V. Smirnov

Solovki. The Reconstruction of Memory

Drawing from the example of Solovki's history, the article analyses the modern manifestation of one of the forms of social consciousness, i.e. the historical memory, which includes the real events of Solovki's Gulag past. The present research and analysis are based on the study of material objects, as well as letters, diaries, and reminiscences. Photographic visualization and communication are used as active research tools.

Keywords: historical memory, national identity, enlightenment activities, photographic visualization, tradition, connection between generations.

REFERENCES

1. Likhachev D.S. *Pamyat' istorii syvashchenna*. Moscow, 1986.
2. Likhachev D.S. *Vospominaniya*. St. Peterburg, 2000.

А. С. Степанов

В. И. Унишевский: страницы запрещенной биографии

Не только детали биографий, но и просто какие-либо упоминания в отечественной литературе о существовании довоенных «перелетчиков» из СССР, в советское время, по вполне понятным причинам, отсутствовали.

И сейчас эта тема остается далеко не самой популярной по тем же причинам. Исключением не стала и история В. И. Унишевского, отрывочные сведения о котором появлялись лишь в работах историков спецслужб и исследователях истории «власовского движения».

Вот что, например, писал по этому поводу К. М. Александров:

«Перелеты из СССР за рубеж по политическим мотивам случались еще в 1920–1930-е гг. 1 февраля 1927 г. в Польшу перелетели в одном самолете командир 17-го авиаотряда Клим, бывший прапорщик Русской армии, и старший моторист Тимащук. Правда, последний 22 февраля явился в советское полпредство и вернулся на родину, где 8 мая был приговорен к расстрелу, но, учитывая “чистосердечное раскаяние”, суд смягчил наказание до 6 лет лагерей. Дальнейшая судьба моториста неизвестна. Клим получил в Польше вид на жительство на имя Рублецкого и затем служил референтом польской печати. В 1934 г. на территорию Латвийской республики из ЛенВО перелетел Г. Н. Кравец, в 1938 г. на самолете “У-2” на территорию Литовской республики — начальник Лужского аэроклуба старший лейтенант В. О. Унишевский»¹.

В дальнейшем эта информация повторялась и воспроизводилась в работах других авторов. Её повторил С. Чуев². У С. Чуева её, в свою очередь, заимствовал В. Е. Звягинцев³. Позже, К. М. Александров также воспроизводил эту информацию и в других изданиях.

---

¹ Александров К. М. Русские солдаты Вермахта. Герои или предатели: Сборник статей и материалов. М.: 2005. С. 170–171.

² Чуев С. Власовцы — пасынки Третьего рейха. М., 2006. С. 374–376.

³ Звягинцев В. Е. Трибунал для «сталинских сколов». М., 2008. С. 98, 403.

Так, весной 2012 г. в статье «Вторая гражданская война» он писал: «В 1934 году на территорию Латвии из Ленинградского военного округа перелетел Георгий Кравец, а в 1938 году на самолете У-2 на территорию Литвы — начальник Лужского аэроклуба старший лейтенант Василий Унишевский, погибший в 1944 году в люфтваффе»⁴.

Однако позже в эту информацию автором были внесены существенные изменения и дополнения. Так, в тексте его диссертационного исследования на соискание ученой степени доктора исторических наук сообщается:

«Зимой 1938 года на самолете “У-2” на территорию Эстонской республики перелетели начальник Лужского аэроклуба старший лейтенант В. О. Унишевский и младший лейтенант Н. Гурьев. В 1937 году их родителей репрессировали органы НКВД, а отец Унишевского был расстрелян во время “ежовщины”»⁵. При этом следует ссылка на данные Службы Регистрации архивных фондов (СРАФ), Управление ФСБ России по городу Санкт-Петербургу и Ленинградской области (УФСБ России по СПб и Ленобласти) и газету «Вести дня» (Таллинн). 1938. 16 февр. № 38 (3697).

Таким образом, следует, что, во-первых, перелет В. О. Унишевского и Н. Гурьева был осуществлен не в Литву, а в Эстонию, а во-вторых, что родители перелетчиков были репрессированы, причем отец В. О. Унишевского — погиб.

То обстоятельство, что на протяжении минимум десяти лет различным исследователям не удавалось даже правильно указать страну, куда перелетел В. Унишевский, говорит о практически полной неразработанности этой темы отечественными историками даже в XXI в. И тот факт, что имя перелетчика и некоторые детали его биографии было выявлены лишь в связи с его службой у немцев во время Второй мировой войны, лишь подтверждает этот вывод.

Информация о В. Унишевском имеется, в частности, на сайте «Погост-Тегель», который функционирует с 2012 г. Автор и редактор проекта Александр Клюндер с 2006 г. вел работу над историей захоронений на Русском православном кладбище Тегель в Берлине.

Вот какая информация содержится на данном сайте:

*«Владимир Иосифович Унишевский
Капитан. Пилот. Начальник штаба 1-ой восточной эскадрильи люфтваффе.
Бывший советский лётчик. В феврале 1938 года перелетел на учебном самолёте из СССР в Эстонию. В том же году переселился из Эстонии в Германию. Сотрудничал с журналом “Contra Komintern”.*

⁴ Александров К. М. Вторая гражданская война. Новая газета, 13 апреля 2012, № 41.

⁵ Александров К. М. Генералитет и офицерские кадры вооруженных формирований Комитета освобождения народов России 1943–1946 гг. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. СПб., 2015. С. 168.

Автор книги “Wettlauf mit der GPU” (Наперегонки с ГПУ), 1939.

Иных сведений не имеется.

Погиб в автокатастрофе 28 июля 1944 года в Гильдесгейме.

Похоронен 4-го августа 1944-го года в Берлине на кладбище Тегель в четвёртом ряду второго квартала».

Указано, что личность похороненного установлена 9 ноября 2013 г., а последнее обновление было сделано 12 ноября того же года⁶.

В тексте на верхней правой стороне страницы указано:

«Фамилия: Унишевский

Имя: Владимир

Отчество: Иосифович

Эпитафия: капитан

Профессия: военный летчик

Дата рождения: 23.06.1911

Место рождения: неизвестно

Дата смерти: 29.07.1944

Место смерти: Гильдесгейм

Место захоронения: 02-04-18»⁷.

На этом сайте приведены ссылки на находящиеся в сети Интернет материалы, связанные с В. Унишевским, в том числе на исследование Игоря Петрова «Только на крыльях», к которому мы также обратимся.

И. Петров обработал различные доступные материалы, связанные с В. Унишевским, в частности ряд эстонских газет 1938 г. и газету «Наша София». Он указал:

«В Ленинградском мартирологе действительно фигурирует

Унишевский Иосиф Федорович Родился в 1883 г., Витебская губ., Дриссенский уезд, д. Росица; поляк; б/п; разметчик завода “Электросила”. Проживал: г. Ленинград, пр. Огородникова, д. 50, кв. 29.

Арестован 6 ноября 1937 г.

Приговорен: Комиссия НКВД и прокуратуры СССР 22 ноября 1937 г., обв.: 58–7–10 УК РСФСР.

Расстрелян 27 ноября 1937 г.»⁸.

---

⁶ [Электронный ресурс]. URL: <https://pogost-tegel.info/index.php?id=2387> (дата обращения 1.09.2017).

⁷ Там же.

⁸ Петров И. Только на крыльях. [Электронный ресурс] URL: <https://labas.livejournal.com/1026620.html> (дата обращения 1.09.2017).

Далее, автор отмечает:

«Из Эстонии Унишевский переехал в Германию, где был немедленно взят в пропагандистский оборот. То ли он сперва связался с Иваном Солоневичем (переехавшим в Германию из Софии примерно тогда же) и уже через него вышел на издаваемый Мелиттой Видеманн журнал “Контракоминтерн”, то ли наоборот через Антиккоминтерн познакомился с Солоневичем. Уже в июльском номере Контракоминтерна была напечатана первая статья Унишевского об обстановке в Красной Армии, в октябре и ноябре журнал презентовал отрывки из как раз выходящей в антикоминтерновском издательстве книги “Wettlauf mit der GPU” (“Бегство от ГПУ”), в декабре статью об армейской прессе и пропаганде. Параллельно в спонсируемой Министерством пропаганды софийской газете Солоневича начал публиковаться русский оригинал книги Унишевского. Отдельным изданием она вышла в мае 1940-го г., примерно тогда же (несмотря на войну) вышел английский перевод». И. Петров также отметил: «О деятельности Унишевского во время войны информации не очень много. Обычно он упоминается в связи с т. н. “1-ой восточной эскадрилей люфтваффе” — вспомогательным транспортно-разведывательным соединением, сформированном немцами из военнопленных советских летчиков в конце 1943-го»⁹.

Анализируя деятельность этой эскадрильи в изложении К. М. Александрова, можно обнаружить ряд неточностей в биографии и обстоятельствах смерти В. Унишевского.

Необходимо отметить, что с деятельностью В. Унишевского в Германии был связан и М. В. Тарновский, который был осужден к расстрелу 26 декабря 1945 г. Военным трибуналом Группы советских оккупационных войск в Германии, а в 1999 г. Главной Военной прокуратурой РФ был признан жертвой политических репрессий и посмертно реабилитирован¹⁰.

Пилот чешской гражданской авиации М. В. Тарновский жил и работал в Пльзене, состоял в местном отделении НТСНП, формально распущенном в Протекторате. В апреле 1941 г. как русский служащий он потерял должность контролера общества «Люфтганза». В августе Тарновский был арестован по подозрению в причастности к чешскому подполью, но его освобождению способствовал В. О. Унишевский, чьи рекомендации звучали убедительно¹¹.

⁹ Петров И. Только на крыльях. [Электронный ресурс] URL: <https://labas.livejournal.com/1026620.html> (дата обращения 1.09.2017).

¹⁰ Александров К. М. Генералитет и офицерские кадры вооруженных формирований Комитета освобождения народов России 1943–1946 гг. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. СПб., 2015. С. 1130.

¹¹ Указ. соч. С. 209, 1130.

К. М. Александров сообщает:

«В 1941–1943 годах по статистике Люфтваффе на сторону немцев перелетели 66 советских экипажей, в первом квартале 1944 года к ним прибавились еще 203. В составе РАГ из военнопленных летно-технического состава ВВС Красной армии и перелетчиков формировалась боевая эскадрилья и группы пилотов. [...] 3 декабря 1943 года 1-я восточная эскадрилья Люфтваффе (1. Ostfliegerstaffel der Luftwaffe) в количестве девяти машин (У-2, Gotha 145 и Ar 66) под командованием Тарновского убыла на фронт в район Даугавпилса и вошла в группу ночных бомбардировщиков “Восток” 4 при штабе I воздушного флота.

Через полгода русский состав эскадрильи (12 машин) насчитывал 79 человек, включая 14 летчиков и штурманов, и 6 бортстрелков. Летчики занимались аэрофотосъемкой, разведкой, атаковали с воздуха партизанские базы в районе Двинска, в Налибокской пуще, южнее Молодечно, на Немане между Лидой и Минском. До расформирования эскадрилья совершила не менее пяти-сот вылетов, на каждого летчика в среднем пришлось 35–50 вылетов. С декабря 1943 года по июль 1944 года эскадрилья потеряла 3 самолета, 9 пилотов, штурманов и бортстрелков, 12 человек получили ранения. Другие пилоты РАГ занимались переподготовкой на немецких самолетах (Bf 108 Taifun, Bf 109, Fi 156, Fw 190 и др.), буксировкой воздушных целей, облетом серийных машин и перегонкой самолетов с заводов на полевые аэродромы Люфтваффе, для чего были сформированы три летных группы: две насчитывали по десять человек, одна — восемь»¹².

В упоминаемой выше работе «Русские солдаты Вермахта. Герои или предатели» К. М. Александров, в частности, сообщает:

«Всего в составе РАГ до мая 1944 г. функционировали три группы для перегонов самолетов, две из которых включали в себя по 10 летчиков каждая, а одна 8. К концу ноября 1943 г. М. В. Тарновский, произведенный в октябре за отличия в службе в чин капитана РОА, завершил комплектование кадров, и 3 декабря 1943 г. I восточная авиационная эскадрилья LW завершила формирование. Все отобранные Тарновским добровольцы были чинами РАГ. Под командованием Тарновского эскадрилья вылетела из Морицфельде и перебазировалась в район Двинска, где с января 1944 г. числилась в составе группы ночного боя “Остланд” (11-е эстонское крыло: 3 эскадрильи, 12-е латышское крыло: 2 эскадрильи) при I воздушном

¹² Александров К. М. Генералитет и офицерские кадры вооруженных формирований Комитета освобождения народов России 1943–1946 гг. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. СПб., 2015. С. 408–409.

флоте LW, а в марте 1944 г. перешла в подчинение штаба VI воздушного флота в район Лиды. Эскадрилья была укомплектована первоначально 9 трофейными самолетами типа “У-2”, “Гота-145” и “Ар-66”, а позднее, после потерь и пополнений в ней насчитывалось 12 самолетов. Русский летно-технический состав в начале лета 1944 г. насчитывал 79 чинов, включая 14 летчиков и штурманов, 6 бортстрелков.

До июля 1944 г. летчики эскадрильи участвовали в аэрофотосъемке местности, разведывательных полетах, обнаружении и атаках с воздуха партизанских лагерей, уничтожении с воздуха партизанских баз и отдельных объектов в районе Двинска, в Налибокской пуще, южнее Молодечно, на р. Неман между Лидой и Минском. Боевые задачи ставились офицерами по борьбе с партизанами при штабах I и VI флотов LW, а также полевой комендатурой Двинска. Боевое использование эскадрильи в значительной степени себя оправдало. Суммарно до расформирования летом 1944 г. чины эскадрильи совершили не менее 500 боевых вылетов, на каждого из них в среднем пришлось от 35 до 50 вылетов. По свидетельству Тарновского, в результате интенсивных операций I восточной эскадрильи LW “партизанам пришлось значительно потесниться”. [...]».

К расформированию эскадрильи в конце июля — начале августа 1944 г. привело несколько причин. С весны 1944 г. капитан Тарновский всё чаще и острее конфликтовал с офицером связи LW при эскадрилье обер-лейтенантом В. Дуусом по поводу откровенного саботирования военно-политическими кругами Германии полноценного развертывания власовской армии и русского политического центра, а также губительных последствий восточной оккупационной политики. Негативную роль играло и членство Тарновского в НТС. Несмотря на то, что Тарновский не вел никакой союзной пропаганды среди подчиненных, членство в Союзе в достаточной степени его компрометировало перед немцами. НТС к лету 1944 г. окончательно лишился политической поддержки и прикрытия со стороны участников антигитлеровской оппозиции, а Гестапо и СД готовили против членов НТС репрессивные акции. В результате в июне 1944 г. капитан М. В. Тарновский был снят с должности и отправлен в отпуск в Пльзень (Чехия). Командование временно принял поручик В. В. Шиян. Отпуск у Тарновского истек 20 июля 1944 г., но вместо возвращения в эскадрилью его направили в Морицфельд, где он занялся разработкой штатов новой русской авиационной учебнозапасной группы. 28 июля 1944 г. в авиакатастрофе погиб единомышленник Тарновского, начальник штаба эскадрильи капитан В. О. Унишевский. Среди некоторых чинов эскадрильи зародились подозрения в причастности к катастрофе немцев, и после гибели Унишевского три из 12 экипажей перелетели на сторону партизан. Это ЧП привело к расформированию I воздушной эскадрильи LW, чины которой были интернированы в Це-

хануве, севернее Варшавы¹³ (версию гибели В. Унишевского в авиакатастрофе К. М. Александров повторил и в своей диссертации 2015 г.).

Приведенной выше информации о времени и причинах перелета противоречит материал статьи «Лидский улет», размещенный в Интернет 24 марта 2003 г. Ее автор, Николай Качук, сообщал, что ряд летчиков из Первой эскадрильи не позднее июня 1944 г. наладили контакт с партизанами и передавали им информацию о планах немцев. А побег на трех самолетах состоялся 3 июля 1944 г., т. е. более чем за три недели до гибели В. Унишевского. Кроме трех летчиков, к партизанам также перебежали и 17 наземных авиаспециалистов. «Крах “1-й восточной эскадрильи” в Лиде майор М. Тарновский и обер-лейтенант Дус от своего патрона — власовского генерала Мальцева — скрыли, списав все на потери в “героической борьбе с большевиками”»¹⁴.

Таким образом, отнюдь не гибель В. Унишевского в результате якобы немецких преследований стала причиной перелета трех самолетов и дезертирства наземных специалистов.

Кроме того, о чем уже говорилось выше, он погиб не в авиакатастрофе, а в результате аварии машины в Гильдесгейме (Хильдесхайме) — в 25 километрах юго-восточнее Ганновера, т. е. расположенного весьма далеко от Восточного фронта.

Таковы некоторые дополнительные детали из биографии Василия Иосифовича Унишевского, который, ввиду репрессий своих родителей, имел все основания опасаться за свою собственную жизнь и в период разгара «ежовщины» бежал из СССР, путем перелета в Эстонию.

РЕЗЮМЕ

Эта статья посвящена вопросам биографии летчика Василия Унишевского. Его родители были арестованы, и он бежал из Советского Союза в Эстонию в 1938 г., а затем переехал в Германию. В эмиграции он опубликовал свои воспоминания на русском, английском и немецком языках. Упоминание о его побеге и политической деятельности долгое время находилось под запретом в СССР. До сих пор в отечественной исторической науке существуют пробелы и неточности в описании его жизни.

Ключевые слова: Унишевский, СССР, репрессии, летчик.

¹³ Александров К. М. Русские солдаты Вермахта. Герои или предатели // Сборник статей и материалов. М., 2005. С. 177–179.

¹⁴ Качук Н. Лидский улет. <https://www.sb.by/articles/lidskiy-ulet.html> (дата обращения 1.09.2017).

ЛИТЕРАТУРА

1. Александров К. М. Русские солдаты Вермахта. Герои или предатели: Сборник статей и материалов. Изд. 2-е. М.: «Яуза», «ЭКСМО», 2005. — 752 с.
2. Александров К. М. Вторая гражданская война. Новая газета, 13 апреля 2012, № 41.
3. Александров К. М. Генералитет и офицерские кадры вооруженных формирований Комитета освобождения народов России 1943-1946 гг. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. СПб., 2015. — 1145 с.
4. Звягинцев В. Е. Трибунал для «сталинских сколов». М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2008. — 432 с.
5. Качук Н. Лидский улет. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sb.by/articles/lidskiy-ulet.html>.
6. Петров И. Только на крыльях. [Электронный ресурс]. URL: <https://labas.livejournal.com/1026620.html>.
7. «Погост-Тегель». [Электронный ресурс]. URL: <https://pogost-tegel.info/index.php?id=2387>.
8. Чуев С. Власовцы — пасынки Третьего рейха. М.: «Яуза», «ЭКСМО», 2006. — 608 с.

SUMMARY

A. S. Stepanov

V. I. Unishevsky: Pages of the Banned Biography

This article is devoted to the biography of the pilot Vasily Unishevsky. His parents were arrested; he fled from the Soviet Union to Estonia in 1938 and then moved to Germany. Whilst in exile, he published his memoirs in Russian, English, and German. His escape and political activity were taboo in the USSR for a long time. Even now, there are still gaps and inaccuracies in this country's history concerning the description of his life.

Keywords: Unishevsky, USSR, repression, pilot.

REFERENCES

1. Aleksandrov K. M. *Generalitet i ofiterskie kadry vooruzhennykh formirovaniy Komiteta osvobodzheniya narodov Rossii 1943-1946 gg.* Dr. history sci. diss. St. Peterburg, 2015, 1145 p.
2. Aleksandrov K. M. *Russkie soldaty Vermakhta.* Geroi ili predateli: Sbornik statei i materialov. Ed. 2. Moscow, Yauza, EKSMO, 2005, 752 p.
3. Aleksandrov K. M. *Vtoraya grazhdanskaya voina.* *Novaya gazeta*, 13 april, 2012, no. 41.
4. Chuev S. *Vlasovtsy — pasynki Tret'ego reikha.* Moscow, Yauza, EKSMO, 2006, 608 p.
5. Kachuk N. *Lidskii ulet.* URL: available at: <https://www.sb.by/articles/lidskiy-ulet.html>.

6. Petrov I. *Tol'ko na kryl'yakh*. URL: available at: <https://labas.livejournal.com/1026620.html>.

7. Zvyagintsev V.E. *Tribunal dlya "stalinskikh skolov"*. Moscow, TERRA-Knizhnyi klub, 2008, 432 p.

В. Н. Хаустов

Массовые репрессии 1937–1938 гг. на севере России (на материалах управлений НКВД Архангельской, Вологодской областей и НКВД Карельской АССР)

Выступление наркома внутренних дел Н. И. Ежова на июньском 1937 г. Пленуме ЦК ВКП(б) 1937 г. можно рассматривать в качестве непосредственного теоретического обоснования дальнейшего развертывания репрессий не только в отношении партийно-советской номенклатуры, но и различных категорий советских людей, что фактически означало переход к массовым репрессиям.

Необходимость развертывания массовых операций в стране Ежов обосновывал фантастическими планами, разработанными в НКВД и заключавшимися в том, что участники антисоветских формирований перевели все свои организации на службу иностранных фашистских разведок, по заданию которых выполняли все шпионские поручения. Они создали якобы диверсионные кадры на случай войны и организовывали диверсии в целях ослабления оборонной мощи Союза на ряде важнейших участков народного хозяйства и на оборонных предприятиях; широко развернули вредительскую работу в народном хозяйстве; готовили и вербовали кадры повстанцев из числа бывших партизан, белого казачества, кулаков, переселенцев, уголовников и других для организации восстания в случае войны; организовали широкую сеть террористических групп, в задачу которых входил индивидуальный террор против вождей партии и советского правительства¹.

Таким образом, если в феврале — марте 1937 г. был обозначен курс на усиление репрессий во всех сферах жизни советского общества, то в июне на Пленуме ЦК ВКП(б), протоколы заседаний которого по данному вопросу до сих пор не обнаружены в архивах, содержались конкретные установки о направлениях карательной политики.

После 2 июля 1937 г., когда было принято решение Политбюро о необходимости борьбы с «контрреволюционными антисоветскими» элементами, руково-

---

¹ Центральный архив ФСБ России (далее — ЦА ФСБ России) Ф. 3. Оп. 4. Д. 20. Л. 187–191.

дители управлений НКВД по указанию Ежова направляли свои предложения о категориях населения, которые необходимо включить в списки для репрессирования. Многие начальники управлений дополняли готовившийся так называемый кулацкий приказ. До его утверждения 31 июля на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) начальник управления НКВД Западно-Сибирского края рапортовал 10 июля о первом заседании тройки и просил кроме кулаков рассматривать дела и на всех бывших людей и «белогвардейско-эсеровский» актив.

Проявил «инициативу» начальник УНКВД Северной области (в сентябре 1937 г. Северная область разделена на Вологодскую и Архангельскую области) Б. А. Бак, который указывал на значительное количество заключенных в тюрьмах, которых можно репрессировать. В приказе № 00447 эта категория была выделена в отдельную графу².

Руководство НКВД СССР ставило в пример начальников тех УНКВД, где не только был выполнен установленный Политбюро ЦК ВКП(б) план по расстрелам, но и откуда поступали шифровки с просьбами продлить сроки репрессий и увеличить «лимиты».

Инициатива об усилении репрессий исходила и от секретарей крайкомов и обкомов. Осенью 1937 г. в докладной записке на имя секретаря ЦК А. А. Жданова секретарь Карельского обкома ВКП(б) М. Н. Никольский сообщал о вскрытой органами НКВД «контрреволюционной повстанческой» организации, куда входили и секретари райкомов партии, арест которых был санкционирован обкомом. Поскольку «контрреволюционеров» оказалось больше, чем было предусмотрено цифрами, утвержденными в ЦК, Карельский обком ВКП(б) просил ЦК ВКП(б) разрешить «тройке» приговорить к расстрелу не 300, а 550 человек, чтобы «все активные контрреволюционные повстанческие элементы, их гнезда были уничтожены». Жданов, переадресовав послание Ежову, просил его «поддержать это дело»³.

Общее отношение к людям, сформировавшееся у оперсостава, выразил назначенный в ноябре 1937 г. начальником УНКВД по Вологодской области С. Г. Жупахин, который на первом оперативном совещании заявил всем сотрудникам, что они отстали в борьбе с врагами советской власти, «а ведь контрреволюция в Вологде плавает поверху, ее можно ловить черпаком». И при этом похвастал, что он, только приехав в Вологду, увидел из окна машины двух китайцев, остановился и приказал их арестовать.

В ходе следствия практиковались и провокационные методы. Обвиняемым предлагали сознаться в предъявляемых обвинениях для того, чтобы уличить затем иностранные государства в шпионской деятельности. Оперработники уверяли арестованных в возможности опровергнуть на суде показания, данные ими

² ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 4. Д. 154. Л. 774, 731, 711.

³ Там же. Д. 69. Л. 270, 280.

на предварительном следствии, обещали небольшие сроки в лагерях и быструю встречу с семьей, хотя дела по массовым операциям рассматривались как «тройками» УНКВД, так и «двойкой» в центре во внесудебном порядке. Приговоры троек о высшей мере наказания не объявлялись. Применение физического насилия, избиения стали нормой. Из более чем ста сотрудников УГБ УНКВД по Вологодской области только три человека отказались принимать участие в избиениях, двое из них, работавшие в органах госбезопасности до начала массовых операций, были переведены из УГБ в неоперативные подразделения. А из 45 выпускников Ленинградской межкраевой школы НКВД СССР, которые были направлены в область в конце 1937 г., только один комсомолец Фарафонтнев отказался избивать арестованных. Он был исключен из комсомола и уволен из органов госбезопасности⁴. Основная же масса оперсостава послушно выполняла указания о проведении массовых операций, допуская постоянные нарушения законности.

В январе 1938 г. решением политбюро были даны дополнительные «лимиты» в республики и области, а сроки проведения операции были продлены до 15 марта 1938 г.

Четко прослеживалась тенденция предоставления их для республик, краев и областей, имевших границы с соседними государствами, что свидетельствовало о задачах «чистки» приграничных регионов.

В процессе выполнения приказа № 00447 И. В. Сталин неоднократно конкретизировал направления деятельности, акцентировал внимание на приоритеты в репрессивной политике. Так, прочитав 13 ноября 1937 г. записку Л. З. Мехлиса, который переадресовал ему письмо бывшего редактора газеты «Звезда» о влиянии церкви в Белоруссии, Сталин дал указание: «Т. Ежову. Надо бы поприжать господ церковников»⁵.

По указанию Ежова начальник Секретно-политического отдела ГУГБ 15 ноября того же года направил на места шифртелеграмму, в которой ставилась задача в течение суток представить в центр материалы об итогах работы по арестам церковников и сектантов за период с августа по ноябрь 1937 г. Безусловно, что нарком внутренних дел хотел доложить о том, что органы государственной безопасности под его руководством провели многочисленные аресты и уже осудили достаточное количество священнослужителей, монахов, церковного актива, сектантских проповедников. В конце ноября записка была составлена и направлена Сталину. Однако Ежов значительно превысил количество представителей так называемой церковно-сектантской контрреволюции, арестованных в 1937 г.

⁴ Архив УФСБ РФ по Ленинградской области и г. Санкт-Петербургу. Ф. 8. Оп. 21. Д. 9. Л. 215; ЦА ФСБ России. АСД Н-15028 в 9-ти томах. Т. 5. С. 81.

⁵ Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ) Ф. 558. Оп. 11. Д. 421. Л. 6.

В период развертывания массовых операций у начальников УНКВД при отсутствии учетов возникали проблемы с принятием решений об основаниях для внесудебной расправы. В этой связи представляет интерес разъяснение Фриновского, например, об арестах церковников и сектантов. «Если церковники и сектанты ведут у вас контрреволюционную деятельность, они в общем порядке подлежат аресту и наказанию в соответствии со степенью тяжести их преступлений, — телеграфировал он в Ижевск. — Если же церковники и сектанты состоят в повстанческих, террористических, фашистских и бандитских формированиях (пункт 3 раздела 1 приказа), то они подлежат репрессированию по 1 или 2 категории»⁶. Такое разъяснение являлось по сути подсказкой для руководителей местных органов НКВД о путях массового репрессирования без судебных формальностей.

В Вологодской области в связи с тем, что было недостаточно арестовано священнослужителей и церковного актива, решили «повысить» показатели. В один из дней сразу после окончания службы около церкви были арестованы 100 человек, в основном пожилого возраста. За исключением одного человека, все они были приговорены к высшей мере наказания⁷.

Сталин усиливал кампанию по ликвидации «вредительства». Результатом неурожая 1936 г. стал массовый падеж скота и его резкое сокращение. 2 октября 1937 г. за подписью Сталина и Молотова партийным, советским, прокурорским работникам республик, краев и областей была вновь направлена директива об организации от 3 до 6 открытых показательных процессов по «вредителям» в животноводстве. Итоги показательных процессов на 10 декабря 1937 г. подвёл Вышинский, сообщавший Сталину и Молотову о привлечении к уголовной ответственности 5 612 человек и приговоренных к высшей мере наказания 1 955 человек⁸.

Открытые показательные процессы в республиках и областях СССР подготавливались в меньших масштабах и по другим отраслям. Так, партийное руководство и НКВД Архангельской области предложили организовать открытый процесс в связи с невыполнением планов лесозаготовок и получили 14 ноября 1937 г. согласие политбюро ЦК ВКП(б) на его проведение⁹.

В период подготовки финской операции была подготовлена справка НКВД о расселении финн-перебежчиков. В ней отмечалось, что основная масса финских перебежчиков перешла границу из Финляндии в СССР в течение 1931–1935 гг. За это время ориентировочно перешло в СССР около 8 тысяч финнов. По данным НКВД к 1937 г. они были расселены следующим образом: в Ленинградской

⁶ ЦА ФСБ России. Ф. 3, Оп. 4. Д. 148. Л. 95.

⁷ ЦА ФСБ России. Архивное следственное дело Н–15028. Т. 9. С. 348.

⁸ ЦА ФСБ России. Ф. 3, Оп. 4. Д. 148. Л. 95.

⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 22. Л. 57.

области и в Карельской АССР на лесоразработках, Свирьстрое, трудились около 5 тысяч финнов. В Свердловской области работали на заводах около 2,5 тысяч человек. 550–600 человек работали в Челябинской области на строительстве оборонного завода № 78, а также в Златоусте, Магнитогорске и на других стройках. Около 75 человек были заняты на работе в Западно-Сибирском крае.

Однако по мере того, как приехавшие в СССР финны столкнулись с советскими реалиями, их настроения резко изменились. Характерными примерами являлись условия, в которых оказались финны, прибывшие в Карелию. То, что в документах именовалось «жилищно-бытовыми» условиями, вызывало у переселенцев шок: они не привыкли жить в бараках по 5–6 человек в комнате, безо всяких удобств (один умывальник на 3 барака). В некоторых организациях в одну комнату селили по 2–3 семьи в помещениях, не приспособленных для зимы: не было света, мебели, они кишели насекомыми.

Второй проблемой было питание. Приезжавших сразу прикрепляли к общественным столовым, но кормили там безобразно и дорого. «Живем неважно, — писал из Кондопоги домой один из переселенцев. — Все время нажимают, а насчет питания не заботятся. Здешние обеды ни в какое сравнение не идут с питанием американского безработного: на первое суп — водянистая похлебка, на второе несколько штук ряпушек, и стоит это 1,5 рубля». В некоторых районах даже за таким скудным обедом приходилось выстаивать по 2 часа в очереди, поскольку не хватало не только продуктов (мяса, масла, овощей), но и столовых.

Из-за недоброкачественной и непривычной пищи многие приехавшие сразу начинали болеть, был зафиксирован целый ряд смертных случаев от желудочно-кишечных заболеваний. Очереди к врачам превышали очереди в столовые, да в некоторых местах и не было врачей, лишь фельдшер с весьма скудным набором лекарств, не понимавший к тому же своих пациентов»¹⁰. В 1934 г. в результате советско-финских переговоров по линии НКВД возвратились в Финляндию 100 человек.

Важно отметить, что в отношении представителей финской национальности, приехавших в Советский Союз, незаконно проводились аресты на основании бездоказательных обвинений. Массовые обращения финских граждан в финскую миссию за национальными документами сотрудники органов госбезопасности квалифицировали как уголовное преступление по статье 58-6 УК РСФСР (шпионаж). В течение 1935 г. официальные представители Финляндии дважды обращались в наркомат иностранных дел СССР с жалобами на подобные действия органов госбезопасности. Финны, которые не торопились получить советское гражданство, были более защищены. Генеральный Прокурор и нарком

¹⁰ И. Такала. Североамериканские финны в довоенной Карелии. // Устная история Карелии. Сб. научных ст. и источников. Выпуск II. Североамериканские финны в Советской Карелии 1930-х годов. Петрозаводск. 2007. С. 46.

НКВД вынуждены были признать неотъемлемое право финских граждан общаться со своим консульством и указать, что «на лиц, которые впредь допустят в составляемых и утверждаемых ими неверные формулировки и квалификации, будут налагаться строжайшие дисциплинарные взыскания»¹¹.

Усиливался поток желающих уехать из СССР. К середине 1937 г. в финскую миссию поступило более 2 тысяч заявлений с ходатайством о возвращении в Финляндию. Подавляющую часть не устраивали условия жизни в СССР¹². В ноябре 1937 г. был подготовлен оперативный приказ по финской операции, которая стала продолжением репрессий по признаку национальной принадлежности. К этому времени уже проводились операции по полякам, немцам, латышам. В архиве отложился проект этого приказа, который формально не был принят, но практически о его проведении отчитывались начальники управлений НКВД. В приказе подчеркивалось, что в СССР вскрыты «диверсионно-шпионские и фашистско-повстанческие организации», созданные финской разведкой. Это представляло серьезную опасность для советской власти. В приказе говорилось о том, что в течение 1937 г. была ликвидирована крупная фашистская агентура в партийно-советском руководстве Карельской, Мордовской, Марийской и Удмуртской автономных республиках.

Документы управления НКВД по Ленинградской области и центрального аппарата свидетельствовали якобы о том, что в распоряжении финского генерального штаба имелась действовавшая до сих пор диверсионно-шпионская и фашистско-повстанческая агентура.

Наибольшее количество перебежчиков, к которым причислялись приехавшие в СССР американские и канадские финны и политэмигранты, осело в Карельской АССР. В приказе констатировалось, что КАССР являлась главным объектом оперативных военных планов Финляндии и генерального штаба. Одновременно с военными действиями агенты финского генштаба должны были начать диверсионно-повстанческую работу в Карелии. Предлагалось обратить особое внимание на военные заводы и оборонные предприятия.

В соответствии с этими положениями нарком НКВД приказывал начать финскую операцию и закончить ее к 15 декабря 1937 г.

Были определены категории, подлежащие аресту, к которым были отнесены все выявленные в процессе следствия финны по различным делам, но до сих пор неарестованные; все перебежчики из Финляндии, работающие на военных заводах и оборонных предприятиях, транспорте, вне зависимости от наличия у них иностранных паспортов; все бывшие участники восстания в Карелии и Ингерманландии, бежавшие ранее в Финляндию и затем возвратившиеся; все

¹¹ В. Хаустов, Л. Самуэльсон. Сталин, НКВД и репрессии 1936–1938 гг. М., 2010. С. 39.

¹² ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 4. Д. 13. Л. 210.

советские граждане, связанные с финскими дипломатическими учреждениями; финские политэмигранты, на которых имеются компрометирующие материалы, позволяющие обвинять их в шпионской деятельности; е) так называемые американские (канадские) финны — граждане СССР, а также американские финны — иностранноподданные, работающие на наших оборонных и военных заводах; агенты Разведупра НКО, НКВД, участвовавшие в легендарных разработках, находившиеся в контакте с финской разведкой, работавшие в качестве внутренников в различных националистических организациях; все подозреваемые в шпионской и диверсионной работе, связанные с моряками финских пароходов и проводниками финских железнодорожных вагонов.

Операцию по арестам рекомендовано было проводить в две очереди. В первую очередь подлежали аресту контингенты, работающие в органах НКВД, Красной армии, военных заводах и стройках, транспорте и проживавшие в пограничных районах; перебежчики, ранее бежавшие из СССР и вернувшиеся; перебежчики, не имеющие определенных занятий; бывшие участники восстаний в Карелии и Ингерманландии, возвратившиеся на территорию СССР после 1926 г.; агенты-двойники Разведупра. Во вторую очередь подлежали аресту все остальные.

Как и по другим операциям по инациональностям все арестованные разбивались на две категории. Арестованные по первой категории и обвиненные в том, что они являлись шпионами, диверсантами, вредителями, повстанческими кадрами финской разведки, подлежали расстрелу. Менее активные и отнесенные ко второй категории подлежали заключению в тюрьмы и лагеря от 8 до 10 лет.

Вместе с тем в отношении официальных представителей иностранных государств (в том числе финнов), прибывших в Советский Союз легально, имевших национальные паспорта, были определенные послабления. Эта категория иностранных граждан в соответствии с подготовленным приказом по финской операции подлежала высылке за пределы СССР¹³.

Операции против инациональностей фактически были сведены к репрессиям против граждан других национальностей. Например, на Украине и в Белоруссии в ходе проведения операции против поляков репрессировались также украинцы и белорусы. О ходе проведения операций по инациональностям дает представление шифротелеграмма от 21 марта 1938 г. заместителя наркома внутренних дел М. И. Фриновского начальнику УНКВД по Свердловской области Д. М. Дмитриеву, в которой отмечалось, что «по финской операции ни одного финна вообще не арестовано, но зато значатся 5 русских, 8 евреев и 2 прочих»¹⁴.

26 мая 1938 г. Политбюро ЦК ВКП(б) вновь санкционирует и продлевает до 1 августа упрощенный порядок рассмотрения дел при репрессировании ино-

¹³ ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 4. Д. 13. Л. 152–157.

¹⁴ Там же. Д. 13. Оп. 5. Д. 82. Л. 32–33.

национальностей. В этом постановлении отражен наиболее полный перечень представителей различных национальностей, на которых обрушились аресты. К ним относились лица польской, немецкой, латышской, эстонской, финской, болгарской, македонской, греческой, румынской, иранской, афганской, китайской национальностей и харбинцы. Ежов 28 мая требовал «при проведении операции добиться исчерпывающей очистки от перечисленных к-р элементов предприятий оборонной промышленности, оборонных цехов, транспорта, территорий укрепленных районов и пограничной полосы. Учесть, что, несмотря на уже проведенные аресты... все еще существуют к-р формирования иноагентуры, проводящие шпионско-диверсионную работу»¹⁵.

В «Книгах памяти» Карелии за период Большого террора есть данные о 10333 репрессированных с августа 1937 г. или 10872 репрессированных с июня. По переписи 1937 г. в Карелии проживало 512554 человека. По массовым операциям арестовано 2,1% населения, 85% из числа арестованных были приговорены к высшей мере наказания. Это один из самых высоких показателей в СССР¹⁶.

Общий итог количества арестованных при проведении финской операции в республиках, краях и областях СССР в соответствии со статистикой НКВД составил 7462 человека, основная часть которых подверглась репрессиям на севере России¹⁷.

Таким образом, репрессивная политика советского государства в период Большого террора имела как общие черты, так и специфические. На территории севера России она заключалась прежде всего в особо жестком характере репрессий, связанных с приграничным положением региона.

РЕЗЮМЕ

В статье рассматриваются вопросы массовых репрессий на Севере России, реализация преступных оперативных приказов. Показаны особенности репрессивной политики советского государства, прежде всего в Карельской АССР.

Ключевые слова: массовые репрессии, оперативные приказы НКВД, статистика жертв в Карелии.

¹⁵ ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 4. Д. 13. Д. 1546. Л. 98.

¹⁶ Лягушкина Л. А. Социальный портрет репрессированных в РСФСР в ходе Большого террора (1937–1938 гг.): сравнительный анализ баз данных по региональным «Книгам памяти». Дисс. канд. ист. наук. М., МГУ. 2016. С. 145.

¹⁷ Мозохин О. Б. Статистические сведения о деятельности органов ВЧК-ОГПУ-НКВД-МГБ (1918–1953 гг.). М., 2016. С. 166, 170.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лягушкина Л. А. Социальный портрет репрессированных в РСФСР в ходе Большого террора (1937–1938 гг.): сравнительный анализ баз данных по региональным «Книгам памяти». Дисс. канд. ист. наук. М., МГУ. 2016.
2. Мозохин О. Б. Статистические сведения о деятельности органов ВЧК-ОГПУ-НКВД-МГБ (1918–1953 гг.). М., 2016.
3. Такала И. Североамериканские финны в довоенной Карелии. // Устная истории Карелии. Сб. научных ст. и источников. Выпуск II. Североамериканские финны в Советской Карелии 1930-х годов. Петрозаводск. 2007.
4. Хаустов В., Самуэльсон Л. Сталин, НКВД и репрессии 1936–1938 гг. М., 2010.

SUMMARY

V. N. Khaustov

Mass Repression of 1937–1938 in the North of Russia (on the materials of the NKVD departments of Arkhangelsk, Vologda regions, and the NKVD of the Karelian ASSR)

The article examines the issues of mass repression in the North of Russia and the implementation of illegal operation orders, demonstrating the distinctive features of the repressive policies conducted by the Soviet state, especially in the Karelian ASSR.

Keywords: Mass repression, NKVD operation orders, Karelian victim statistics.

REFERENCES

1. Khaustov V., Samuel'son L. *Stalin, NKVD i repressii 1936–1938 gg.* Moscow, 2010.
2. Lyagushkina L. A. *Sotsial'nyi portret repressirovannykh v RSFSR v khode Bol'shogo terrora (1937–1938 gg.): sravnitel'nyi analiz baz dannykh po regional'nykh "Knigam pamyati"*. Cand. history sci. diss. Moscow, MGU, 2016.
3. Mozokhin O. B. *Statisticheskie svedeniya o deyatel'nosti organov VChK-OGPU-NKVD-MGB (1918–1953 gg.)*. Moscow, 2016.
4. Takala I. *Severoamerikanskii finny v dovoennoi Karelii. Ustnaya istorii Karelii. Sb. nauchnykh st. i istochnikov.* Issue II. Severoamerikanskii finny v Sovetskoii Karelii 1930-kh godov. Petrozavodsk, 2007.

Сведения об авторах

ВЕРИГИН Сергей Геннадьевич (Петрозаводск). Доктор исторических наук, профессор. Директор Института истории, политических и социальных наук Петрозаводского государственного университета. Сфера научных интересов: советско (российско)–финляндские отношения в период Второй мировой войны, Европейский Север в годы Великой Отечественной войны.

E-mail: verigin@psu.karelia.ru

КОРГАНОВА Мария Эдуардовна (Москва). Аспирант НИУ ВШЭ, преподаватель истории Московского института электроники и математики НИУ ВШЭ. Сфера научных интересов: отечественная история советского периода, социальная история ГУЛАГа, компаративные исследования политических, социальных и институциональных аспектов пенитенциарных систем СССР и Третьего Рейха.

E-mail: lumbrada@bk.ru

МАРКЕЛОВ Артем Владимирович (Киров). Кандидат исторических наук, член Союза писателей России. Сфера научных интересов: история Русской Православной Церкви в XVII–XX вв., иконы и святые в местной и общероссийской истории, история церковно-государственных отношений.

E-mail: avkimarkelov@mail.ru

МЕНДЮКОВ Андрей Валерьевич (Москва). Кандидат исторических наук, научный сотрудник Русского фонда содействия образованию и науке. Сфера научных интересов: Русская Православная Церковь, общество и власть в период поздней империи (вторая половина XIX — начало XX вв.), политическая, экономическая, культурно-просветительская деятельность духовенства, особенности массового сознания социальных слоев в период поздней империи и в советском обществе, взаимоотношения церкви и советского государства в 1920–1930 гг., церковь в период гонений и репрессий, массовые общества в СССР (Союз воинствующих безбожников).

E-mail: mendyukoff@yandex.ru

ОВЧИННИКОВА Ирина Гавриловна (Москва). Кандидат технических наук, старший научный сотрудник в Научно-исследовательском Институте бетона и железобетона им. А. А. Гвоздева. Сфера научных интересов: исследования и испытания строительных конструкций, обследования состояния строительных конструкций и сооружений.

E-mail: igo933@mail.ru

ПАШКОВ Александр Михайлович (Петрозаводск). Доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Петрозаводского государственного университета. Сфера научных интересов: региональная история Европейского севера России до 1917 г.

E-mail: pashkov@mail.petsu.ru

ПЕТРОВ Павел Владимирович (Санкт-Петербург). Доктор исторических наук, заведующий отделом музейных исследований Государственного музея-заповедника «Петергоф». Сфера научных интересов: история Краснознаменного Балтийского флота в предвоенный период (1935–1941 гг.), история советско-финляндской войны 1939–1940 гг., история Петергофского дворцово-паркового комплекса в 1920-е — 1950-е гг.

E-mail: kbf1939@rambler.ru

ПЛЕХАНОВ Александр Михайлович (Москва). Доктор исторических наук, профессор. Сфера научных интересов: история Отдельного корпуса пограничной стражи и казачьих войск Российской империи, жизнь и деятельность Ф. Э. Дзержинского, история Всероссийской Чрезвычайной комиссии, военная контрразведка НКВД СССР в начале Великой Отечественной войны.

E-mail: plechanov.aleksandr@rambler.ru

ПЛЕХАНОВ Андрей Александрович (Москва). Кандидат исторических наук, главный специалист Государственного архива Российской Федерации. Сфера научных интересов: история Отдельного корпуса пограничной стражи императорской России, история отечественного казачества, история ВРК и ВЧК, военная контрразведка в начале Великой Отечественной войны, жизнь и деятельность Ф. Э. Дзержинского.

E-mail: yanus60@mail.ru

РЕПУХОВА Оксана Юрьевна (Петрозаводск). Сотрудник Института истории, политических и социальных наук Петрозаводского Государственного Университета. Сфера научных интересов: мобилизационная политика советского государства, мобилизационная подготовка приграничных территорий советского государства в 1920–1930-х гг., история Карелии 1920–1930-х гг.

E-mail: Repukhova@yandex.ru

СМИРНОВ Геннадий Викторович (Москва). Член Международной федерации журналистов, Союза журналистов России и международной Ассоциации «Союз дизайнеров», автор публикаций в СМИ о культурных, исторических, духовных ценностях России, автор и организатор фотовыставок в России и за рубежом (Франция, Германия, Испания, Англия, Черногория, Панама, Куба, Израиль и др.). Лауреат премии за лучшее освещение проблем культурного наследия на страницах печатных изданий, участник Международной Патриаршей Программы «Голоса Православной России во Франции», Года России во Франции, Международного просветительского проекта в Латинской Америке и др. Сфера научных интересов: культурология, психология, коммуникационные технологии.

E-mail: g.smirnov@mail.ru

СТЕПАНОВ Алексей Сергеевич (Москва). Доктор исторических наук, научный сотрудник Университета Дмитрия Пожарского, ведущий научный сотрудник Центра изучения новейшей истории России и политологии Института российской истории РАН. Сфера научных интересов: история советской и зарубежной военной авиации 1930–1940-х гг., начало Второй мировой войны, история отечественных спецслужб (начало 20-х — конец 80-х гг. XX в.), национальные проблемы в СССР и странах Варшавского договора (1945–1990 гг.).

E-mail: alexey-stepanoff@yandex.ru

ХАУСТОВ Владимир Николаевич (Москва). Доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник научно-исследовательского центра Военного университета МО РФ. Сфера научных интересов: история органов безопасности, репрессивная политика советского государства в 1920–1950 гг.

E-mail: vladimir-haustov@yandex.ru

Information about the Authors

KHAUSTOV Vladimir Nikolaevich (Moscow). Doctor of History, Professor, Leading Research Associate at the Research Center of the Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation. Sphere of scientific interest: history of security forces, repressive policies of the Soviet state in 1920–1950.

E-mail: vladimir-haustov@yandex.ru

KORGANOVA Maria Eduardovna (Moscow). Postgraduate student at NRU HSE; History Professor at the Moscow Institute of Electronics and Mathematics, NRU HSE. Sphere of scientific interest: national history of the Soviet period, social history of the Gulag, comparative studies of the political, social, and institutional aspects of the penal systems of the USSR and the Third Reich.

E-mail: lumbrada@bk.ru

MARKELOV Artem Vladimirovich (Kirov). Ph.D. in History, member of the Union of Russian Writers. Sphere of scientific interest: history of the Russian Orthodox Church in the 17th–20th centuries, icons and saints in local and national Russian history, history of church-state relations.

E-mail: avkimarkelov@mail.ru

MENDYUKOV Andrei Valerievich (Moscow). Ph.D. in History, Research Associate at the Russian Foundation for the Promotion of Education and Science. Sphere of scientific interest: Russian Orthodox Church, society and power in the period of the late empire (second half of the 19th — beginning of the 20th centuries), political, economic, cultural and educational activity of clergy, peculiarities of mass consciousness of social strata in the late empire and in the Soviet society, relationship between the church and the Soviet state in 1920–1930s, church in the period of persecution and repression, mass societies in the USSR (League of Militant Atheists).

E-mail: mendyukoff@yandex.ru

OVCHINNIKOVA Irina Gavrilovna (Moscow). Ph.D. in Technical Sciences, Senior Research Associate at the Research Institute of Concrete and Reinforced Con-

crete named after A. A. Gvozdev. Sphere of scientific interest: research and testing of building structures, inspection of the state of engineering structures and buildings.

E-mail: igo933@mail.ru

PASHKOV Alexander Mikhailovich (Petrozavodsk). Doctor of History, professor of Department of Russian History of Petrozavodsk State University. Research interests: regional history of the European North of Russia until 1917.

E-mail: pashkov@psu.karelia.ru

PETROV Pavel Vladimirovich (St. Petersburg). Doctor of History, the manager of the Department of Museum Studies of the State Reserve Museum «Peterhof». Research interests: history of the red Banner Baltic Fleet in the pre-war period (1935–1941s), the history of the Soviet-Finnish war of 1939–1940s, the history of the Peterhof palace and park complex in the 1920s–1950s.

E-mail: kbf1939@rambler.ru

PLEKHANOV Aleksandr Mikhailovich (Moscow). Doctor of History, professor. Sphere of scientific interest: history of the Separate corps of boundary guards and Cossack troops of the Russian Empire, life and work of F. E. Dzerzhinsky, history of the All-Russian Extraordinary Commission, military counterintelligence of the People's Commissariat for Internal Affairs (NKVD) of the USSR at the beginning of the Great Patriotic War.

E-mail: plechanov.aleksandr@rambler.ru

PLEKHANOV Andrei Aleksandrovich (Moscow). Ph. D. in History, Chief Expert at the State Archive of the Russian Federation. Sphere of scientific interest: history of the Separate corps of border guards of the Russian Empire, history of the Russian Cossacks, history of the Military Revolutionary Committee and the All-Russian Extraordinary Commission, military counterintelligence in the beginning of the great Patriotic war, life and work of F. E. Dzerzhinsky.

E-mail: yanus60@mail.ru

REPUCHOVA Oksana Yurievna (Petrozavodsk). A co-worker of the Institute of History, Political and Social Sciences of the Petrozavodsk State University. Research interests: the mobilization policy of the Soviet state, mobilization training of border areas of the Soviet state in the 1920–1930s, the history of Karelia of 1920–1930s.

E-mail: Repukhova@yandex.ru

SMIRNOV Gennady Viktorovich (Moscow). Member of the International Federation of Journalists, member of the International Design Association. Member of the Russian Union of Journalists, and the International Design Association;

---

author of publications on the cultural, historical, spiritual values of Russia; author and organizer of photo exhibitions in Russia and abroad (France, Germany, Spain, England, Montenegro, Panama, Cuba, Israel, etc.). Winner of the award for best coverage of cultural heritage problems in printed publications; participant of the International Patriarchal Program “Voices of Orthodox Russia in France”, participant of the Year of Russia in France, participant of the International Educational Project in Latin America, etc. Sphere of scientific interest: cultural studies, psychology, communication technologies.

E-mail: g.smirnov@mail.ru

STEPANOV Alexey Sergeevich (Moscow). Doctor of History, Researcher at the Dmitry Pozharsky University, Leading Researcher in the Center for Study of Contemporary Russian History and Political Science at the Institute of Russian History of the Russian Academy of Science. Research interests: history of Soviet and foreign military aircraft of the 1930–1940, history of the II World War, history of the Russian special services (early 20s — late 80s of the XX cent.), national problems in the USSR and countries of the Warsaw agreement (1945–1990).

E-mail: alexey-stepanoff@yandex.ru

VERIGIN Sergey Gennadyevich (Petrozavodsk). Doctor of History, Professor. Director of the Institute of History, Political and Social Sciences, Petrozavodsk State University. Research interests: Soviet (Russian) — Finnish relations during the Second World War, the European North in the Great Patriotic War.

E-mail: verigin@psu.karelia.ru

Список сокращений

АУФСБ СПб и ЛО — Архив Управления Федеральной службы безопасности по Санкт-Петербургу и Ленинградской области

ГАКО — Государственный архив Кировской области

ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации

ГАСПИКО — Государственный архив социально-политической истории Кировской области

ГАЧО — Государственный архив Черниговской области

НАРХ — Национальный архив Республики Карелия

ОМАК — Объединенный межведомственный архив культуры

РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории

ЦА ФСБ России — Центральный архив Федеральной службы безопасности России

ЦГА СПб — Центральный государственный архив Санкт-Петербурга

ЦГАИПД СПб — Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга

**НЕКОТОРЫЕ КНИГИ, ВЫПУЩЕННЫЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВОМ УНИВЕРСИТЕТА ДМИТРИЯ ПОЖАРСКОГО
(РУССКИЙ ФОНД СОДЕЙСТВИЯ ОБРАЗОВАНИЮ И НАУКЕ)**

*Более подробную информацию о наших книгах (аннотации, оглавление,
отдельные главы) и местах продажи можно найти на сайте
www.publisher.usdp.ru.*

ВЕСТНИК УНИВЕРСИТЕТА ДМИТРИЯ ПОЖАРСКОГО

1. Вестник Университета Дмитрия Пожарского. Выпуск 1. Город: история и культура / отв. ред. А. Г. Авдеев. М., 2014.
2. Вестник Университета Дмитрия Пожарского. Выпуск 1 (2). Русь и Византия / отв. ред. Г. Г. Донской. М., 2015.
3. Вестник Университета Дмитрия Пожарского. Выпуск 1 (3). Политические репрессии на севере России (материалы работы Соловецкого семинара) / отв. ред. Г. Г. Донской. М., 2016.
4. Вестник Университета Дмитрия Пожарского. Выпуск 2 (4). Советский ландшафт древней ойкумены: отечественная наука о древнем Востоке и античности в 1920–1980-е гг. / отв. ред. Г. Г. Донской. М., 2016.
5. Вестник Университета Дмитрия Пожарского. Выпуск 1 (5). Императорская Россия / отв. ред. Г. Г. Донской. М., 2017.
6. Вестник Университета Дмитрия Пожарского. Выпуск 2 (6). Русь, Россия и Великое княжество Литовское: Из истории политической и социокультурной жизни Восточной Европы в XIII–XVI вв. / отв. ред. Г. Г. Донской. М., 2017.
7. Вестник Университета Дмитрия Пожарского. Выпуск 3 (7). От Гражданской до Второй мировой: из истории репрессий на севере России / отв. ред. Г. Г. Донской. М., 2017.
8. Вестник Университета Дмитрия Пожарского. Выпуск 4 (8). Серебряный век русской культуры / отв. ред. Г. Г. Донской. М., 2017.

ОДИССЕЙ. ЧЕЛОВЕК В ИСТОРИИ

9. Одиссей. Человек в истории. 2015–2016: Ритуалы религиозные практики инноваторов во взаимных представлениях / [гл. ред. А. О. Чубарьян; сост. С. И. Лучицкая]. М., 2017.

АРХЕОГРАФИЧЕСКИЙ ЕЖЕГОДНИК

10. Археографический ежегодник за 2012 год. М., 2016.

СРЕДНЕВЕКОВЬЕ. НОВОЕ ВРЕМЯ. ИССЛЕДОВАНИЯ. ИСТОЧНИКИ

а) Сборники и хрестоматии

11. Древняя Русь в свете зарубежных источников: хрестоматия. Том I. Античные источники / сост. А. В. Подосинов, под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой и А. В. Подосинова. М., 2009, 2017.
12. Древняя Русь в свете зарубежных источников: хрестоматия. Том II. Византийские источники / сост. М. В. Бибииков, под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой и А. В. Подосинова. М., 2010.
13. Древняя Русь в свете зарубежных источников: хрестоматия. Том III. Восточные источники / сост. Т. М. Калинина, И. Г. Коновалова, В. Я. Петрухин, под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой и А. В. Подосинова. М., 2009.
14. Древняя Русь в свете зарубежных источников: хрестоматия. Том IV. Западноевропейские источники / сост., пер., коммент. А. В. Назаренко, под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой и А. В. Подосинова. М., 2010.
15. Древняя Русь в свете зарубежных источников: хрестоматия. Том V. Древнескандинавские источники / сост. Г. В. Глазырина, Т. Н. Джаксон, Е. А. Мельникова, под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой и А. В. Подосинова. М., 2009.
16. Древняя Русь в свете зарубежных источников / под ред. Е. А. Мельниковой; авторы: М. В. Бибииков, Г. В. Глазырина, Т. Н. Джаксон, И. Г. Коновалова, Е. А. Мельникова, А. В. Назаренко, А. В. Подосинов. М., 2013, 2015.
17. Висы дружбы: Сборник статей в честь Т. Н. Джаксон / под ред. Н. Ю. Гвоздецкой, И. Г. Коноваловой, Е. А. Мельниковой, А. В. Подосинова. М., 2011.
18. Самые забавные лживые саги: Сборник статей в честь Галины Васильевны Глазыриной / под ред. Т. Н. Джаксон и Е. А. Мельниковой. М., 2012.
19. Именослов. История языка. История культуры. Сборник статей / отв. ред. Ф. Б. Успенский. М., 2012.
20. Многоликость целого: из истории цивилизаций Старого и Нового Света: Сборник статей в честь Виктора Леонидовича Малькова / отв. ред. О. В. Кудрявцева. М., 2011.
21. Формирование территории Российского государства. XVI — начало XX в. (границы и геополитика) / отв. ред. Е. П. Кудрявцева. М., 2015, 2017.

б) Русь и Россия. Славянский мир

22. *Березович Е. Л.* Русская лексика на общеславянском фоне: семантико-мотивационная реконструкция. М., 2012.
23. *Волков С. В.* Высшее чиновничество Российской империи. Краткий словарь. М., 2016.
24. *Волков С. В.* Офицеры казачьих войск. Опыт мартиролога. М., 2013.
25. *Гайда Ф. А.* Власть и общественность в России: диалог о пути политического развития (1910–1917). М., 2016.

26. *Евсеева Л. М.* Аналойные иконы в Византии и Древней Руси. Образ и литургия. М., 2013.
27. *Живов В. М.* История языка русской письменности: В 2 т. Том I. М., 2017.
28. *Живов В. М.* История языка русской письменности: В 2 т. Том II. М., 2017.
29. *Каиштанов С. М.* Исследование о молдавской грамоте XV века. М., 2012.
30. *Каиштанов С. М.* Московское царство и Запад: историографические очерки. М., 2015.
31. *Лидов А. М., Евсеева Л. М., Чугреева Н. Н.* Спас Нерукотворный в русской иконе. М., 2008.
32. Мария Фёдоровна, императрица, 1847–1928. Ксения Александровна, вел. кн., 1875–1960, Ольга Александровна, вел. кн., 1882–1960. Письма (1918–1940) к княгине А. А. Оболенской / подгот. текста, пер. с франц. М. Е. Сороки, под ред. Л. И. Заковоротной. М., 2013.
33. *Мельникова Е. А.* Древняя Русь и Скандинавия. Избранные труды/ под ред. Г. В. Глазыриной и Т. Н. Джаксон. М., 2011.
34. Пётр II Петрович Негош и Россия (Русско-черногорские отношения в 1830–1850-е гг.). Документы / сост.: М. Ю. Анисимов, Ю. П. Аншаков, Р. Распопович, Н. Н. Хитрова. М., 2013.
35. *Пихоя Р. Г.* Записки археографа. М., 2016.
36. *Пулькин М. В.* Самосожжения старообрядцев (середина XVII–XIX в.). М., 2013, 2015.
37. *Ранчин А. М.* Памятники Борисоглебского цикла: текстология, поэтика, религиозно-культурный контекст. М., 2017.
38. *Рахаев Д. Я.* Политика России на Северном Кавказе в первой четверти XVIII века. М., 2012.
39. *Романова Г. Я.* Объяснительный словарь старинных русских мер. М., 2017.
40. *Столярова Л. В., Каиштанов С. М.* Книга в Древней Руси (XI–XVI вв.) / отв. ред. С. М. Каштанов. М., 2010.

в) Западный мир. Восток

41. *Большаков О. Г.* Рождение и развитие ислама и мусульманской империи (VII–VIII вв.). М., 2016.
42. *Гимон Т. В.* Историописание раннесредневековой Англии и Древней Руси: сравнительное исследование / отв. ред. Л. В. Столярова. М., 2012.
43. *Калинина Т. М.* Проблемы истории Хазарии (по данным восточных источников). М., 2015.
44. *Креленко Н. С.* Такие разные... Судьбы английских интеллектуалок Нового времени / Н. С. Креленко, Л. Н. Чернова, А. К. Костина; под общей ред. Н. С. Креленко. М., 2018
45. *Лидов А. М.* Росписи монастыря Ахтала. История, иконография, мастера. М., 2014.
46. *Марей Е. С.* Энциклопедист, богослов, юрист: Исидор Севильский и его представления о праве и правосудии. М., 2014.

СЕРИЯ «Исследования. История»

47. *Мереминский С. Г.* Формирование традиции: английское историописание второй половины XI – первой половины XII веков. М., 2016.

СЕРИЯ «Источники. Исследования»

48. *Долгорукова Н. М.* Сафо Средневековья. Мария Французская: Круг чтения и литературные принципы автора XII в. М., 2016.

СЕРИЯ «Исторические источники»

49. *Агишев С. Ю.* Теодорик Монах и его «История о древних норвежских королях». М., 2013.
50. *Афанасьева Т. И.* Древнеславянские толкования на литургию в рукописной традиции XII–XVI вв.: исследование и тексты. М., 2012.
51. *Афанасьева Т. И.* Литургии Иоанна Златоуста и Василия Великого в славянской традиции (по служебникам XI–XV вв.). М., 2015.
52. *Ауров О. В., Марей А. В.* Вестготская правда (Книга приговоров). Латинский текст, Перевод, Исследование. М., 2012.
53. *Ганина Н. А.* Мехтильда Магдебургская. Струющийся свет Божества. Перевод и исследования. М., 2014.
54. *Генрих Хантингдонский.* История англоv / пер. с лат., вступ. ст., примеч., библиография и указатели С. Г. Мереминского. М., 2015.
55. *Долеман Р. (Парсонс Роберт).* Рассуждение о наследовании английского престола. 1594 г. / перевод А. Ю. Серёгиной. М., 2013.
56. *Джаксон Т. Н.* Исландские королевские саги о Восточной Европе. М., 2012.
57. Паралипомены Иеремии пророка (Четвертая книга Варуха) / Перевод, комментарий и религиозно-исторический очерк И. С. Вевурко. М., 2017.
58. Пишу исключительно по памяти... Командиры Красной Армии о катастрофе первых дней Великой Отечественной войны: В 2 т. Том 1. / Сост., авт. предисл., коммент. и биограф. очерков С. Л. Чекунов. М., 2017.
59. Пишу исключительно по памяти... Командиры Красной Армии о катастрофе первых дней Великой Отечественной войны: В 2 т. Том 2. / Сост., авт. предисл., коммент. и биограф. очерков С. Л. Чекунов. М., 2017.
60. *Святитель Хромотий Аквилейский.* Проповеди / пер., вступ. ст. С. С. Кима. М., 2014.
61. *Юлиана Нориджская.* Откровения Божественной Любви / пер., вступ. ст., примеч., подгот. среднеангл. текста Ю. Дресвиной. *Julian of Norwich. Revelations of Divine Love / Edition, introduction, translation and commentaries by Juliana Dresvina.* М., 2010.
62. Немецкие анналы и хроники X – XI вв. / пер. И. В. Дьяконова, В. В. Рыбакова. М., 2012.
63. Полоцкие грамоты XIII – начала XVI в. Том 1 / подгот. публ. А. Л. Хорошкевич, С. В. Полехова, В. А. Воронина, А. И. Груши, А. А. Жлутко, Е. Р. Сквайрс, А. Г. Тюльпина. М., 2015.

64. Полоцкие грамоты XIII – начала XVI в. Том 2 / подгот. публ. А.Л. Хорошкевич, С.В. Полехова, В.А. Воронина, А.И. Груши, А.А. Жлутко, Е.Р. Сквайрс, А.Г. Тюльпина. М., 2015.

СЕРИЯ «История Церкви»

65. *Мендюков А.В.* Русская Православная Церковь в Среднем Поволжье на рубеже XIX–XX веков. М., 2016.
66. *Менькова И.Г.* Блаженны кроткие... Священномученик Сергей Лебедев, последний духовник Московского Новодевичьего монастыря. Жизненный путь, проповеди, письма из ссылки. М., 2014.
67. Собрание проповедей протоиерея Валентина Амфитеатрова / сост. Е.Н. Викторова, И.Н. Сергеенко. М., 2016.

ГЕОПОЛИТИКА. СОЦИОЛОГИЯ. НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ. ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ

68. *Асмолов К.В.* Корейская политическая культура: Традиции и трансформация. М., 2017.
69. *Валлерстайн Иммануил.* Мир-система Модерна. Том I. Капиталистическое сельское хозяйство и истоки европейского мира-экономики в XVI веке. *Wallerstein Immanuel. The Modern World-System I. Capitalist Agriculture and the Origins of the European World-Economy in the Sixteenth Century /* предисловие Г. М. Дерлугьяна; пер. сангл., литер. редак., комм. Н. Проценко, А. Черняева. М., 2015, 2016.
70. *Валлерстайн Иммануил.* Мир-система Модерна. Том II. Меркантилизм и консолидация европейского мира-экономики, 1600–1750. *Wallerstein Immanuel. The Modern World-System II. Mercantilism and the Consolidation of the European World-Economy, 1600–1750 /* пер. сангл., литер. редак., комм. Н. Проценко. М., 2016.
71. *Валлерстайн Иммануил.* Мир-система Модерна. Том III. Вторая эпоха великой экспансии капиталистического мира-экономики, 1730–1840-е годы. *Wallerstein Immanuel. The Modern World-System III. The Second Era of Great Expansion of the Capitalist World-Economy, 1730s–1840s /* пер. сангл., литер. редак., комм. Н. Проценко. М., 2016.
72. *Валлерстайн Иммануил.* Мир-система Модерна. Том IV. Триумф центристского либерализма, 1789–1914. *Wallerstein Immanuel. The Modern World-System IV. Centrist Liberalism Triumphant, 1789–1914 /* пер. сангл., литер. редак., комм. Н. Проценко. М., 2016.
73. *Волков С.В.* Элитные группы традиционных обществ. М., 2017.
74. *Дерлугьян Г.М.* Армения на выходе из постсоветской реставрации: анализ возможностей. М., 2017.
75. *Зверев В.О.* Иностраннный шпионаж и организация борьбы с ним в Российской империи (1906–1914 гг.). М., 2016.

76. *Кикнадзе В. Г.* Невидимый фронт войны на море. Морская радиоэлектронная разведка в первой половине XX века. М., 2011.
77. *Козлов Д. Ю.* Нарушение морских коммуникаций по опыту действий российского флота в Первой мировой войне (1914–1917). М., 2013.
78. *Котельников В. Р.* Отечественные авиационные поршневые моторы 1910–2009. М., 2010.
79. Кто есть кто. Статусная элита Российской Федерации: [справочник] / Составители: А. В. Мендюков, С. Г. Шилова, Е. Н. Шматов под руководством С. В. Волкова. М., 2017.
80. *Любжин А. И.* Сумерки всеобща. Школа для всех и ни для кого. М., 2017.
81. *Лукач Д.* История и классовое сознание. Хвостизм и диалектика. Тезисы Блюма (фрагменты) / Дьёрдь Лукач; [пер. с нем. яз., коммент., вступит. статья, указ. С. П. Поцелуева]. М., 2017.
82. *Люттвак Эдвард Н.* Возвышение Китая наперекор логике стратегии. *Luttwak Edward N. The Rise of China vs. the Logic of Strategy* / пер. с англ. Н. Н. Платошкина. М., 2016.
83. *Люттвак Эдвард Н.* Стратегия: Логика войны и мира. *Luttwak Edward N. The Strategy: Logic of War and Peace* / пер. сангл. А. Н. Ковалья, Н. Н. Платошкина. М., 2012, 2015, 2016, 2017.
84. *Люттвак Эдвард Н.* Государственный переворот: практическое пособие. *Luttwak Edward N. Coup d'État: Practical Handbook* / пер. сангл. Н. Н. Платошкина. М., 2012, 2015, 2017.
85. Она развалилась. Повседневная история СССР и России в 1985–1999 гг. / сост. Е. Ю. Бузев. М., 2017.
86. *Рашид Ахмед.* Талибан / пер. с англ. М. В. Поваляева. М., 2003.
87. *Свойский Ю. М.* Военнопленные Халхин-Гола. История бойцов и командиров РККА, прошедших через японский плен. М., 2014.
88. *Симонов Н. С.* Несостоявшаяся информационная революция: условия и тенденции развития в СССР электронной промышленности и средств массовой коммуникации. Часть I. 1940–1969 годы. М., 2013.
89. *Симонов Н. С.* Очерки истории банковской системы России. 1988–2013 гг. М., 2016.
90. *Симонов Н. С.* Развитие электроэнергетики Российской империи: предыстория ГОЭЛРО. М., 2016.
91. *Степанов А. С.* Развитие советской авиации в предвоенный период (1938 — первая половина 1941 года). М., 2009.
92. *Томиока Садатоси.* Политическая стратегия Японии до начала войны. М., 2016.
93. *Тумишис М. А., Золотарёв В. А.* Евреи в НКВД СССР. 1936–1938 гг. Опыт биографического словаря. М., 2017.
94. *Фомин А. М.* Война с продолжением. Великобритания и Франция в борьбе за «Османское наследство», 1918–1923. М., 2010.
95. *Хандорин В. Г.* Национальная идея и адмирал Колчак. М., 2017.

96. *Юдин Н. В.* Патриотический подъем в странах Антанты в начале Первой мировой войны. М., 2017.

СЕРИЯ «Холодная война»

97. *Липкин М. А.* Советский Союз и интеграционные процессы в Европе: середина 1940-х — конец 1960-х годов. М., 2016.
98. *Мазов С. В.* Холодная война в «сердце Африки». СССР и конголезский кризис, 1960–1964. М., 2015.
99. Многосторонняя дипломатия в биполярной системе международных отношений / отв. ред. Н. И. Егорова. М., 2012.
100. *Петров П. В.* Краснознаменный Балтийский флот накануне Великой Отечественной войны: 1935 – весна 1941 г. М., 2016.
101. *Платошкин Н. Н.* Весна и осень чехословацкого социализма. Чехословакия в 1938–1968 гг. Часть 1. Весна чехословацкого социализма. 1938–1948 гг. М., 2016.
102. *Платошкин Н. Н.* Весна и осень чехословацкого социализма. Чехословакия в 1938–1968 гг. Часть 2. Осень чехословацкого социализма. 1948–1968 гг. М., 2016.
103. *Симонов Н. С.* Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е годы: темпы экономического роста, структура, организация производства и управление. М., 2015.
104. *Стыкалин А. С.* Венгерский кризис 1956 года в исторической ретроспективе. М., 2016.
105. *Тумишис М. А.* Щит и меч Советского Союза. Справочник: краткие биографии руководителей органов государственной безопасности СССР и союзных республик (декабрь 1922 — декабрь 1991 гг.). М., 2016.
106. *Улуния Ар. А.* Балканский «щит социализма». Оборонная политика Албании, Болгарии, Румынии и Югославии (середина 50-х гг. — 1980 г.). М., 2013.
107. Хмурые будни холодной войны. Ее солдаты, прорабы и невольные участники / отв. ред. А. С. Степанов. М., 2012.

Если вы нашли в наших книгах опечатки, просьба сообщить о них на электронный адрес knigiudp@gmail.com. В сообщении нужно указать книгу, страницу и абзац, где была обнаружена опечатка.

Благодарим за сотрудничество.

УНИВЕРСИТЕТ ДМИТРИЯ ПОЖАРСКОГО

Университет носит имя князя Дмитрия Михайловича Пожарского — восстановителя и защитника российской государственности в Смутное время, навсегда вошедшего в историю нашей Родины как пример верности долгу, искренней и деятельной любви к Отчизне.

Университет Дмитрия Пожарского ставит перед собой задачу подготовить для России фундаментально образованных, высококвалифицированных специалистов-исследователей в ключевых областях знания и сферах человеческой деятельности. **Приоритетом Университета** является восстановление ценности классического фундаментального образования, науки и практики в России. Университет Дмитрия Пожарского призван стать Университетом в исконном значении этого слова.

Мы видим **выпускников Университета** людьми с большой внутренней мотивацией, источник которой — их образование, чувство чести и любовь к Родине; людьми сильными, не боящимися внутренней работы; людьми, способными к самостоятельному целеполаганию для изменения мира вокруг себя.

Получение степени магистра Университета поможет сформировать собственное, глубокое и цельное мировоззрение, умение аналитически мыслить, постигать новое, видеть связь вещей и явлений, способность понять структуру любой области человеческого знания и деятельности и готовность грамотно взаимодействовать с профессионалами в этой области, способность решать самые сложные задачи.

Эти качества позволят выпускникам участвовать в руководстве образованием и наукой в национальном масштабе, разрабатывать решения научных и социальных проблем первостепенной важности.

В данный момент в Университете Дмитрия Пожарского открыты следующие магистерские программы:

«ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА АНТИЧНОСТИ» (НАПРАВЛЕНИЕ «ИСТОРИЯ»)

Программа дает лингвистическую, историческую и филологическую подготовку, открывающую широкую перспективу научно-педагогической деятельности; овладение в достаточной степени классическими языками позволяет напрямую обращаться к основам современной философии и культуры.

«МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ АНАЛИЗ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ (МАСЭП)» (НАПРАВЛЕНИЕ «ЭКОНОМИКА»)

Программа включает в себя изучение совокупности предметов, которые позволят понять экономическое и социальное устройство современного общества и его эволюцию, — математики, теоретической физики, экономических дисциплин, социологии, психологии.

Обе программы предполагают овладение фундаментальной интеллектуальной культурой: общими предметами являются история и иностранные языки, магистрантам МАСЭП будет дано представление о современном гуманитарном знании, а магистрантам-историкам – базовый курс современной физики и математики.

В дальнейшем планируется открытие бакалавриата и аспирантуры.

Телефон для справок по вопросам зачисления: 8-800-505-36-48
(звонок на территории России бесплатный).

Более подробная информация на сайте Университета www.usdp.ru.

УВАЖАЕМЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ!

Приглашаем вас к публикации в «Вестнике Университета Дмитрия Пожарского». Журнал выпускается с 2014 года, входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ). В настоящий момент специализация издания — гуманитарные науки (история, филология, экономика, социология, философия и др.).

Продолжается формирование номеров за 2018 год по следующим темам:

- § античная литература;
- § история Древнего Востока;
- § история русской литературы;
- § церковнославянский язык.

К публикации принимаются научные статьи (не более 120 000 знаков с пробелами), рецензии на современные научные издания (не более 40 000 знаков с пробелами), исторические источники (объём по согласованию).

Основные требования к содержанию — обоснованная в тексте научная новизна исследования и доступность языка изложения. Не принимаются работы, ранее опубликованные в других изданиях или размещенные в Интернете. Все материалы рецензируются членами редколлегии журнала. Материалы публикуются бесплатно.

Все вопросы и материалы высылайте на электронный адрес:
vestnik.udp@yandex.ru.

Периодическое издание

**Вестник
Университета Дмитрия Пожарского
№ 3 (7) 2017 г.**

Редактор Г. Г. Донской
Корректор А. В. Пименова
Переводчик А. А. Курьшева
Дизайн макета И. Р. Яворский
Компьютерная вёрстка А. А. Васильева
Дизайн обложки Е. А. Горева
Оформление обложки А. А. Васильева

Электронный адрес издания: vestnik.udp@yandex.ru

«Русский фонд содействия образованию и науке»,
Университет Дмитрия Пожарского.
119435, Москва, ул. Малая Пироговская, д. 13, стр. 1.
www.publisher.usdp.ru